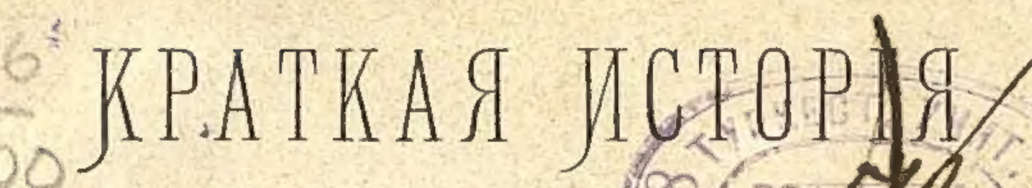

529 уч.
СЕМИНАРІИ

КРАТКАЯ ИСТОРІЯ

КОКАНДСКАГО ХАНСТВА.

СОСТАВИЛЪ

В. Наливкинъ.

دنيا بمثال يك رباطه دو در است
هر روز درين سراچه قوم ديگر است

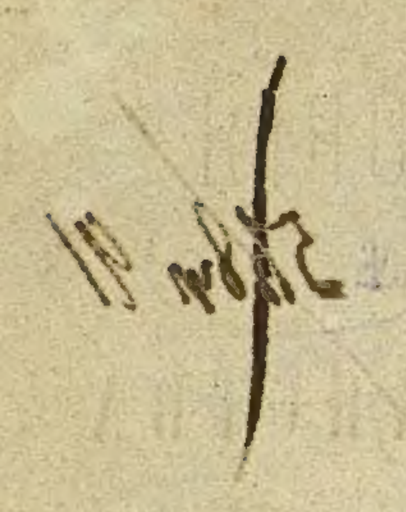
«Миръ земной уподобляется заѣзжему дому съ двумя дверями.
«Въ зданьицѣ этомъ ежедневно новые люди».

هركه آمد عمارتی نو ساخت
رفت ومنزل بديگرى پرداخت

«Каждый, кто приходитъ (въ жизнь), строитъ какое либо новое зданіе.
«Уходитъ, приготовивъ временную станцію для послѣдующаго».

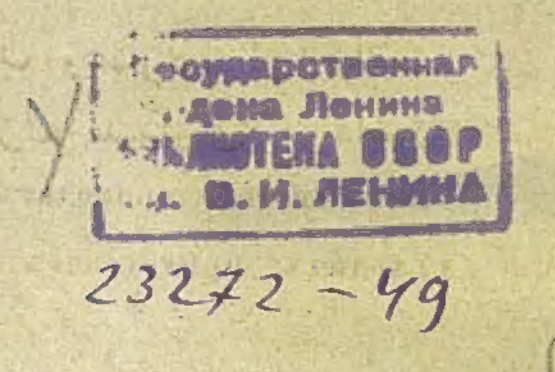
(*Саади*).

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1886.

Дозволено цензурою. Казань, 12 Марта 1886 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Полное почти отсутствіе, какъ въ русской, такъ равно и въ Западно-Европейской литературѣ, сочиненій по части новѣйшей исторіи Ферганы и въ тоже время возможность пользоваться нѣсколькими, достаточно солидными, историческими сочиненіями туземной литературы дали мнѣ смѣлость приступить къ составленію „Краткой Исторіи Кокандскаго Ханства“ въ надеждѣ, что мой скромный трудъ окажется не совсѣмъ безъинтереснымъ для лицъ, занятыхъ изученіемъ Востока.

Къ источникамъ, которыми я пользовался при составленіи моего труда, кромѣ народныхъ преданій и устныхъ разсказовъ очевидцевъ, принадлежатъ:

1) *Джаáнъ-намá*. Исторія Кокандскаго Ханства. Сочиненіе Аттáра Мулла Авáзъ Мáта. 1283 годъ (1866).

Изложеніе событій кончается 1283 годомъ. Авторъ—Кокандскій житель; очевидецъ многихъ событій въ правленіе Мадали, Ширъ-Али и Худояръ хана. Единственный экземпляръ этаго сочиненія принадлежитъ нынѣ сыну Аттáра Муллы Авáзъ Мáта.

2) *Мунтахабъ-ут-Таварихъ* (нѣкоторыя копіи этого сочиненія названы переписчиками *Интихабъ-и-Таварихъ*). Исторія Бухары и Кокандскаго Ханства. Сочиненіе Хаджи-

Мухамедъ-Хакимъ-Ханъ-Турё, сына извѣстнаго здѣсь Сеидъ-Маасумъ-Хана (потомка Хазретъ-и-Махдумъ-Азама), возведеннаго Омаръ-ханомъ въ званіе Шейхъ-уль-Ислама.

Изложеніе доведено до времени правленія Ширъ-Али-хана включительно. При Мадали-ханѣ авторъ былъ изгнанъ въ Россію. Послѣ долгихъ скитаній по Аравіи и Египту, онъ вернулся въ Бухару, гдѣ и жилъ при эмирѣ до вступленія на престолъ Худояръ-хана.

3) *Шахъ-нама* (Поэма). Исторія Кокандскаго ханства до вступленія на престолъ Худояръ-хана включичельно. 1292 г. (1875). Сочиненіе Мулла Шамси, поэта, пищущаго и по сіе время подъ псевдонимомъ Мулла-Шауки. Житель кишлака Кальвакъ-Чустскаго Уѣзда Ферганской Области. Поэма эта, написанная (на тюркскомъ языкѣ) по приказанію Худояръ-хана, составлена по письменнымъ источникамъ, ознакомиться съ которыми мнѣ не удалось.

4) *Джангъ-Нама* (Поэма). Исторія кипчакскихъ возстаній при Ширъ-Али и Худояръ-ханѣ. 1269 г. (1852). Сочиненіе того-же Мулла-Шамси.

5) *Тарихъ-и-Гузида*. Древняя и средняя исторія Турана. Сочиненіе Абдуллы-Шаштари. Написана въ Мешхедѣ въ 992 г. (1584).

6) *Шахъ-и-Джарирь*. Поэма на тюркскомъ языкѣ. Преданіе о завоеваніи арабами Сѣверо-Западной части Ферганы. Время составленія и имя автора неизвѣстны.

7) *Бабуръ-нама*. Записки Султана Бабура. Изданіе Н. Ильминскаго. Казань. 1857 года.

Здѣсь же позволю себѣ сообщить читателю, что Бабуръ-Нама, столь прославленная Европейскими оріенталис-

тами, почти совершенно неизвѣстна сартамъ. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось показывать эту книгу наиболѣе образованнымъ изъ знакомыхъ мнѣ туземцевъ и каждый разъ убѣждаться въ томъ, что они, не только не знакомы съ ея содержаніемъ, но даже никогда не слыхали объ ея существованіи. Что же касается до автора этого, несомнѣнно классическаго, произведенія, то имя его пользуется здѣсь почему то очень плохой репутаціей.

Въ разныхъ пунктахъ Ферганы мнѣ не разъ приходилось слышать одно и тоже преданіе или, вѣрнѣе, одну и туже легенду о смерти Бабура:

„Однажды съ неба послышался гласъ—„ханъ-Бабуръ—ани́ у́ръ, у́ръ!“ (ханъ-Бабуръ—бей его, бей), народъ кинулся на Бабура и избилъ его до смерти“.

Что послужило основаніемъ этой странной легендѣ сказать трудно, но, во всякомъ случаѣ, уже одно существованіе ея здѣсь доказываетъ, на сколько не популярно имя Бабура среди Ферганскихъ сартовъ.

8) *Исторія Бухары.* Вамбери, изданіе 1873 года.

9) *Кашгарія.* А. Н. Куропаткинъ, изданіе 1879 года. Историческій отдѣлъ этой книги стр. 74—151.

10) *Документы* (ярлыки, ина-ѝтъ-пама́ и приказы), выданные въ разное время, какъ Ферганскими правителями, такъ равно и Бухарскими эмирами на имя Шейховъ Маза́ра Султанъ-Сеидъ (въ кишлакѣ Карасканъ Наманганскаго Уѣзда). Документы эти, въ числѣ 144, хранятся у нынѣшняго Шейха названнаго мазара Джаляль-Ходжи-Ишана.

Отнюдь не задаваясь широкими, непосильными для меня, планами, я желалъ бы только собрать и, по возможности, свя-

зать тѣ скудныя къ сожалѣнію свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось пріобрѣсти въ теченіи моего девятилѣтняго пребыванія въ Ферганѣ.

Свѣдѣнія эти получились мною лишь попутно, при изученіи быта и другихъ особенностей вновь завоеванной нами страны, такъ какъ до сихъ поръ исторія отнюдь не составляла моей спеціальности. Пусть благосклонный читатель приметъ все это во вниманіе и проститъ мнѣ тѣ недостатки, которые онъ, конечно, встрѣтитъ въ моемъ сочиненіи.

Буду вполнѣ счастливъ, если моя „Краткая Исторія Кокандскаго Ханства“ удостоится быть почвой, дальнѣйшая разработка которой перейдетъ въ руки людей, болѣе меня подготовленныхъ къ дѣлу изысканій въ области исторіи.

Авторъ.

Глава I.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію событій, касающихся исторіи Кокандскаго ханства, считаю необходимымъ предварительно: 1) указать на пункты древней осѣдлости Ферганы; 2) сказать нѣсколько словъ объ этнографіи этой страны и 3) выяснить, по возможности, тотъ путь, по которому слѣдовало въ Ферганѣ развитіе, какъ ея осѣдлости, такъ равно и особенностей, отличавшихъ, въ послѣднее время существованія ханства, населявшія его народности, т. е. выяснить, по какимъ именно причинамъ та или другая народность заняли то или другое относительное положеніе въ ханствѣ. Полагая читателя вполнѣ знакомымъ съ современной географіей Ферганы, я позволю себѣ все таки напомнить ему о томъ общемъ видѣ, который представляетъ въ настоящее время эта долина, со всѣхъ сторонъ окруженная горами, разомкнутыми лишь у Ходжента, гдѣ онѣ образуютъ такъ называемыя Ходжентскія ворота. Нижній поясъ долины, или ея дно, представляетъ собою почти правильную плоскость, очень слабо наклоненную по своему магистралу съ Сѣверо-Востока на Юго-Западъ, со среднею высотою около 1200—1300 футъ надъ уровнемъ моря; средній поясъ (предгорья) волнистъ, пересѣченъ, радіонально наклоненъ къ центру долины и приподнятъ по своему верхнему краю на 4000—4500 футъ (надъ уровнемъ моря); верхній поясъ образуется горными хребтами, снабжающими долину водой. За исключеніемъ Сыръ-Дарьи (и частію Кара-Дарьи), текущей вдоль сѣвернаго края нижняго пояса, всѣ остальные горные потоки разныхъ величинъ сбѣгаютъ съ горныхъ хребтовъ, идутъ почти по радіусамъ долины, стремясь къ центру ея дна, при чемъ конечности ихъ природныхъ руселъ входятъ въ Дарью. Что касается до воды этихъ потоковъ, то,

въ большинствѣ случаевъ, по выходѣ ея изъ горъ, она выводится при помощи плотинъ въ арыки, искуственные водопроводы, дробится здѣсь на тысячи струй разной величины и эксплуатируется съ цѣлями искуственнаго орошенія культурной растительности, орошенія, безъ котораго, при мѣстныхъ климатическихъ условіяхъ, не только воздѣлываніе хлѣбныхъ растеній, но даже и разведеніе культурныхъ древесныхъ породъ для большей части двухъ нижнихъ поясовъ почти невозможно.

Если лѣтомъ взглянуть на Фергану à vol d'oiseau, то поверхность двухъ ея нижнихъ поясовъ представится изсѣра-желтымъ фономъ (почти лишенныхъ нынѣ растительности степей), испещреннымъ зелеными пятнами самой разнообразной величины. Пятна эти—культурные оазисы,—ютящіеся на большихъ и малыхъ системахъ мѣстной, искуственной ирригаціи. Сколько нибудь сносная некультурная растительность встрѣчается лишь вдоль Дарьи (главнымъ образомъ по ея лѣвому берегу), гдѣ мы находимъ остатки обширныхъ когда-то озеръ и болотъ, рѣдѣющіе съ каждымъ годомъ заросли камыша и кустарниковъ въ родѣ: гребенщика, янта́ка, чапга̀ля и другихъ, и наконецъ мѣстами небольшія рощицы туранги, цѣлые лѣса которой, всего 100—120 лѣтъ тому назадъ, тянулись по берегамъ Дарьи и зеленѣли на ея островахъ. Въ настоящее время рощи не культурныхъ древесныхъ породъ, а равно и пастбища со сколько нибудь сносной травой, мы встрѣчаемъ въ горахъ, населенныхъ исключительно киргизами или, правильнѣе, кочевыми и полукочевыми узбеками родовъ: Кыргызъ, Вагишъ, Найманъ, Моголъ (или Монголъ), Тюркъ, Кыркъ и др.

Однако же и въ горахъ лѣса остаются далеко не неприкосновенными. На мѣстѣ недавно еще (30—40 лѣтъ тому назадъ) зеленѣвшихъ рощъ березы, арчи и ели мы встрѣчаемъ или пеньки, или чаще совершенно обнаженную почву, такъ какъ пни съ ихъ корнями постепенно выкорчевывались и шли на топливо ближайшимъ ауламъ (подробности читатель можетъ найти въ моей статьѣ „Замѣтки по вопросу о лѣсномъ хозяйствѣ въ Ферганѣ“. Туркест. Вѣдомости 1883 года). Въ то время какъ большая часть кочеваго и полукочеваго населенія, обладающаго значительнымъ, сравнительно,

количествомъ скота, тяготѣетъ къ горамъ съ ихъ пастбищами, города и селенія, расположенныя исключительно въ средней и нижней части долины, заселены безусловно осѣдлымъ населеніемъ, *сартами*, подраздѣляющимися, по происхожденію и языку, на сартовъ—*узбековъ* (тюркскаго племени) и сартовъ—*таджиковъ* (иранскаго). Къ нимъ въ крайне незначительной пропорціи присоединились индусы, цыгане и евреи, держащіеся и по сіе время совсѣмъ особнякомъ въ силу—какъ племенной, такъ равно, и главнымъ образомъ, религіозной розни.

Таковъ въ общихъ чертахъ характеръ современной намъ Ферганы. Совсѣмъ другую картину представляла она нѣсколько вѣковъ назадъ.

Въ концѣ I вѣка мусульманскаго лѣтосчисленія (93 г.), или въ началѣ VIII вѣка христіанской эры, въ Фергану вторглись арабы. Послѣ продолжительныхъ войнъ, во время которыхъ арабы то одерживали верхъ, то были побиваемы туземными аборигенами, оба нижнихъ пояса Ферганы мало-по-малу перешли наконецъ въ руки пришельцевъ завоевателей, принесшихъ съ собою новую религію, исламъ, непринятіе котораго побѣжденными влекло за собою истребленіе послѣднихъ огнемъ и мечемъ арабскихъ дружинъ. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь (т. е. около 1200 лѣтъ тому назадъ) лѣсъ (ель, арча, грецкій орѣхъ, кленъ, береза, дикая яблоня и дикій абрикосъ), не только покрывалъ сплошной почти массой горы, окружающія Фергану, но спускался даже въ средній ея поясъ, по берегамъ такихъ рѣчекъ, какъ Гава, Касанъ, Чапачъ, Падшата, Исфара, Сохъ и др. Большая часть средняго пояса была покрыта зарослями такихъ кустарниковъ, какъ фисташки, гребенщикъ, жимолость, иргай и т. п. (80 и 90 лѣтніе старики въ Намаганѣ помнятъ то время, когда кусты фисташекъ росли еще на безплодныхъ въ настоящее время и совершенно обнаженныхъ возвышенностяхъ, окружающихъ городъ съ его сѣверной стороны). Среди этихъ зарослей во многихъ пунктахъ этого средняго пояса долины находились обильные водою ключи и родники, питавшіеся снѣгомъ горъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ,—по всюду почти—зеленѣли обширныя пастбища, на столько богатыя травами, что даже нѣсколько

вѣковъ спустя, когда узбеки нахлынули сюда изъ сѣверо-восточной Азіи, значительная часть тѣхъ изъ нихъ, которые поселились въ Ферганѣ, долгое время не нуждались въ горныхъ пастбищахъ, пугавшихъ ихъ: и густотою своихъ лѣсовъ, и обиліемъ хищныхъ звѣрей (тигръ, барсъ, медвѣдь, волкъ, рысь), и суровостью своего климата.

Въ теченіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ они кочевали съ своими стадами именно въ этой средней полосѣ долины до тѣхъ поръ пока заросли кустарниковъ, истребленныя здѣсь рукою невѣжественнаго человѣка, не порѣдѣли на столько, что почва крайне—пересѣченной мѣстности стала размываться и сноситься съ высокихъ пунктовъ, вмѣстѣ съ корнями травянистыхъ растеній, водою весенныхъ и лѣтнихъ ливней. Прямымъ послѣдствіемъ этого было: сначала уменьшеніе площади удобныхъ пастбищъ и засореніе многихъ ключей, а впослѣдствіи (лѣтъ 100 тому назадъ) и окончательное даже исчезновеніе какъ тѣхъ, такъ и другихъ.

Въ то-же самое время (т. е. во время появленія здѣсь Арабовъ) дно Ферганской долины представляло собою почти непрерывную сѣть болотъ, озеръ, густыхъ камышевыхъ и кустарныхъ зарослей и громадныхъ рощъ туранги, существованіе которыхъ поддерживалось водами рѣчекъ южнаго хребта, которыя, пройдя въ своихъ широкихъ и крайне отлогихъ руслахъ по этому лабиринту воды и растеній, вливались, въ концѣ концовъ, въ Сейхунъ-Дарью (тогдашнее названіе Сыра).

Главнѣйшими осѣдлыми пунктами того времени были: *Ахсы-кентъ* (нынѣ Ахсы, незначительный кишлакъ,—селеніе Чустскаго Уѣзда); *Касáнъ* или *Кашáнъ* (тоже кишлакъ Чустскаго Уѣзда), *Андигáнъ* (нынѣшній Андижанъ), *Узгентъ*, *Ошъ*, *Мургинанъ* (Маргеланъ), *Исфара*, *Варухъ*, *Канибадамъ* и *Ходжентъ*. Три главныхъ дороги связывали тогда Фергану съ окружавшими ее странами: (1) изъ Оша, черезъ нынѣшній Терекъ-Даванъ, въ Кашгаръ, (2) черезъ Ходжентъ и Истравшáнъ (Ура-тюбе) въ Самаркандъ и Бухару и (3) изъ Ахсы-Кента (черезъ нынѣшній Кендыръ-Даванъ), въ Ташкентъ.

Двѣ первыя дороги существуютъ и по настоящее время, а третья, вслѣдствіе тѣхъ трудностей, съ которыми со-

пряженъ проѣздъ по ней зимою, брошена. Въ началѣ царствованія Худояръ-хана нѣкоему Маарýфъ-ходжѣ было приказано устроить около Шендъ-Мазара переправу на паромѣ и проложить отсюда дорогу черезъ Каракчи-Кумы на Гулявшанъ и далѣе—на Мурза-Рабатъ и Ташкентъ. Однако же и эта дорога просуществовала лишь до того времени, когда русскіе, занявъ Ходжентъ, выстроили здѣсь мостъ. Тогда дорога эта была брошена, такъ какъ страшные и частовременные здѣсь юго-западные вѣтры поднимаютъ на воздухъ такія массы пыли и сыпучаго песку, при которыхъ дальнѣйшее пользованіе этой дорогой было признано совершенно невозможнымъ или, по крайней мѣрѣ, крайне неудобнымъ.

Когда и кѣмъ были основаны перечисленные выше города древней Ферганы опредѣлить не возможно, такъ какъ достовѣрныхъ письменныхъ источниковъ по этой части до сихъ поръ никѣмъ не встрѣчено, а народныя преданія и легенды, касающіяся этого вопроса, по большей части, на столько баснословны, что ничего почти разъяснить не могутъ. Тѣмъ не менѣе я все-таки считаю не лишнимъ привести нѣкоторыя изъ нихъ.

О Канибадамѣ говорятъ такъ: городъ былъ построенъ 6000 лѣтъ тому назадъ, при пророкѣНоѣ и находился на противоположномъ берегу рѣки, на мѣстѣ теперешняго Мазара Ходжа-Ягана.

Однажды по Дарьѣ приплылъ сюда змій, или драконъ, изъ пасти котораго выходило пламя, пожиравшее, не только всѣ строенія города, но даже и многихъ людей. Тогда оставшіеся въ живыхъ ушли на противоположный берегъ и стали селиться здѣсь на мѣстности столь каменистой, что почву для полей и садовъ пришлось будто бы образовать искуственно. Современемъ здѣсь была разведена такая масса миндальныхъ деревьевъ, что городъ получилъ названіе *Ке́нтъ-бада́ма* (т. е. города миндалей). Султанъ Бабуръ въ своихъ запискахъ говоритъ (стр. 5), что въ его время миндаль вывозился отсюда даже въ Индію.

Относительно Оша существуетъ такая легенда: Соломонъ, который считается мусульманами наравнѣ съ Адамомъ, Ноемъ, Авраамомъ, Христомъ и др. за пророка, а потому и называется ими Хазретъ-и-Сулейманъ Пейгамбèръ, велъ

сюда свои войска, при чемъ самъ шелъ впереди ихъ, гоня передъ собою пару воловъ, запряженныхъ въ плугъ. Когда онъ дошелъ такимъ образомъ до мѣста теперешняго Оша, то крикнулъ быкамъ: „Хо-öшъ!“. (Этимъ возгласомъ сарты останавливаютъ воловъ во время пахоты). На этомъ мѣстѣ впослѣдствіи образовалось поселеніе, названное Хошъ, или Ошъ, въ память возгласа, произнесеннаго пророкомъ. Кромѣ вышеперечисленныхъ главныхъ поселеній, существовали еще и другія, меньшія, но есть много основаній полагать, что число ихъ было крайне ограничено.

Что касается до тогдашняго населенія Ферганы, то несомнѣнно, что города и селенія западной ея половины были заселены главнымъ образомъ Таджиками (идолопоклонниками) иранскаго происхожденія, говорившими такъ же, какъ и теперь, на нарѣчіи персидскаго языка.

Относительно другихъ народностей Ферганы того времени свѣдѣнія наши болѣе чѣмъ скудны. Есть впрочемъ указанія на то, что Андижанъ былъ уже занятъ въ то время тюрками (Сельджукъ) и именно колѣномъ Андй, почему будто бы и получилось названіе *Андиџ̆анъ*. Весьма вѣроятно, что тѣ же тюрки, кромѣ Андижана, владѣли тогда Узгентомъ, Ошемъ и Маргеланомъ. (Въ настоящее время узбеки рода тюркъ, обладая значительнымъ количествомъ культурныхъ, пахотныхъ земель между Маргеланомъ и Араваномъ, ведутъ здѣсь полукочевой образъ жизни, угоняя ежегодно лѣтомъ свои стада на горныя пастбища Алая.

До сего времени Наманганскіе жители нерѣдко называютъ андижанскихъ узбековъ именемъ Андй, при чемъ утверждаютъ, что они, Андй, одного происхожденія съ тѣми тюрками, которые и нынѣ населяютъ городъ Туркестанъ и его окрестности.

Далѣе, если вѣрить словамъ автора поэмы Шахъ-и-Джарйръ, то во время прихода въ Фергану арабовъ въ сѣверной части нынѣшнихъ Наманганскаго и Чустскаго Уѣздовъ обитали Мўги, обладавшіе значительными стадами коней и овецъ. Предводитель ихъ, котораго преданіе называетъ *Кӑраванъ-басъ*, жилъ у подножья горы Унгӑръ, въ небольшой крѣпостцѣ, слѣды которой можно и до сихъ поръ видѣть на обрывистомъ берегу рѣчки Надша-аты, около

кишлака Мамай (Наманганскаго Уѣзда). По тому же преданію Караванъ-басъ держалъ въ страхѣ всѣ ближайшія поселенія Таджиковъ и былъ женатъ на дочери Ахшита, мугскаго же предводителя, жившаго тоже въ небольшой крѣпостцѣ нѣсколько выше Касана и подчиненнаго ему, Караванъ басу. Такого же рода преданіе о мугахъ и развалины ихъ, небольшихъ обыкновенно, крѣпостей, расположенныхъ, по большей части, на очень крѣпкихъ позиціяхъ, мы встрѣчаемъ по всему почти подножью Ферганскихъ хребтовъ, а равно и около Ура-Тюбе (древній Истравшанъ, заселенный когда то прежде тоже таджиками, на что указываетъ и его названіе, несомнѣнно персидское).

Есть много основаній полагать, что подъ именемъ Муговъ (которые въ нѣкоторыхъ преданіяхъ изображаются полуптицами и полулюдьми) слѣдуетъ разумѣть калмыковъ. Что же касается до самого названія Мугъ (موغ), то, дабы выяснить его происхожденіе, я попрошу читателя обратиться къ сравнительному словарю Турецко - Татарскихъ нарѣчій Л. Будагова. (Въ этотъ словарь вошли также и тѣ арабскія и персидскія слова, которыя употребляются, какъ въ письменномъ, такъ равно и въ разговорномъ языкѣ Турецко-Татарскихъ народовъ). На 18-й стр. Томъ II изд. 1871 г. читаемъ: „قاف кафъ 1) названіе буквы ق 2) названіе горъ кавказскихъ (въ тѣсномъ смыслѣ, а въ обширномъ—горы, окружавшія, по понятіямъ восточныхъ народовъ, всю землю); موغ قاف баснословная птица, фениксъ, (котораго жилище полагаютъ въ этихъ горахъ)“. Если удовлетвориться этимъ объясненіемъ, то можно предположить, что арабы, дойдя напр. въ Касанѣ до горъ (за которыя они, судя по историческимъ даннымъ, не переходили), предположили, что эти горы суть *Кафъ*, окружающій границу у земли, а народъ, населявшій предгорья даннаго хребта, назвали Мугъ.

Во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что слово Мугъ перешло сюда отъ арабовъ и отнюдь не представляетъ собою дѣйствительнаго собственнаго имени какой-либо народности.

Что касается собственно завоеванія Ферганы арабами, то имѣющіяся у меня свѣдѣнія касаются событій, происшед-

ныхъ лишь въ сѣверо-западной части долины. Между прочимъ, большая часть устныхъ преданій мѣстной и новѣйшей фабрикаціи приписываетъ веденіе этихъ войнъ самому Халифу Али.

Такъ напр. въ Андижанскомъ Уѣздѣ имѣется селеніе Байтокъ. Преданіе гласитъ, что настоящее имя этого кишлака не Байтокъ, а *Най-туг*ъ—мѣсто, на которомъ былъ водруженъ бунчукъ,—а называется онъ будто бы такъ потому, что послѣ какой то побѣды Халифъ останавливался здѣсь на отдыхъ и водружалъ здѣсь въ землѣ свой бунчукъ.

Въ кишлакѣ Араванъ есть скала, на одномъ изъ фасовъ которой различается нѣчто похожее на миніатюрное (около 2 ф. высоты) изображеніе всадника. Преданіе гласитъ, что однажды Халифъ Али проѣзжалъ мимо этой скалы, тѣнь его упала на скалу и запечатлѣлась на ней.

Преданіе это привожу, разумѣется, лишь въ качествѣ примѣра фантазіи мѣстнаго *народнаго* ума.

О завоеваніи арабами сѣверо-западной части Ферганы авторъ поэмы „Шахъ-и-Джариръ“, въ общемъ, говоритъ нижеслѣдующее:

Арабскій отрядъ (40,000 ч.) направился изъ Самарканда въ Фергану, пришелъ къ Ахсы-Кѐнту и расположился не подалеку отъ города, которымъ въ то время правилъ нѣкій Хурмѝзъ (هرمز). Къ Хурмизу было послано письмо съ предложеніемъ принять исламъ и съ обѣщаніемъ оставить его, Хурмиза, по прежнему, правителемъ, если сдѣланное предложеніе будетъ имъ принято. Хурмизъ отказался принять исламъ и рѣшилъ обороняться. Началась осада. Въ не продолжительномъ времени жители, сомнѣваясь въ томъ, что бы повелитель ихъ могъ устоять противъ воинственныхъ пришельцевъ и боясь, въ случаѣ неустойки, поголовнаго истребленія, схватили Хурмѝза и выдали арабамъ. Послѣдніе немедленно же казнили его, вкупѣ съ сообщниками, заняли Ахсы-Кентъ, обратили жителей въ исламъ, поставили имъ казія и затѣмъ двинулись далѣе, на Касѝнъ. (По нѣкоторымъ устнымъ преданіямъ осада Ахсы продолжалась настолько долго, что за то время, по приказанію Хурмѝза, былъ будто бы вырытъ *Карѝзъ*—подземный водопроводъ,—начало котораго находилось въ правомъ берегу рѣчки Касанъ-су,

около теперешняго Тюря-Кургана. Посредствомъ этого Кариза осажденный городъ снабжался водой.

По другимъ, устнымъ же, преданіямъ Каризъ былъ сооруженъ до прихода арабовъ и благодаря ему Хурмизъ имѣлъ возможность долго не сдавать Ахсы-Кента.

О завоеваніи Касана говорится почти то же, что и объ Ахсы. Изъ Касана арабы двинулись на востокъ противъ Караванъ-баса.

Пройдя и завоевавъ попутно уже существовавшій тогда въ видѣ небольшаго таджикскаго селенія кишлакъ Падакъ, арабы остановились на мѣстѣ нынѣшняго мазара Сафитъ-булянъ, при чемъ отъ крѣпости Караванъ-баса ихъ отдѣляла лишь та лощина, въ которой течетъ рѣчка Падша-ата.

Не рискуя вступить въ открытый бой съ арабами, Караванъ-басъ долго водилъ ихъ разными обѣщаніями и переговорами по поводу принятія имъ ислама. Мало по малу обѣ стороны, присмотрѣвшись, стали посѣщать другъ друга, при чемъ пришельцы все болѣе и болѣе стали забывать о военныхъ предосторожностяхъ; наступилъ Хаитъ (праздникъ); арабы собрались на праздничный намазъ. Караванъ-басъ, давно уже выжидавшій удобнаго случая, кинулся на пришельцевъ со своими воинами. 400 мусульманъ легло на мѣстѣ, а остальные поспѣшно бѣжали въ Касанъ и далѣе къ Ахсы. Почти на половинѣ разстоянія между двумя этими городами бѣглецовъ застигла ночь. Они остановились, разложили костры и стали готовить себѣ пищу.

Въ это самое время внезапно налетѣла погоня Караванъ-баса, смяла арабовъ, застигнутыхъ въ расплохъ, и погнала ихъ далѣе. Въ переполохѣ поваръ арабскаго предводителя попалъ въ костеръ и сгорѣлъ. Преданіе гласитъ, что нынѣшній кишлакъ Куюкъ-Мазаръ стоитъ на мѣстѣ этой катастрофы (*Куюкъ*—сгорѣвшій).

Тѣмъ временемъ нѣкая Сафитъ-Булянъ (سپفيل بلان), дѣвушка—мусульманка, омыла трупы 400 арабовъ, погибшихъ во время намаза, и похоронила на мѣстѣ бывшаго ихъ лагеря. Впослѣдствіи арабы же воздвигли здѣсь мазаръ (часовню), который существуетъ и нынѣ подъ именемъ *Мазара Сафитъ-Булянъ*.

Черезъ нѣсколько времени арабы вернулись вновь, изгнали Караванъ-баса и захватили въ свои руки всю страну,

вводя повсюду ученіе ислама. Однако же ихъ положеніе здѣсь было далеко не прочнымъ: какъ иноземные пришельцы, они долго оставались чужими для окружавшихъ ихъ народностей во первыхъ, а во вторыхъ, вновь обращенные ими въ исламъ, въ большинствѣ случаевъ, оказывались мусульманами лишь по наружности, такъ что для поддержанія ихъ въ новой религіи арабамъ приходилось обращаться, смотря по обстоятельствамъ, то къ подаркамъ и задариваньямъ, то къ мѣрамъ строгости. Вскорѣ, въ началѣ II вѣка (VIII вѣкъ христіанской эры), арабы были вытѣснены отсюда тюрками, двинувшимися съ востока на Самаркандъ. Лишь двадцать лѣтъ спустя имъ удалось вновь вернуть себѣ Фергану. Съ этого времени и до конца IV вѣка подъ ихъ ферулою исламъ окончательно водворяется въ Ферганѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ тюрки (Сельджукъ) все болѣе и болѣе захватываютъ въ свои руки власть, пока наконецъ окончательно не завладѣваютъ большей частью Турана, а въ томъ числѣ и Ферганой (конецъ IV вѣка мусульманскаго лѣтоисчисленія), послѣ чего арабы совершенно почти стушевываются. На память о нихъ остается: исламъ, представляющій собою и религію и государственный кодексъ, письменность, масса арабскихъ словъ, вошедшихъ въ повседневное употребленіе у тюрковъ и таджиковъ, нѣкоторыя особенности арабской архитектуры, успѣвшіе привиться въ средѣ туземнаго населенія, облагороженная кровь мѣстныхъ конскихъ породъ и нѣсколько производствъ, принесенныхъ сюда изъ Аравіи. Сами они, арабы, какъ народность, стушевываются, оставивъ лишь слабые этнографическіе слѣды своего пребыванія.

Всматриваясь въ настоящее время въ лица Ферганскихъ сартовъ, мы встрѣчаемъ здѣсь арабскій типъ такъ рѣдко, что смѣло можемъ назвать его почти отсутствующимъ. Въ восточной части Маргеланскаго уѣзда и понынѣ еще существуетъ нѣсколько ауловъ, именующихъ себя *арабъ* и ведущихъ свою родословную отъ арабовъ завоевателей; однакоже, не смотря даже на значительную замкнутость, они, не только ничѣмъ не отличаются, по образу жизни, отъ окружающихъ ихъ языковъ, но даже успѣли утратить и значительную часть характерныхъ чертъ арабскаго типа.

Такъ какъ по поводу соотношеній между Тюрками (Сельджукъ) и таджиками въ общемъ пришлось бы говорить почти тоже, что и объ отношеніяхъ узбековъ къ таджикамъ, то поэтому мы перейдемъ прямо къ послѣдующимъ событіямъ.

Въ началѣ VII вѣка (начало XIII вѣка христіанской эры) въ Фергану хлынули волны того великаго людскаго моря, которое извѣстно въ исторіи подъ именемъ полчищъ Чингизъ-Хана и именуется большей частью писателей—историковъ Монголами.

Почему историками принято это далеко не правильное названіе, понять довольно трудно, ибо тѣ самыя полчища Чингизъ-хана, которыя называются Монголами, основали въ Россіи татарскія ханства, или царства, а татары суть ничто иное, какъ *Ногай*, одинъ изъ извѣстныхъ намъ 92 родовъ Узбековъ. Ни одинъ туземецъ не скажетъ вамъ, что Чингизъ былъ Монголъ, а назоветъ его Узбекомъ. Авторъ „Тарихъ-и-Гузида“, употребляя въ своемъ сочиненіи слово *Могôлъ* (или Монгôлъ), разумѣетъ подъ нимъ не особую народность, а лишь только одинъ изъ узбекскихъ родовъ [1]), а покойный А. Хорошхинъ, ссылаясь на авторитетъ о. Іакинфа, совершенно правильно замѣчаетъ: „Перевороты, происшедшіе въ ту пору (XIII и XIV в.) въ Европѣ и Азіи, наша исторія приписываетъ то монголамъ, то татарамъ, а потому и 200-лѣтнее иго наше зовется то монгольскимъ, то татарскимъ, тогда какъ народы, прослѣдовавшіе русью и осѣвшіе теперь на ея окраинахъ: въ Литвѣ, въ Крыму, въ Астрахани и даже на Кавказѣ, были просто на просто Узбеки разныхъ наименованій (родовъ), пришедшихъ въ движеніе отъ наплыва изъ за Тянь-Шаня новыхъ племенъ съ Чингизомъ, или вслѣдъ за нимъ.

. . . .

Легко допустить, что монгольскій элементъ могъ быть заведенъ сюда Чингизомъ, могъ смѣшаться съ тюркскимъ

[1]) Слѣдуетъ имѣть въ виду, что туземные писатели подъ этимъ именемъ разумѣютъ, какъ всѣхъ вообще Монголовъ, такъ равно и узбекскій родъ *Моголъ* и *Монголъ*, часть которыхъ проживаетъ теперь въ Ферганѣ. Судя по нѣкоторымъ даннымъ (Бабуръ-Намâ и Тарихъ и Гузида) въ старину родъ Моголъ считался однимъ изъ наиболѣе сильныхъ и численныхъ.

(узбекскимъ) и безслѣдно пропасть, но самостоятельнымъ онъ быть не могъ".

(Сборникъ статей, касающихся до Туркестанскаго края А. П. Хорошхина. Петербургъ. 1876 г. стр. 490 — 491).

Мнѣ могутъ, разумѣется, возразить въ томъ смыслѣ, что большинство такихъ родовъ, какъ напр. Казакъ, Кыргызъ, Найманъ, Багышъ и т. п., которые названы мною узбекскими, по типу ничѣмъ почти не отличаются отъ монголовъ и что въ то-же время общій типъ этихъ родовъ крайне рѣзко разниться отъ типа узбекскаго же рода Тюркъ (Сельджукъ). На это я въ свою очередь могу сдѣлать два слѣдующихъ замѣчанія: 1) типъ той или другой народности вырабатывается подъ вліяніемъ тѣхъ географическихъ и бытовыхъ условій, среди которыхъ жила данная народность въ теченіи даннаго періода времени; такъ какъ тѣ условія, при которыхъ выше названные узбекскіе роды жили до появленія ихъ въ средней Азіи, должны были быть почти тождественными съ условіями жизни большей части монгольскихъ народностей, то весьма естественно, что и типы ихъ оказались впослѣдствіи мало розпящимися другъ отъ друга; 2) что же касается до той разницы, которая существуетъ между типомъ рода тюркъ и типомъ другихъ узбекскихъ родовъ, то разница эта, будучи опять таки прямымъ послѣдствіемъ совершеннаго несходства естественныхъ условій развитія названныхъ народностей, отнюдь не меньше той, которая замѣчается напр. между типами сѣверныхъ и южныхъ славянъ, на лицо почти непохожихъ ничѣмъ другъ на друга.

И такъ уже въ началѣ VII вѣка Фергана была наводнена Узбеками. Однако-же не слѣдуетъ думать, что ихъ переселеніе въ Фергану было дѣломъ (хотя бы и историческаго) момента; переселеніе это, какъ кажется, продолжалось въ теченіи довольно продолжительнаго промежутка времени, при чемъ нѣкоторые роды, разумѣется за исключеніемъ раньше *вторгнувшихся сюда* Тюрковъ - Сельджукъ, пришли одни нѣсколько раньше, а другіе значительно позже прихода самого Чингиза.

По той же причинѣ разные роды узбековъ проникли въ Фергану несомнѣнно разными путями, т. е входили въ нее съ разныхъ сторонъ. Такъ напр. можно быть почти увѣ-

ренным, въ томъ, что родъ Кипчакъ вошелъ въ Фергану черезъ западную ея границу, а роды Кыргызъ и Багышъ— черезъ восточную [1]), при чемъ часть ихъ, оставшаяся на дорогѣ, и нынѣ обитаетъ въ сѣверо-западномъ углу Кашгара, а другая, проникшая въ Фергану, заняла главнымъ образомъ Алай, по которому впоследствии современемъ распространилась до Ляйляка. Впослѣдствіи (лѣтъ 300 тому назадъ) часть этихъ алайскихъ Багышей (колѣна: Чуп-Багышъ, Багрынъ-Багышъ, Кутай. Чут-кара и др.) и Кыргызовъ переселилась въ предѣлы нынѣшняго Наманганскаго уѣзда, который въ то время, по разнымъ причинамъ, отличался крайне малой населенностью, не только своей горной, но даже и средней, предгорной части. Къ причинамъ, по которымъ сѣверо-западная часть Ферганы (правый берегъ Нарына и Сыръ-Дарьи, нынѣшніе Наманганскій и Чустскій уѣзды) долго оставалась малозаселенною, слѣдуетъ отнести нижеслѣдующія обстоятельства: 1) Этотъ уголъ Ферганы, отрѣзанный съ востока и юга теченіемъ Нарына и Сыръ-Дарьи (послѣдняя образуется сліяніемъ Нарына и Кара-Дарьи), а съ сѣвера горами, представлялъ тогда, при отсутствіи удобныхъ путей сообщенія, область совершенно замкнутую, почти отрѣзанную отъ остальныхъ частей долины; 2) въ отношеніи сѣверныхъ странъ нынѣшняго Семирѣчья эта граница Ферганы была крайне мало доступна, такъ какъ образовывалась двумя параллельными хребтами, раздѣленными между собою теченіемъ Чаткала; если пути, пролегающіе черезъ эти хребты, не вполнѣ удобопроходимы въ настоящее время, то въ названную нами эпоху они были, конечно, еще менѣе удобопроходимыми, хотя-бы въ зависимости отъ чрезвычайной густоты тогдашнихъ лѣсовъ и наконецъ 3) въ эпоху арабовъ и тюрковъ—Сельджукъ, главнѣйшія народныя движенія, совершавшіяся по Ферганѣ, шли главнымъ образомъ по той дорогѣ, которая про-

[1]) Прошу читателя обратить вниманіе на то, что русскіе подъ именемъ Кыргызъ разумѣютъ не собственно родъ Кыргызъ, а большую часть тѣхъ узбекскихъ родовъ, какъ напримѣръ Казакъ, Багышъ, Найманъ, Курама и т. п., которые ведутъ кочевой или полукочевой образъ жизни.

легала и пролегаетъ отъ Самарканда черезъ Ходжентъ, Маргеланъ и Ошъ на Кашгаръ и обратно; въ отношеніи всѣхъ тѣхъ, кто двигался по этому пути, сѣверо-западный уголъ Ферганы всегда оставался въ сторонѣ, отдѣленный отъ этой древнѣйшей и главнѣйшей Ферганской дороги, не только теченіемъ Нарына и Сыра, но и широкой лентой тѣхъ озеръ, болотъ и зарослей, которыя существовали еще въ то время во всей ихъ неприкосновенности на днѣ долины.

Вотъ причины почему Сельджуки, войдя въ восточную часть Ферганы, не пошли по сѣверной ея сторонѣ далѣе Нарына (Андижанъ), а Кыргызы и Багышъ попали за этотъ Нарынъ сравнительно очень поздно.

Обращаясь въ настоящее время къ различнымъ мѣстнымъ узбекскимъ родамъ, мы замѣчаемъ, что нѣкоторые изъ нихъ, какъ въ отношеніи языка, такъ равно и въ отношеніи быта, частью и до сихъ еще поръ представляютъ такія особенности, которыя невольно заставляютъ думать, что не всѣ эти роды пришли сюда изъ одного и того же мѣста, и что прежде, до переселенія ихъ въ Среднюю Азію, они жили и развивались среди совершенно различныхъ условій. Такъ напр. въ то время какъ большая часть родовъ Кипчакъ и Каракалпакъ, прійдя въ Среднюю Азію, разсѣлась по равнинамъ и днамъ долинъ, не исключая низинъ, покрытыхъ кустарными и камышевыми зарослями по берегамъ Аму и Сыръ-Дарьи, такіе роды, какъ Кыргызъ и Багышъ, держались горъ, проникая все далѣе и далѣе въ ихъ глубь, по мѣрѣ того какъ ихъ топоръ очищалъ склоны этихъ горъ отъ покрывавшаго ихъ лѣса и ютившихся въ его глуши дикихъ звѣрей. Очень возможно, что такое предпочтеніе равнины горамъ, и наоборотъ, было дѣломъ простой случайности, но съ другой стороны весьма возможно и то, что это былъ совершенно произвольный выборъ, въ основаніи котораго лежали привычки и симпатіи, выработанныя вѣками еще на почвѣ ихъ прежней родины. Все это я говорю въ виду того, что современемъ безусловно интересно было бы съ возможной точностью опредѣлить тѣ мѣстности, или пункты, изъ которыхъ двинулись на Среднюю Азію разные узбекскіе роды. Я лично по этому вопросу обладаю такими ничтожными свѣдѣніями, что позволю себѣ говорить лишь о

тѣхъ колѣнахъ родовъ Багышъ и Кыргызъ [1]), которые обитаютъ нынѣ въ горахъ Наманганскаго и частью Чустскаго уѣздовъ.

1) Академикъ А. Фонъ Миддендорфъ, въ своемъ сочиненіи „Очерки Ферганской долины", говоритъ, что, когда онъ пріѣхалъ въ горы Наманганскаго уѣзда, на рѣчку Падша-ату, то могъ безъ особеннаго труда понимать здѣшнихъ киргизъ (рода Багишъ), которые говорили на томъ же нарѣчіи тюркскаго (узбекскаго) языка, съ которымъ онъ имѣлъ случай познакомиться во время его продолжительнаго путешествія по Сибири. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ крайне удивленъ, встрѣтивъ здѣсь, такъ же какъ и тамъ, одинъ и тотъ же способъ сбереженія сѣна, складываемаго на зиму между большихъ вѣтвей такихъ развилистыхъ деревьевъ, какъ напримѣръ талъ.

2) До настоящаго времени около большинства мазаровъ, сооруженныхъ надъ могилами разныхъ лицъ, почему либо

---

[1]) О происхожденіи рода *кыргызъ* здѣсь существуетъ слѣдующая легенда. На берегу большой рѣки стоялъ городъ, у правителя котораго было 40 дочерей-дѣвушекъ. Однажды въ этомъ городѣ появился *диванá* (юродивый), который, блуждая по улицамъ, непрестанно повторялъ: «анá-эль-хáкъ, манá-эль-хáкъ» (и то истина, и это истина, иначе—и то Богъ, и это Богъ), при чемъ, произнося первую половину фразы, онъ указывалъ на небо, а при произношеніи второй на себя. Узнавъ объ этомъ, городскіе *улемы* (богословы) собрались на совѣтъ, нашли, что такое сравненіе Бога съ человѣкомъ противно духу религіи, сожгли злополучнаго дивану̀ на кострѣ, а пепелъ бросили въ рѣку. Но велико было ихъ удивленіе, когда рѣка, принявшая въ себя пепелъ, вспѣнилась, а волны ея продолжали съ шипѣніемъ повторять слова дивaны: «анá-эль-хáкъ, манá эль-хáкъ». Въ это самое время 40 дѣвушекъ, дочери правителя города, купаясь въ рѣкѣ, напились воды, шипѣвшей «ана эль-хакъ, мана-эль-хáкъ», тотчасъ же забеременили и, устыдясь своего положенія, ушли въ горы, гдѣ черезъ 9 мѣсяцевъ родили 40 сыновей, отъ которыхъ впослѣдствіи пошелъ родъ *Кыркъ кызъ*, что, по узбекски, значитъ *сорокъ дѣвушекъ*. Въ основаніи этой легенды, по всей вѣроятности, легло мѣстное древнее таджикское (персидское) преданіе о сорока дѣвушкахъ, сходственное съ только что приведеннымъ и имѣющее въ Ферганѣ массу самыхъ разнообразныхъ варіантовъ.

чтимыхъ народомъ, мы встрѣчаемъ кусты и деревья, обвѣшанныя тряпочками и лоскутками, при чемъ всѣ такія деревья чтутся заповѣдными и не рубятся. Вмѣстѣ съ тѣмъ Хакимъ-ханъ-Тюре́, авторъ книги *Мунтахабъ-эль-Таварихъ*, говоритъ: „издревле узбеки принесли съ собой обычай боготворенія деревьевъ; каждый разъ, какъ они встрѣчали одиноко стоящее большое дерево, женщины вѣшали на его вѣтки лоскутки разныхъ матерій, послѣ чего дерево это становилось священнымъ,—*мазаромъ*; сюда приходили молиться, просить бога о помощи, справлять поминки, совершать жертвы (Худай) и т. п. Одно время Алимъ-ханъ строго преслѣдовалъ этотъ обычай, находя его несовмѣстнымъ съ ученіемъ ислама, недопускающаго иного бога, кромѣ Бога, чѣмъ вызвалъ противъ себя раздраженіе народа.

3) Обращаясь къ языку названныхъ киргизъ, мы встрѣчаемъ въ немъ такія слова, какъ: *парынъ* — похлебка изъ мелко-крошенаго мяса; *мунгъ* — горный ледникъ; *белесъ*— плоскій горный отрогъ и т. п., которыя, согласно „Сравнительнаго Словаря Турецко-Татарскихъ нарѣчій“ (Будагова), принадлежатъ къ Тобольскому, Алтайскому и др. тюркскимъ (узбекскимъ) нарѣчіямъ Сибири. Кромѣ того у большинства женщинъ этихъ родовъ до сихъ поръ осталась еще привычка, вмѣсто *чай*, говорить *цай*, вмѣсто *байбиче́*,—*байбице́* и т. д., отчего ихъ языкъ дѣлается совершенно уже схожимъ съ названными нарѣчіями Сибири, на которыхъ въ свою очередь, конечно, не могло не отразиться вліяніе близости монголовъ.

Прійдя въ Фергану и овладѣвъ ею на равнѣ съ остальнымъ Тураномъ, всѣ вообще узбеки долгое время вели исключительно кочевой, пастушескій образъ жизни; въ городахъ жили лишь беки, правившіе отдѣльными вилаетами, старшіе военные чины и др., тому подобныя, лица высшихъ, правящихъ сословій. Все остальное бродило со своими стадами въ разныхъ пунктахъ долины, перемѣняя время отъ времени свои мѣста въ зависимости отъ такихъ случайностей, какъ войны и въ особенности войны между-усобныя. Такія частыя переселенія изъ одного угла долины въ другой для отдѣльныхъ небольшихъ колѣнъ продолжались очень долго, случаясь изрѣдка до самаго позднѣйшаго времени.

Однако же позднѣйшими переселенцами этого рода являлись обыкновенно тѣ только кочевники, которые съ теченіемъ времени не успѣвали почему либо обзавестись сколько нибудь цѣнной поземельной собственностію въ видѣ воздѣланныхъ и искуственно орошаемыхъ культурныхъ полей.

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ кустарныя заросли средняго пояса долины стали исчезать вслѣдствіе непрестаннаго истребленія ихъ кочевымъ населеніемъ, полоса эта стала обсыхать, а бывшія здѣсь прежде пастбища дѣлаться все менѣе и менѣе достаточными для стадъ жившихъ здѣсь кочевниковъ.

Обстоятельство это, вмѣстѣ съ общимъ возрастаніемъ населенія, происходившимъ, какъ путемъ естественнаго размноженія, такъ равно и вслѣдствіе постепеннаго переселенія сюда Узбековъ со стороны Ура-тюбе и Ташкента [1]), а Таджиковъ—изъ Каратегина и Гиссара, по своимъ послѣдствіямъ имѣло для страны несомнѣнно громадное значеніе.

По мѣрѣ оскудѣнія пастбищъ средняго пояса Ферганы необходимо было обратиться къ возможно широкой эксплуатаціи горныхъ *джайляу*, что, въ свою очередь, повело къ истребленію горныхъ лѣсовъ, уже значительно порѣдѣвшихъ къ этому времени, вблизи отъ главнѣйшихъ дорогъ Ферганы и отъ такихъ ея населенныхъ пунктовъ, какъ Исфара, Маргеланъ, Ошъ, Андижанъ и Касанъ; это во первыхъ, а во вторыхъ, и что главнѣе всего, оскудѣніе этихъ пастбищъ средней полосы среди той части кочевниковъ, которая обладала малымъ, сравнительно, количествомъ скота, постепенно уменьшавшимся въ зависимости отъ недостатка въ кормахъ, вызвало необходимость обратиться къ земледѣлію, что являлось дѣломъ тѣмъ болѣе удобоисполнимымъ, что въ то время вся почти земля, за исключеніемъ лишь надѣловъ, принадлежавшихъ таджикскимъ селеніямъ, находилась въ общинномъ, родовомъ владѣніи узбековъ—завоевателей. (Да неподумаетъ читатель, что это оскудѣніе пастбищъ средняго пояса Фер-

---

[1]) Такъ напримѣръ въ началѣ XI вѣка мусульманской эры сюда же пришла часть *Кипчаковъ*, ушедшихъ изъ Россіи, именно изъ бывшей Золотой или Кипчакской Орды.

ганы я считаю единственной и исключительной причиной развитія здѣшней узбекской осѣдлости. Я останавливаюсь на немъ потому, что оно, это оскудѣніе, вмѣстѣ со своими послѣдствіями было и неотразимо, и крайне осязательно для всей тогдашней бѣдноты, которая почти всегда и вездѣ составляла большинство. Что же касается до другихъ, болѣе зажиточныхъ, то въ отношеніи многихъ изъ нихъ импульсомъ, толкавшимъ узбека на стезю земледѣлія, въ очень многихъ случаяхъ было простое и совершенно правильное соображеніе необходимости связать скотоводство съ земледѣліемъ, поддерживая одно другимъ и улучшая этимъ путемъ свое матеріальное благосостояніе. Этой послѣдней тактики держалась, между прочимъ, большая часть кипчаковъ и каракалпаковъ, благодаря чему въ свое время оба эти рода пользовались здѣсь, не только наибольшимъ, въ сравненіи съ прочими, благосостояніемъ, но даже и громаднымъ политическимъ значеніемъ въ ханствѣ, основаннымъ опять таки на томъ же сравнительномъ матеріальномъ благосостояніи). Обращаясь къ земледѣлію, часть узбековъ стала вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно переходить отъ кочеваго и полукочеваго образа жизни къ осѣдлому. Устраиваясь въ совершенно новой для него обстановкѣ осѣдлаго земледѣльца и садовода, узбекъ весьма естественно долженъ былъ обратиться къ чему либо уже существующему, готовому. Онъ такъ и сдѣлалъ. Онъ всецѣло воспринялъ выработанный, если не тысячелѣтіями, то, по крайней мѣрѣ, вѣками, культъ аборигена Таджика; онъ позаимствовалъ отъ него, не только способы и орудія обработки земли, но и архитектуру своего жилища, и утварь, и разнаго рода производства, вмѣстѣ съ орудіями и способами этихъ производствъ.

Такимъ образомъ, усваивая все это въ совершенно готовомъ уже видѣ, узбекъ явился въ данномъ случаѣ послушнымъ ученикомъ покореннаго имъ Таджика. Но на этомъ осѣвшій, прикрѣпившійся къ землѣ, узбекъ не остановился; пріобрѣтая отъ таджика тотъ или другой инструментъ, то или другое орудіе, для названія котораго въ собственномъ языкѣ его слова не находилось, такъ какъ и самаго предмета этого въ его прежнемъ кочевомъ быту не имѣлось, узбекъ сталъ называть этотъ предметъ такъ же, какъ назы-

валъ его таджикъ, т. е. по персидски. Такимъ путемъ въ языкъ узбека вошла цѣлая масса персидскихъ словъ, на равнѣ съ чѣмъ новая, мусульманская религія со своей литературой внесла не меньшее, если не большее, число арабскихъ терминовъ;—одновременно съ измѣненіемъ быта, сталъ измѣняться и языкъ. Выше я сказалъ уже, что и до сихъ поръ еще замѣчаются нѣкоторыя особенности, характеризующія собою до извѣстной степени тотъ или другой узбекскій родъ. Эти родовыя особенности проявились, между прочимъ, и во время прикрѣпленія къ землѣ; въ то время какъ одни (напримѣръ значительная часть рода Мингъ), принимая всецѣло земледѣльческій и ремесленный культъ таджика и вполнѣ отрѣшаясь отъ дальнѣйшаго веденія, не только кочеваго, но даже и полукочеваго образа жизни, осѣдали, образуя цѣлыя селенія, другіе (Кипчакъ, Каракалпакъ) заводили у себя культурныя поля и, отнюдь не воспринимая никакихъ ремеслъ, перемѣняли кочевой образъ жизни на полукочевой, только разсаживаясь отдѣльными, рѣдко разбросанными хуторами, при чемъ обработка земли вручалась обыкновенно или работникамъ, или младшимъ членамъ семьи (сыновья и младшіе братья), а главы семей продолжали оставаться скотоводами, проводившими большую половину года со скотомъ на пастбищахъ. Такимъ образомъ съ теченіемъ времени здѣсь образовалось три бытовыхъ узбекскихъ типа: кочевники, полукочевые и наконецъ осѣдлые узбеки—горожане и поселяне.

О соотношеніяхъ, установившихся впослѣдствіи между представителями (этихъ) трехъ бытовыхъ типовъ, мы будемъ говорить ниже, а теперь перейдемъ къ тѣмъ видоизмѣненіямъ, которымъ въ теченіи послѣднихъ четырехъ вѣковъ подвергалась, если можно такъ выразиться, географическая физіономія Ферганы. Султанъ Бабуръ, писавшій около 400 лѣтъ тому назадъ, упоминаетъ въ своихъ запискахъ лишь Касанъ, Ахсы, Андижанъ, Узгентъ, Ошъ, Маргеланъ, Исфару, Канибадамъ и Ходжентъ, говоря, что Канибадамъ (разросшійся въ настоящее время въ громадный базарный кишлакъ) былъ тогда маленькимъ городкомъ, а между Канибадамомъ и Ходжентомъ лежала пустыня, извѣстная подъ именемъ Ха-дер-

вйшъ. („Бабуръ-нама“ стр. 5). Очевидно, что въ то время не существовало еще такихъ кишлаковъ, какъ Кара-Янтакъ, Батыръ-Курганъ, Ніязбекъ, Махрамъ, Карачукумъ, Катаганъ, Исваръ, а быть можетъ даже и Кастокозъ (кишлаки эти находятся въ настоящее время между Канибадамомъ и Ходжентомъ). Обращаясь къ древнему Ахсы-кенту, превратившемуся съ теченіемъ времени въ маленькое, не казистое селеніе, мы видимъ, что площадь, занимавшаяся прежнимъ городомъ, была тоже, какъ и въ Канибадамѣ, крайне незначительна. Такимъ образомъ имѣется много основаній для того предположенія, что въ общемъ города того времени были, по своимъ размѣрамъ, очень незначительны, а селенія, или кишлаки, крайне малочисленны. Достовѣрно извѣстно, что въ то время не существовало еще: 1) Кокана, Чуста и Намангана; 2) большей части нынѣшняго Коканскаго оазиса, развившагося главнымъ образомъ за послѣднія 150 лѣтъ, т. е. со времени основанія Кокана и по мѣрѣ обсыханія дна долины; 3) не было того большого нынѣ оазиса, который лежитъ на югъ отъ Намангана, между Янги-арыкомъ и Дарьей; этотъ оазисъ развился лишь въ теченіи послѣднихъ 80 лѣтъ со времени проведенія Янги-арыка, въ царствованіе Омаръ-хана; 4) не было большей части кишлаковъ въ треугольникѣ между Балыкчи, Шарихановъ и Андижаномъ и 5-е) на мѣстѣ существующихъ нынѣ кишлаковъ, въ такъ называемомъ Ики-су-арасы (уголъ между Нарыномъ и Кара-Дарьей), залегали болота и озера, съ густыми зарослями камыша, кустарниковъ и туранговыхъ деревьевъ по берегамъ.

Выше я сказалъ уже о тѣхъ причинахъ, которыя съ теченіемъ времени заставили нѣкоторую часть узбековъ оставить мало по малу кочевой и даже полукочевой образъ жизни и обратиться къ земледѣлію и ремесламъ.

Ареною этого превращенія кочевниковъ въ полукочевыхъ и осѣдлыхъ обитателей Ферганы въ первые моменты даннаго явленія былъ средній поясъ долины, при чемъ осѣданіе это наиболѣе успѣшно шло повидимому въ восточной половинѣ, между Маргеланомъ, Андижаномъ, Узгентомъ, Ошемъ и Араваномъ.

Причинами этого могли быть: 1) сравнительная густота населенія и раннее, сравнительно же, оскудѣніе пастбищъ

средняго пояса; 2) значительная толщина въ большей части пунктовъ этой мѣстности верхняго, лёссоваго пласта; 3) значительное общее поднятіе этой мѣстности, вслѣдствіе чего здѣсь количество болотъ было и тогда уже не велико, въ сравненіи съ количествомъ ихъ на днѣ долины, и наконецъ 4) вполнѣ достаточное, по тогдашнему времени и его потребностямъ, количество той проточной воды, которая могла эксплуатироваться съ цѣлью искуственнаго орошенія полей.

По мѣрѣ разростанія осѣдлости въ предѣлахъ средняго пояса долины, вода горныхъ рѣчекъ все въ большихъ и больших количествахъ выводилась изъ своихъ естественныхъ руселъ въ искуственно-сооруженные каналы—арыки, вслѣдствіе чего дна долины стала достигать все меньшая и меньшая часть тѣхъ водъ, которыя издревле питали собою находившіяся здѣсь болота и озера.

Современемъ питаніе это стало происходить лишь въ періодѣ съ конца осени и до начала весны, когда вода, ненужная болѣе, по времени года, для ирригаціонныхъ цѣлей, спускалась въ естественныя русла и могла такимъ образомъ въ значительныхъ количествахъ достигать долиннаго дна. Въ зависимости отъ изложенныхъ причинъ, послѣднее (дно долины) стало постепенно обсыхать, а окраины его, восточныя и южныя, стали мало по малу поддаваться обработкѣ ихъ человѣкомъ.

Однако же обсыханіе это, по крайней мѣрѣ для полосы, непосредственно прилегающей къ лѣвому берегу Дарьи, шло очень медленно; такъ напр. есть указанія на то, что не далѣе какъ 200 лѣтъ тому назадъ не было возможности проѣхать изъ Намангана въ Маргеланъ существующей нынѣ прямой дорогой, вслѣдствіи чего тогдашняя дорога пролегала въ объѣздъ, на Шарихапъ и Балыкчи; это во первыхъ, а во вторыхъ и по сіе время часть этой прибрежной полосы, достаточно обсыхающая лѣтомъ, становится крайне неудобопроходимой въ теченіи большей части зимы и начала весны вслѣдствіе того, что въ это время года здѣсь разливаются значительныя количества ненужной зимою воды, спускаемой сюда по Шарихàнъ-Сàю, Шà-Мардàну и Сòху.

Обсыханіе долиннаго дна шло на столько медленно, что Коканъ напр. могъ возникнуть лишь не ранѣе, какъ около

полутораста лѣтъ тому назадъ. Около этого же времени начинается усиленная эмиграція въ Фергану самыхъ разнородныхъ элементовъ.

Въ 1172 (1758) году китайцы овладѣваютъ Кашгаромъ, но держатся здѣсь крайне непрочно; время отъ времени Ходжи прогоняютъ ихъ и снова владѣютъ страной иногда въ теченіи всего нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Каждое новое появленіе здѣсь китайцевъ сопровождается избіеніемъ Кашгарскихъ узбековъ — мусульманъ, спасаясь отъ котораго десятки тысячъ этихъ переселенцевъ періодически появляются въ предѣлахъ Ферганы, стремясь въ Андижанъ и Коканъ, который вслѣдъ за его основаніемъ сдѣлался столицей ханства, еще недавно отложившагося отъ Бухары и только что начинавшаго свою самостоятельную жизнь.

Сюда же идутъ: Таджики—изъ Каратегина, Гиссара и Бухары, Узбеки – изъ Уратюбе и Бухары и наконецъ впослѣдствіи Тюрки и Карамуруты (тоже узбеки)—изъ раззоренныхъ постоянными войнами окрестностей Туркестана. Все это идетъ сюда, норовя сѣсть на землю, урвать себѣ клокъ этой земли и дѣйствительно урываетъ, пользуясь, какъ смутами и постоянными усобицами, никогда почти не прекращавшимися въ Ферганѣ, такъ равно и тѣми отношеніями, которыя установились къ землѣ въ средѣ большей части кочевыхъ ея обладателей, и о которыхъ мы будемъ говорить нѣсколько ниже. Что же касается до того, какимъ образомъ пользовались пришельцы смутами и усобицами коренныхъ, такъ сказать, жителей Ферганы, то по этому поводу могу привести нижеслѣдующій примѣръ, относящійся къ самому недавнему времени. Въ началѣ правленія Худояръ-хана большая часть урочища Каракчикумъ находилась во владѣніи и пользованіи кипчаковъ, которые жили здѣсь въ числѣ около 300 кибитокъ, имѣя своимъ представителемъ нѣкоего Норъ-Матъ-Датху, завѣдывавшаго, между прочимъ, переправой Гумбазъ-Мааруфъ-ходжа. Въ 1269 (1852) году, послѣ разгрома мятежныхъ кипчаковъ на урочищѣ Былкыллама (Андижаскаго уѣзда), Худояръ-ханъ предпринялъ поголовное истребленіе кипчаковъ. Истребленіе вышло, разумѣется, не поголовнымъ, но тѣмъ не менѣе кипчаковъ погибло очень много. Та же участь постигла и тѣхъ, которые жили въ Каракчикумахъ:

часть ихъ погибла на мѣстѣ, а другая спаслась бѣгствомъ и разсѣлась впослѣдствіи въ разныхъ уголкахъ Ферганы, навсегда оставивъ принадлежавшее имъ прежде урочище. Этимъ воспользовались кочевые узбеки рода Юзъ, раньше еще переселившіеся изъ Уратюбе въ окрестности Гулявшапа и овладѣли урочищемъ Каракчикумъ.

Въ дополненіе ко всему, сказанному уже о развитіи осѣдлости въ Ферганѣ, я позволю себѣ прибавить еще нѣсколько данныхъ, касающихся нынѣшняго Наманганскаго уѣзда, на которомъ останавливаюсь потому, что, во первыхъ эта часть Ферганы знакома мнѣ несравненно болѣе другихъ, а во вторыхъ здѣсь гораздо удобнѣе изучать данный вопросъ, такъ какъ этотъ вилаётъ бывшаго Кокандскаго ханства, отставъ въ своемъ развитіи, по причинамъ, уже извѣстнымъ читателю, отъ другихъ вилаетовъ, засѣлялъ и устраивалъ свои ирригаціонныя системы въ недавнемъ, сравнительно, прошломъ, благодаря чему и самое собираніе свѣдѣній этого рода здѣсь значительно облегчается. Лѣтъ 300 тому назадъ мѣсто будущаго города Намангана обозначалось однимъ лишь мазаромъ Хазретъ-и-Лянгáръ-Бабá. Въ то время Фергана находилась въ вассальной зависимости, или, вѣрнѣе, представляла собою часть обширнаго въ данную эпоху Бухарскаго ханства, которымъ правилъ Абдулла-ханъ (изъ династіи Шей-банигэ). Въ 990 (1582) году онъ велъ войну съ Персіей и овладѣлъ Хоросаномъ, захвативъ громадное количество плѣнныхъ.

Преданіе гласитъ, что часть послѣднихъ была прислана Абдулла-ханомъ въ Фергану; здѣсь имъ роздали въ жены дѣвушекъ, купленныхъ, будто-бы, у Кашгарскихъ цыганъ рода Агá, а затѣмъ разселили въ разныхъ пунктахъ долины, главнымъ образомъ на мѣстахъ мазаровъ, дабы образовать здѣсь новыя селенія, и обязали жить здѣсь, занимаясь земледѣліемъ. Отъ этихъ поселенцевъ, согласно того же преданія, пошли такъ называемые *Агалыки*. На мѣстѣ нынѣшняго Намангана, а тогда около Мазара Хазретъ-и-Лянгаръ-Бабá, было поселено, по однимъ сказаніямъ, 15, а по другимъ 130 семей. Такъ образовался кишлакъ, первоначальное названіе котораго было, будто бы, *Намáкъ-кáнъ*, что по

персидски значитъ: „соляная копь" [1]).

Къ селеніямъ, существовавшимъ и возникшимъ въ эту эпоху, принадлежали: *на западъ*—Тюря-Курганъ, бывшій небольшимъ кишлакомъ, по считавшій за собою и тогда уже около 300 лѣтъ; *на югъ* и *востокъ*—Киргизъ-Куранъ, только что передъ тѣмъ возникшій и орошавшій свои поля, какъ кажется, водою ключей Ташъ-булакъ (вскорѣ за тѣмъ возникъ Мулла-Кудунгъ, основанный переселенцами изъ Туркестана); Тепе-Курганъ; Яръ-Курганъ; очень древній Караскамъ съ мазаромъ Султанъ-Сеидъ; не менѣе древній Кызылъ-Рабатъ и Чартакъ.

Послѣдніе четыре питались водой, приходившей сюда (къ Чартаку, Караскану и Яръ-Кургану) по естественному руслу рѣки Падша-аты, идущему, по выходѣ изъ—за горы Унгаръ, къ сторонѣ Пишкарана, а равно и той ключевой водой, которая шла сюда издревле со стороны Наукента и вливалась въ Падша-ату нѣсколько выше Чартака.

Большая часть прибрежья Дарьи, отграниченнаго линіей Кызылъ-Рабатъ, Чартакъ, Тюря-Курганъ, представляла собою болота, питавшіяся водою частію ключей, находившихся по сѣверной границѣ этой полосы, а главнымъ образомъ водою Падша-аты, которая разливалась здѣсь такъ же, какъ на лѣвомъ берегу Дарьи разливались воды Исфары, Соха и др. Эти болота съ ихъ камышами просуществовали здѣсь такъ долго, что лѣтъ 70--80 тому назадъ, когда Янги-арыкъ только что былъ проведенъ, и Наманганъ только что началъ разростаться и превращаться въ городъ, на юговосточной его окраинѣ далеко не рѣдкостью были тигры, о которыхъ теперь остались лишь однѣ, да и то крайне смутныя, воспоминанія.

На сѣверъ отъ Намангана находились: небольшое поселеніе Ганстанъ, мазаръ Кара-Полванъ, съ прилегавшими къ нему клочками обработанныхъ полей и нѣсколькими хуторами, Наукентъ (съ Сангистаномъ на юго-западѣ и нынѣш-

---

[1]) Въ документахъ Мазара Султанъ-Сеидъ названіе *Мауэй-и-Наманганъ* (урочище Наманганъ) встрѣчается начиная съ 1053 (1643) года, а названіе *вилаётъ и-Наманганъ* лишь съ 1172 (1758) года.

нимъ Яны-Курганскимъ мазаромъ на сѣверо-востокѣ; вскорѣ около этого мазара образовалось селеніе, нынѣшній Яны-Курганъ); Шуркентъ; Мазаръ Калиша; Пшкаранъ, Мазаръ Султанъ-Вайсыль-Корани, существовавшій еще во время перваго прихода арабовъ; Беговатъ; Ходикентъ; Хазретъша; Мазаръ Бава-Уступъ; Мазаръ Параманъ или, правильнѣе, Пара-нанъ [1]); Иски-аватъ; Заркентъ, существовавшій еще при арабахъ и населенный тогда таджиками, которыхъ впослѣдствіи вытѣснили отсюда узбеки и Мазаръ Сафитъ-Булянъ съ находившимся при немъ небольшимъ поселкомъ, въ которомъ обитали шейхи этого мазара. (Я не говорю ничего о долинѣ Касанъ-Су, такъ какъ въ настоящее время она полностью отошла къ Чустскому Уѣзду; если же я выше и упомянулъ о Тюря-Курганѣ, то потому только, что онъ почти до прихода сюда русскихъ былъ мѣстомъ жительства Хакимовъ, управлявшихъ тогдашнимъ Наманганскимъ вилаетомъ. Лишь года за четыре до завоеванія нами Ферганы, въ Наманганѣ была выстроена урда и сюда переѣхалъ на жительство Хакимъ. Номинально хакимомъ считался тогда малолѣтній сынъ Худояръ-хана Урманъ-бекъ, а въ дѣйствительности вилаетомъ управлялъ Мулла Турды-Али). Процессъ осѣданія кочевыхъ узбековъ шелъ здѣсь наиболѣе успѣшно по тремъ долинамъ: между Наукентомъ и Намангапомъ, между Наукентомъ и Чартакомъ и между Пишкораномъ и Чартакомъ, вслѣдствіе чего около 100 лѣтъ тому назадъ всѣ три долины эти были уже почти сплошь, если не заселены, то, по крайней мѣрѣ, воздѣланы. Тѣмъ временемъ, около 200 лѣтъ тому назадъ, кочевники Багиши (узбеки), и тогда уже сильно нуждавшіеся въ зерновомъ хлѣбѣ, по собственному своему почину приступили къ сооруженію громадной арычной системы, орошающей теперь ту равнину, которая лежитъ въ границахъ: Нанай, Ахтамъ, Сафитъ-Булянъ, Мамай и сѣверное подножье горы Боспу. Когда, съ небольшимъ сто лѣтъ

---

[1]) Согласно мѣстнаго преданія здѣсь нѣкогда жилъ святой отшельникъ, отрѣшившійся отъ всего земного и не промышлявшій себѣ даже и пищи, такъ какъ ежедневно съ неба къ нему сваливался *кусокъ хлѣба*, что по персидски—*Пара́-на́нъ*.

тому назадъ, сюда пришли переселенцы изъ Туркестана и Чимкента, основавшіе впослѣдствіи Напай, Кукъяръ, Ахтатъ, Ала-буку и др. селенія, то они нашли значительную часть этихъ арыковъ совершенно уже законченною.

Здѣсь я попрошу читателя обратить его вниманіе на то обстоятельство, что большая часть существующихъ нынѣ ирригаціонныхъ системъ возникла въ недавнемъ, сравнительно, времени и была сооружена узбеками. Говоря, что „ирригаціи просуществовали (здѣсь, въ Ферганѣ) тысячелѣтія, въ томъ числѣ самыя громадныя и величественныя" (Очерки Ферганской долины стр. 162), академикъ Миддендорфъ дѣлаетъ большую ошибку. Что ирригація существовала здѣсь издревле, въ этомъ никто, конечно, не сомнѣвается, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно также и то, что Ферганскія ирригаціонныя системы среднихъ вѣковъ представляли собой лишь частицу того, что мы видимъ здѣсь въ настоящее время.

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что дикій, невѣсть откуда вторгнувшійся сюда, кочевникъ—узбекъ является здѣсь, въ Ферганѣ, въ роли созидателя арычныхъ системъ.

Тѣмъ не менѣе это такъ, во первыхъ, а во вторыхъ имѣетъ и нѣкоторыя, хотя правда довольно смутныя, объясненія. Въ тѣхъ же „очеркахъ Ферганской долины" читаемъ, что авторъ ихъ видѣлъ въ Восточной Сибири слѣды обширныхъ когда-то арычныхъ системъ, называемыхъ тамъ теперь „монгольскими каналами" и имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что нѣкогда въ той странѣ, „откуда въ началѣ XIII вѣка, всемирный завоеватель Тимучинъ, подъ именемъ Чингизъ-хана, низринулся со своими неустанно кочевавшими ордами на всю Среднюю Азію и Восточную Европу..... поля орошались, луга удобрялись". (Введеніе стран. 1—2). Я сказалъ уже раньше, что воспринимая отъ Таджика его земледѣльческій и ремесленный культъ, узбекъ по необходимости долженъ былъ ввести въ свой языкъ массу словъ, называя ими тѣ, вновь пріобрѣтенные, предметы, которыхъ у него прежде не было и которыхъ онъ, до появленія его здѣсь, по всей вѣроятности, даже никогда и нигдѣ не видалъ. Нѣкоторыя части одежды, большую часть глиняной посуды, плотничьи инструменты, различныя части построекъ и т. п., все это узбекъ началъ называть по персидски и въ то-же время для

оросительнаго канала онъ нашелъ свое узбекское названіе *арыкъ*. Такія названія нашлись и для большей части другихъ терминовъ, касающихся ирригаціи; но административное лицо, завѣдывающее распредѣленіемъ арычной воды, получило названіе *Мира́ба*. (Слово *Мира̀бъ* состоитъ изъ: арабскаго *Эмиръ*, сокращенно *Миръ*—повелитель и персидскаго *а́бъ*—вода). Факты этого рода заставляютъ думать, что съ арыками узбекъ былъ знакомъ, въ большей или меньшей степени, гораздо ранѣе переселенія его въ Среднюю Азію.

Итакъ около 100 лѣтъ тому назадъ большая часть оазисовъ нынѣшняго Намангапскаго Уѣзда, за исключеніемъ самаго людпаго теперь, южнаго, дошла уже (въ то время) до значительной степени своего развитія, параллельно съ чемъ эксплуатація водъ, какъ Падша-аты, такъ равно Ишкранскихъ, Шуркендскихъ, а главнымъ образомъ Наукентскихъ ключей, достигла такихъ размѣровъ, что Наманганъ, хотя и очень медленно, но все таки разроставшійся, началъ мало по малу ощущать недостатокъ въ водѣ.

Для большей ясности изложенія мы вернемся здѣсь нѣсколько назадъ. Есть много основаній для того предположенія, что въ первое время поселенія Агалыковъ на мѣстѣ будущаго Намангана, они пользовались водою лишь Ганстанскихъ, Кара - палванскихъ и Сангистанскихъ ключей, такъ какъ вода Наукентскихъ ключей шла тогда по своему естественному руслу къ сторонѣ Чартака и отдѣлялась отъ верховій нынѣшняго Бай-арыка небольшимъ водораздѣломъ; впослѣдствіи и вслѣдствіе или обсыханія части названныхъ ключей, или просто въ виду увеличенія въ Наманганѣ спроса на ирригаціонную воду, выше упомянутый водораздѣлъ былъ прокопанъ и въ Наманганъ была направлена часть Наукентской воды. Для того, что бы убѣдиться въ томъ, что вода проведена изъ Наукента въ Наманганъ искуственно, стоитъ только проѣхать по берегу Бай-арыка, между Радваномъ и Наукентомъ, черезъ Яны-Курганъ.

Когда и кѣмъ былъ сооруженъ этотъ каналъ достовѣрно не извѣстно, но тѣмъ не менѣе и по этому поводу существуетъ мѣстное народное преданіе. (Въ старину на мѣстѣ Намангана на 10 обрывахъ жило 10 отшельниковъ, изъ которыхъ наибольшей святостью отличались Хазрѣтъ-и-Ляи-

гàръ-Бабà, старикъ, жившій на мѣстѣ теперешняго мазàра того же имени, и другой, по моложе, Хазрèть-и-Хызыръ, на мѣстѣ теперешняго квартала Ляббàй - Тагà. Однажды, чувствуя недостатокъ въ хорошей водѣ, Хазрèть-и-Лянгàръ обратился къ Хазрèть-и-Хызыру съ возгласомъ: „Эй Хызыръ!" на что тотъ отвѣчалъ: „Ляббай Тага?" (Что угодно дяденька. Отсюда въ послѣдствіи и названіе квартала). Хазрèть-и-Лянгаръ сказалъ Хазреть-и-Хызыру: „садись верхомъ на палку и поѣзжай на сѣверъ; Богъ поможетъ тебѣ привести оттуда воду". Хазреть-и-Хазыръ сѣлъ верхомъ на свой посохъ; онъ повлекъ его, привезъ къ Наукентскимъ ключамъ и отсюда повернулъ назадъ; по слѣду, оставленному посохомъ на землѣ, вода пришла изъ Наукентскихъ ключей къ тому мѣсту, гдѣ обитали отшельники).

По мѣрѣ разростанія, какъ самого Намангана, такъ и площади культурныхъ земель, лежавшихъ выше его по теченію Бай-арыка, Наманганъ, чѣмъ дальше, все больше и больше сталъ терпѣть отъ недостатка въ орошеніи.

Тогда обратились къ р. Падша-атѣ и стали пользоваться частью ея воды, приходившей сюда по арыку, который идетъ мимо Ходикента и Татара черезъ Яны-Курганъ, гдѣ и соединяется съ Бай-арыкомъ; однако же, въ виду разростанія оазисовъ, питавшихся исключительно р. Падша-ата, вода этой рѣчки и тогда давалась Намангану лишь три раза въ лѣто, каждый разъ на нѣсколько дней.

Въ послѣдніе годы передъ проведеніемъ Янги-арыка вода приходила въ Наманганъ изъ Наукентскихъ ключей по очереди, черезъ каждые 8 дней, и её далеко нехватало для потребностей населенія.

Это заставило подумать о проведеніи сюда воды изъ Нарына, тѣмъ болѣе, что примѣрами возможности такого предпріятія служили существовавшіе уже тогда арыки Ханъ и Зарбабъ. Кому принадлежитъ инициатива этого дѣла, рѣшить довольно трудно, но большинство увѣряетъ, что на проведеніи арыка настаивали и хлопотами у Омаръ-хана черезъ тогдашняго Наманганскаго Хакима Сеидъ-Нулъ-бека крупные землевладѣльцы, поля которыхъ тогда, вслѣдствіи недостатка въ водѣ, представляли собой 5-ти и болѣе лѣтніе перелоги.

Работы, порученныя Сеидъ-Кулъ-Бекомъ Наманганскому жителю Уста-Илляпъ-баю, начались около 1235 (1819) года. Когда мѣсто вывода арыка изъ Нарына было выбрано, былъ отданъ ханскій приказъ о томъ, чтобы каждый домъ Наманганскаго вилаета въ теченіи всего времени работъ выставилъ по одному рабочему съ его харчами и кетменёмъ (мотыкой) на 15 дней и чтобы кромѣ того нѣкоторое опредѣленное число такихъ же рабочихъ было выслано и остальными вилаетами ханства. (Въ царствованіе Омàра, Мадалù и Худойра, при производствѣ подобнаго рода работъ, означенная въ ханскомъ приказѣ натуральная повинность переводилась въ вилаетахъ на денежную; для этого, по общему числу рабочихъ дней и существовавшимъ цѣнамъ на трудъ, исчислялась сумма, подлежащая уплатѣ ея даннымъ вилаетомъ, раскладывалась и взималась съ каждаго двора вилаета, послѣ чего администрація сама уже нанимала на работы обыкновенныхъ поденьщиковъ. Такой способъ былъ признанъ наиболѣе удобнымъ потому, что во первыхъ раскладка повинности въ вилаетахъ могла быть произведена съ большею равномѣрностью, а вовторыхъ нѣкоторый процентъ общей суммы, сходившей съ даннаго вилаета, всегда прилипалъ къ рукамъ, если не самого Хакима, то по крайней мѣрѣ низшей, посредствующей администраціи. Считаю совершенно излишнимъ объяснять читателю на сколько выгодно было для ханскаго правительства сооруженіе арычныхъ системъ, тѣмъ, выше описаннымъ, способомъ, которымъ онѣ производились до позднѣйшаго времени. Проведеніе арыка не стоило хану ни гроша, а вмѣстѣ съ тѣмъ оживляло собою цѣлыя палестины безплодной прежде земли, которая по мѣрѣ ея разработки и орошенія начинала производить пшеницу, джугару, рисъ и пр. продукты, $^1/_5$ часть урожая которыхъ поступала въ казну подъ именемъ *херàджа*). Въ народной памяти осталось очень немного воспоминаній о такомъ великомъ для этой мѣстности событіи, какъ проведеніе Янги-арыка и несмотря на незначительный промежутокъ времени, протекшій съ начала названныхъ работъ, большая часть этихъ немногихъ воспоминаній окутана уже туманомъ легендарности. Такъ напр. разсказываютъ, что съ начала работы шли на столько не удачно, что народъ порывался убить

Исянъ-бая, который несомнѣнно погибъ бы, если бы его не выручилъ Хазрѐтъ-и-Хазы̀ръ (*Хазрѐтъ*—святой). Ночью святой явился во снѣ Исянъ-баю, велѣлъ ему не падать духомъ и обѣщалъ указать то направленіе, по которому слѣдуетъ вести арыкъ. Когда на утро Исянъ-бай вышелъ изъ своей палатки на работы, онъ увидѣлъ цѣлый рядъ особеннымъ образомъ закрученныхъ пучковъ травы; понявъ, что это есть ни что иное, какъ указаніе Хазрѐтъ-Хазы̀ра, явившагося ему ночью во снѣ, онъ сталъ копать арыкъ по этимъ закрученнымъ пучкамъ травы и впослѣдствіи благополучно довелъ его до Намангана. Первоначальные размѣры Янги-арыка были крайне незначительны; тѣмъ не менѣе работы продолжались три года, пока наконецъ небольшая струя воды пришла въ Наманганъ къ общей, неописанной радости народа, которому въ теченіи громаднаго промежутка времени ежегодно лѣтомъ приходилось пить затхлую, кишащую инфузоріями, воду прудовъ, лишь время отъ времени пополнявшихся водою Наукентскихъ ключей и Падша-аты.

Одинъ Наманганскій старикъ, бывшій въ то время еще мальчикомъ, разсказывалъ мнѣ, между прочимъ, такія подробности объ открытіи Янги-арыка. Когда первая струя воды показалаль въ Наманганѣ, громадная толпа, давно уже съ напряженнымъ вниманіемъ ожидавшая здѣсь ея появленія, подняла такой гамъ и вой, что посторонній и не посвященный зритель врядъ ли могъ бы догадаться, что̀ такое здѣсь происходитъ. Здѣсь слышалось и громогласная хвала Творцу, произносившаяся тысячами мужчинъ, и визгъ ребятъ, вприпрыжку скакавшихъ съ кувшинами по берегу арыка, и слезливыя причитанія старухъ, словомъ все то, чѣмъ въ подобныхъ случаяхъ способна выразить свое нравственное состояніе толпа, наэлектризованная сознаніемъ важности даннаго момента. Тѣмъ временемъ Уста-Исянъ-бай, мало надѣявшійся на достоинства произведенной имъ работы, сбѣжалъ и запрятался гдѣ то въ садахъ, какъ только узналъ, что велѣно пустить на пробу воду изъ Нарына. Когда одновременно съ появленіемъ воды Сеидъ-Кулъ-бекъ захотѣлъ отблагодарить Исян-бая, то послѣдняго конные гонцы долго не могли розыскать, пока наконецъ кто то изъ домашнихъ не указалъ мѣста его засады, откуда строителя съ торжествомъ

повлекли на Янги-арыкъ къ ожидавшему его здѣсь Хакиму. Въ самомъ-же непродолжительномъ времени Уста-Исянъ-бай получилъ богатые подарки, не только отъ Сеидъ-Культ-бека, но и отъ самого хана.

Въ теченіи послѣдующихъ 10 лѣтъ Янги-арыкъ расширялся, углублялся, и былъ продолженъ послѣдующимъ Хакимомъ Наманганскаго вдласта, Мирзатъ-Кипчакомъ. Это продолженіеніе Янги-арыка до впаденія его въ Дарью, близь Киргизъ-Кургана, быть можетъ отложилось бы еще на долгое время, если бы въ это дѣло не замѣшались личные интересы Мирзата, обширныя земли котораго лежали между Тепе-Курганомъ и Киргизъ-Курганомъ, страдая недостаткомъ въ водѣ, которая не могла попадать сюда изъ Янги-арыка, кончавшагося въ Наманганѣ, въ мѣстѣ пересѣченія его со старымъ Бай-арыкомъ. На Наманганскій вдластъ вновь была наложена повинность и Янги-арыкъ былъ доведенъ до Киргизъ-Кургана. Разсказываютъ, что когда производители работъ спросили у Мирзата, какіе размѣры придать второй половинѣ Янги-арыка, то онъ далъ имъ въ руки копье, приказавъ, чтобы глубина и ширина канала была отнюдь не меньше длины этого оружія.

Такимъ образомъ вся южная терраса нынѣшняго Наманганскаго уѣзда была обращена въ сплошной культурный оазисъ, а самъ Наманганъ развился въ большой торговый городъ.

Выше, говоря объ осѣданіи кочевниковъ и обращеніи части ихъ въ землевладѣльцевъ, я сказалъ, что одновременно съ этимъ въ Ферганѣ образовалось три бытовыхъ узбекскихъ типа: кочевой, полукочевой и осѣдлый. Переходъ къ разбору соотношеній, установившихся между ними, начнемъ съ послѣдняго. Читателю извѣстно уже, что садясь на землю, воспринимая отъ таджика его земледѣльческій и ремесленный культъ, узбекъ, обратившійся изъ кочевника въ осѣдлаго, воспринялъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ таджика же массу персидскихъ словъ, вслѣдствіи чего измѣнился, не только его образъ жизни, но даже и самый языкъ, при чемъ это измѣненіе языка, чѣмъ далѣе, развивалось все болѣе, по мѣрѣ про-

никанія въ народную среду грамотности и литературы, почти исключительно персидской. Узбекъ-кочевникъ, всегда гордившійся своимъ образомъ жизни, и относившійся съ пренебреженіемъ ко всякому другому роду занятій, кромѣ войны и скотоводства, съ совершенно такимъ же пренебреженіемъ сталъ относиться и къ тому своему собрату-единоплеменнику, который, презрѣвъ обычаи отцевъ, бросилъ войлочную юрту, поселился въ глинобитной хижинѣ, сталъ пахать и сѣять, разводить деревья, ткать ([1]), дѣлать глиняную посуду и т. п.; въ самомъ же непродолжительномъ времени осѣдлый узбекъ сталъ въ отношеніи узбека-кочевника, являвшаго собою тогда еще громадное большинство, какимъ-то отщепенцемъ, къ которому относились съ высока, съ пренебреженіемъ, всегда давая чувствовать свое превосходство, выражавшееся и въ большей свободѣ дѣйствій, и въ большей воинственности, поддерживавшейся особенностями образа жизни и наконецъ—въ истекавшемъ отсюда же несравненно большемъ политическомъ значеніи.[1] Эта быстро установившаяся, сначала бытовая, а затѣмъ и нравственная, рознь была настолько велика, что всѣмъ вообще осѣвшимъ узбекамъ, не взирая на то, изъ какого узбекскаго рода они происходятъ, было дано общее нарицательное имя *сартовъ*, которое впослѣдствіи распространилось на все вообще осѣдлое туземное населеніе, т. е. одинаково какъ на осѣдлыхъ узбековъ, такъ равно и на таджиковъ. (Нерѣдко случается и теперь слышать въ разговорѣ, что такой-то киргизъ сдѣлался сартомъ. Это значитъ, что такой-то, оставивъ кочевой, или полукочевой, образъ жизни, сдѣлался, въ силу тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, совершенно осѣдлымъ жителемъ того или другаго города или селенія).

Откуда получилось названіе сарта, я достовѣрно не знаю, но тѣмъ не менѣе не могу согласиться съ тѣмъ объясненіемъ, что будтобы „*сартъ* есть *бранное слово*, которымъ въ Средней Азіи кочевники называютъ осѣдлое городское и сельское населеніе“. Что кочевники относятся къ осѣдлому на-

---

[1]) У кочевниковъ ткутъ женщины; у осѣдлыхъ—почти исключительно мущины.

селенію съ пренебреженіемъ, въ этомъ никто не сомнѣвается, но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы слово *сартъ* было исключительно браннымъ словомъ. Въ доказательство этого могу указать на то, что, во первыхъ, имѣется цѣлый узбекскій родъ—*сартъ*, а во вторыхъ, иногда, въ особенности между киргизами, встрѣчается имя *Сартъ-бай*. Хотя киргизы вообще склонны къ нарицанію своимъ дѣтямъ не рѣдко очень странныхъ именъ, но тѣмъ не менѣе никогда, кажется, между ними не встѣчается такихъ, которыя были бы исключительно бранными. Нельзя-ли скорѣе предположить, что изъ тѣхъ узбекскихъ родовъ, которые пришли въ Среднюю Азію съ Чингизъ-ханомъ, первымъ по времени сталъ осѣдать здѣсь родъ сартъ, что, въ свою очередь, могло послужить впослѣдствіи причиною называнія этимъ именемъ всѣхъ вообще осѣвшихъ и осѣдавшихъ здѣсь узбековъ. (Слово *сартъ*, въ смыслѣ названія туземнаго узбекскаго и таджикскаго осѣдлаго населенія, употребляется не въ одной только Ферганѣ, а во всей вообще Средней Азіи).

Съ теченіемъ времени отношенія отщепенства, установившіяся между осѣдлымъ и кочевымъ народомъ, незамѣтно перешли въ антагонизмъ, для разростанія котораго причинъ было болѣе, чѣмъ достаточно. Житейскія потребности гнали кочевника на базаръ, гдѣ сартъ, въ отмѣстку за пренебрежительныя къ нему отношенія, дралъ съ надменнаго собрата вдвое противъ того, что платилъ ему за ту-же вещь горожанинъ; въ свою очередь кочевникъ, выросшій среди войны и грабежей, въ концѣ лѣта, или осенью, грабилъ сартовскій *Хирманъ* [1]) и всегда почти безнаказанно увозилъ отсюда, обмолоченное уже земледѣльцемъ, зерно.

Сартъ началъ звать киргиза разбойникомъ, душегубомъ и притѣснителемъ, а киргизъ все болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что сартъ за плугомъ и ткацкимъ станкомъ окончательно теряетъ способность сопротивляться ему, не только въ полѣ, но зачастую даже и въ стѣнахъ своего города, или

---

[1]) У туземцевъ весь хлѣбъ сыромолотный. Такъ хирманъ устраивается обыкновенно на нивѣ же, т. е. всегда въ большей или меньшей отдаленности отъ жилья.

селенія. Оттого, съ теченіемъ времени сартъ все болѣе и болѣе робѣетъ передъ киргизомъ, а послѣдній набирается храбрости. Такъ шло до тѣхъ поръ, пока здѣсь не появилось въ употребленіи огнестрѣльное оружіе, употребленіе котораго попало почти исключительно въ руки сартовъ.

Послѣдніе, по крайней мѣрѣ въ большихъ городахъ, вздохнули по свободнѣй тогда лишь, когда обзавелись достаточнымъ количествомъ огнестрѣльнаго оружія и главнымъ образомъ артиллерійскихъ орудій, которыхъ у кочевниковъ не было. X

Въ то самое время, какъ киргизъ донималъ сарта грабежами и насиліями, сартъ изловчился донять киргиза совершенно инымъ способомъ; онъ сталъ прибирать къ своимъ рукамъ киргизскую земельку. Обиліе земли, издавна захваченной узбекскими родами, какъ въ горной, такъ равно, и главнымъ образомъ, въ средней части долины, не только отсутствіе привычки, но просто таки какая-то ненависть ко всякому вообще труду, крайнее пренебреженіе къ земледѣлію и привычка проѣдать доходы со скотоводства, ровно почти ничего не производя,—выработали въ громадномъ большинствѣ кочевниковъ такія отношенія къ землѣ, при которыхъ она не представляла для нихъ никакой почти цѣнности; отсюда, въ совокупности съ давленіемъ повседневныхъ нуждъ, явилась по отношенію къ землѣ расточительность.

Въ отношеніи Наманганскаго уѣзда я знаю примѣры такой, недавней еще, расточительности этого рода, которая имѣетъ положительно анекдотическій характеръ. Около Наная, лѣтъ 20 тому назадъ, киргизъ продаетъ участокъ земли въ $^1/_4$ десятины за чашку *бузы* (родъ пива, приготовляемый изъ проса). На Булакъ-баши, лѣтъ 40 тому назадъ киргизъ же продаетъ за одну лошадь (?) землю, часть которой въ настоящее время стоитъ около 700 руб. Такимъ образомъ къ настоящему времени киргизы оказались совсѣмъ почти вытѣсненными изъ средняго пояса долины, гдѣ теперь лишь нѣкоторымъ изъ нихъ принадлежатъ не большія участки культурной земли, съ курганчàми (хуторъ), въ которыхъ они зимуютъ, обыкновенно уходя на лѣто съ остатками своихъ прежднихъ стадъ въ горы. (Подробности здѣшняго киргизскаго оскудѣнія читатель можетъ найти въ моей статьѣ „Кир-

гизы Наманганскаго уѣзда". Туркестанскія вѣдомости, 1881 годъ). Совершенно иную картину представляетъ бытъ средняго, полукочеваго типа. Здѣсь, въ Ферганѣ, главнѣйшими его представителями являются кипчаки и частію каракалпаки, численностію значительно меньшіе первыхъ, но въ остальномъ почти ничѣмъ отъ нихъ неотличающіеся.

Не столько оскудѣніе ихъ стадъ, сколько здравый экономическій расчетъ, заставилъ кипчаковъ и каракалпаковъ обратить ихъ вниманіе на землю.

Отнюдь неимѣя никакого влеченія къ горамъ, упорно держась средняго и нижняго пояса долины, они давно уже завели здѣсь культурныя, искуственно-орошаемыя поля, связали, такимъ образомъ, земледѣліе съ болѣе или менѣе широкимъ скотоводствомъ, стали впослѣдствіи строить просторныя курганчи ([1]), въ которыхъ зимовали со своимъ скотомъ, упрочили такимъ путемъ, до извѣстной разумѣется степени, свое матеріальное благосостояніе и сдѣлались съ теченіемъ времени элементомъ наиболѣе сильнымъ въ политическомъ отношеніи. Послѣднему не мало способствовало то обстоятельство, что, не смотря на значительную разбросанность и существованіе нѣсколькихъ колѣнъ, кипчаки до конца остались вѣрными искòннымъ родовымъ принципамъ, въ основѣ которыхъ лежало признаніе политической и административной единицы въ *родѣ*, а ни какъ не въ колѣнѣ, чего не замѣчается въ позднѣйшей жизни киргизъ, подъ именемъ которыхъ далѣе мы будемъ разумѣть всѣхъ вообще кочевыхъ и полукочевыхъ узбековъ за исключеніемъ родовъ кипчакъ и каракалпакъ.

По мѣрѣ естественнаго размноженія киргизъ, у нихъ единицею стало дѣлаться подраздѣленіе рода, *колѣно*, а не самый родъ, что съ теченіемъ времени повело не только къ разладу, но даже и къ совершенному почти забвенію о древнихъ родовыхъ традиціяхъ. Въ настоящее время не рѣд-

[1]) Согласно нѣкоторымъ историческимъ даннымъ, еще въ X вѣкѣ мусульманской эры кипчаки и каракалпаки по образу жизни ни чѣмъ ни отличались отъ другихъ кочевниковъ, а особымъ политическимъ вліяніемъ они начинаютъ пользоваться лишь около 100 лѣтъ тому назадъ.

ки случаи, когда въ отвѣтъ на вашъ вопросъ о томъ, изъ какого онъ *рода*, киргизъ называетъ вамъ имя своего *колѣна*, совершенно не зная того, къ которому изъ 92 узбекскихъ родовъ это колѣно принадлежитъ [1]).

Въ то самое время какъ Кипчаки (и Кара-Калпаки), несмотря на свою разбросанность, продолжали оставаться родомъ, между членами котораго не порывалась достаточно прочная нравственная связь, между многочисленными колѣнами киргизъ пошли такія распри, такой разладъ, при условіи которыхъ они никогда болѣе не представляли уже собою ничего органически цѣлаго.

Относясь подобно кочевникамъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ осѣдлому населенію городовъ и селеній, которое, по мѣрѣ дальнѣйшаго сближенія и сношенія съ таджиками, все болѣе и болѣе утрачивало отличительныя черты прежняго узбека [2]), кипчаки въ тоже самое время, благодаря

---

[1]) Въ недавнемъ прошломъ родовыя традиціи киргизъ, если не во всей Ферганѣ, то, покрайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ ея частяхъ были въ значительной степени подорваны продажею земель въ частную собственность, при Омаръ-ханѣ. Читателю извѣстно уже, что послѣ занятія Ферганы узбеками, большая часть ея земель перешла въ пользованіе завоевателей. На основаніи положеній Шаріата земля эта считалась принадлежащей Богу и — представителю его на землѣ — правительству, т. е. собственно эмиру, или хану, который, на основаніи тѣхъ же статей Шаріата могъ или дать ее населенію въ пользованіе только, или продать ее въ потомственное владѣніе. Омаръ-ханъ, желая обогатить свою казну, черезъ тогдашняго Наманганскаго хакима Саидъ кул-бека, продалъ земли, бывшія въ пользованіи узбековъ Наманганскаго вилаета. Земли эти покупались въ складчину цѣлыми родами (или вѣрнѣе колѣнами), послѣ чего въ общинномъ владѣніи остались одни только горныя пастбища, а всѣ тѣ участки, которые могли эксплуатироваться плугомъ, при условіи искуственнаго орошенія, поступили въ частную собственость покупателей и были раздѣлены ими между собою пропорціально тѣмъ паямъ, которые вносили-ь отдѣльными лицами при огульной покупкѣ земли у хана. Этимъ былъ нанесенъ тяжелый ударъ общинному владѣнію землей между здѣшними киргизами. Производилась ли такая же продажа земель и въ другихъ вилаетахъ ханства, мнѣ достовѣрно не извѣстно.

[2]) Въ настоящее время рѣдкій сартъ—узбекъ знаетъ изъ какого узбекскаго рода онъ происходитъ.

постепенному упроченію ихъ благосостоянія и силы, почти въ такія-же отношенія стали вставать и къ киргизамъ, благосостояніе которыхъ тѣмъ временемъ начинало приходить въ замѣтный уже упадокъ. Живя почти особнякомъ, кипчаки вступали во временной союзъ съ киргизами въ тѣхъ только случаяхъ, когда политическія условія времени заставляли ихъ вести открытую борьбу или съ осѣдлымъ населеніемъ долины, или съ правительствомъ, симпатіи котораго, особенно за послѣднее время, тяготѣли къ сартамъ, малоподвижнымъ, смирнымъ, сравнительно, плательщикамъ всевозможныхъ даней.

Несомнѣнно то, что примѣръ заразителенъ. Уразумѣвъ причины и условія, по которымъ и среди которыхъ кипчаки устроили свой бытъ, одинаково служившій предметомъ зависти, какъ сартовъ, такъ равно и киргизъ, наиболѣе благоразумные (и имѣвшіе къ тому возможность) кочевники стали устраиваться по образу и подобію кипчаковъ, но ничего, имѣющаго серьезное, обособленное политическое значеніе, не создали; примкнуть къ кипчакамъ въ большинствѣ случаевъ имъ не удалось, ибо послѣдніе представляли собой достаточно замкнутый въ самомъ себѣ родъ, а ихъ собственные роды и колѣна, какъ уже было сказано выше, проявляли слишкомъ малое для этого взаимное тяготѣніе, которое вспыхивало иногда только, по временамъ, въ моменты политическихъ невзгодъ и неурядицъ, при чемъ, въ этихъ случаяхъ, дѣло часто невыгорало только потому, что въ дѣло это успѣвали вмѣшиваться личные раздоры представителей разныхъ киргизскихъ родовъ и колѣнъ.

Наибольшаго политическаго значенія кипчаки достигли въ правленіеШиръ-Али и въ началѣ правленія Худояръ-Хана; вмѣстѣ—это же и моментъ, близкій къ началу паденія, не только ихъ политическаго, но даже и матеріальнаго благосостоянія.

Въ концѣ правленія Ширъ-Али-хана кипчакъ Мусульманъ-кулъ, путемъ цѣлаго возстанія, поднятаго его интригами среди кипчаковъ, получаетъ мѣсто *мингбаши* (Государств. канцлеръ ханства). Послѣ паденія Ширъ-Али, а вслѣдъ за нимъ и Мурадъ-хана, правившаго всего нѣсколько дней, Мусульманъ-кулъ, поддерживаемый кипчаками, провозгласилъ малолѣтняго Худояра, при чемъ были обойдены старшіе братья:

Сарымсакъ и Малля. Мусульманъ-кулъ поступаетъ такъ съ тѣмъ расчетомъ, чтобы, пользуясь малолѣтствомъ Худояра, сдѣлаться регентомъ, или, другими словами, полнымъ хозяиномъ ханства. Расчетъ этотъ вполнѣ удается; Мусульманъ-кулъ регентствуетъ, а всѣ главнѣйшія должности ханства занимаются кипчаками, его сородичами. Все это въ высшей степени поднимаетъ духъ всего кипчакскаго рода, вслѣдствіи чего всѣ вообще кипчаки ханства, зная, что высшія должности заняты ихъ родовичами, позволяютъ себѣ самыя невозможныя насилія надъ сартами, за что въ самомъ же непродолжительномъ времени заслуживаютъ такую ненависть, въ сравненіи съ которой старинный антагонизмъ между сартами и киргизами—совершенное ничто.

Тѣмъ временемъ разладъ прокрадывается въ нѣдра крѣпкаго до тѣхъ поръ кипчакскаго рода; представители главныхъ его колѣнъ, частію злобствуютъ на Мусульманъ-кула за его самовластіе, частію просто таки завидуютъ его положенію. По ихъ пронскамъ Мусульманъ - кулъ нѣсколько разъ лишается мѣста Мингбаши, пока наконецъ не терпитъ полное крушеніе подъ Ташкентомъ, откуда бѣжитъ на Чаткалъ. Тогда, освободившись отъ своего поводаря, Худояръ приходитъ къ сознанію о необходимости лишить кипчаковъ, тѣмъ или другимъ путемъ, той силы, до которой они дошли въ предшествовавшій періодъ времени. Въ концѣ 1268 (1851) года онъ разбиваетъ мятежныя скопища кипчаковъ на урочищѣ Былкылламá, а вслѣдъ за этимъ, въ началѣ слѣдующаго 1269 (1852) года, приступаетъ къ повсемѣстному избіенію кипчаковъ, причемъ земли ихъ конфискуются и распродаются по дешевымъ цѣнамъ сартамъ.

Такимъ образомъ кипчаки утрачиваютъ не только политическое значеніе, но и прежнее свое матеріальное благосостояніе. Правда, что впослѣдствіи Малля-ханъ, искавшій одно время ихъ поддержки, возвратилъ большую часть конфискованныхъ Худояромъ кипчакскихъ земель ихъ прежнимъ хозяевамъ, но политическое значеніе этого рода было уже на столько подорвано, что когда въ 1278 году Алимъ-кулъ снова повергъ Фергану въ династическую усобицу, роль кипчаковъ была уже далеко не такой блестящей, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Недружелюбныя отношенія къ нимъ

сартовъ сохранились почти и до сего времени, а политическому и матеріальному ихъ благосостоянію былъ нанесенъ ударъ, вполнѣ излѣчить который не успѣло даже время, такъ какъ вскорѣ Фергана была занята русскими, внесшими сюда такія основы гражданственности, подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ которыхъ прежній антагонизмъ политическихъ партій необходимо долженъ былъ въ значительной степени стушеваться, ибо далѣе антагонизмъ этотъ пересталъ имѣть всякое почти значеніе.

Въ заключеніе мнѣ остается сказать лишь нѣсколько словъ о кочевникахъ. Выше я замѣтилъ уже, что примѣръ, поданный, въ свое время, кипчаками и каракалпаками, нашелъ себѣ послѣдователей въ средѣ остальныхъ кочевыхъ узбековъ Ферганы. Современемъ невозможность удовлетворенія даже самыхъ основныхъ потребностей жизни на счетъ одного скотоводства заставила всѣхъ почти киргизъ завести у себя запашки, частію въ среднемъ поясѣ долины, а главнымъ образомъ въ окружающихъ ее горахъ, куда мало помалу они были вытѣснены осѣдлымъ населеніемъ, по мѣрѣ разростанія здѣсь селеній съ ихъ культурными полями и по мѣрѣ уменьшенія площади и безъ того уже крайне оскудѣвшихъ и обсохшихъ выгонныхъ пространствъ.

Въ настоящее время между киргизами Ферганской области не имѣютъ посѣвовъ тѣ только бѣдняки, которые не успѣли своевременно пріобрѣсти частной поземельной собственности, въ видѣ воздѣланныхъ и искуственно-орошенныхъ полей.

Вотъ, между прочимъ, причины, по которымъ мы имѣемъ право сказать, что въ настоящее время въ Ферганѣ кочевниковъ, въ строгомъ смыслѣ этого слова, болѣе не существуетъ

Глава II.

Послѣ смерти Эмира-Тимура, въ 807 (1405) году, громадное государство, основанное этимъ величайшимъ изъ государей Средней Азіи, не просуществовало въ цѣлости и одного столѣтія. Въ 872 (1467) году Абу-саидъ-ханъ, правнукъ Тимура, погибъ въ неудачной для него войнѣ съ Персіей, послѣ чего правителемъ Бухары сдѣлался сынъ его Султанъ-Ахматъ-Мирза. Вслѣдъ за его воцареніемъ великое средне-азіатское государство стало распадаться. На югѣ отлагается Гератъ, на сѣверѣ Ташкентъ, а на востокѣ, въ Ферганѣ, Омаръ-Шейхъ, младшій братъ Султанъ-Ахмата и отецъ знаменитаго Бабура, тоже объявляетъ себя независимымъ отъ Эмира и дѣлаетъ своею столицею Ахсы (древній Ахсыкентъ).

Въ то время городъ этотъ былъ расположенъ на берегу Дарьи, въ этомъ мѣстѣ высокомъ, обрывистомъ и постоянно подмывавшемся рѣкою, благодаря чему, по свидѣтельству Султана Бабура, городъ постепенно перемѣщался къ сѣверу, что, въ свою очередь, вызвало необходимость неоднократнаго перенесенія къ сѣверу же городскихъ стѣнъ и окоповъ.

Очень возможно, что впослѣдствіи это постепенное разрушеніе обрывистаго берега послужило одной изъ причинъ того, что древняя столица Ферганы была брошена и обратилась съ теченіемъ времени въ ничтожный кишлакъ [1]).

---

[1]) Совершенно такой же примѣръ, относящійся къ недавнему, сравнительно, времени (лѣтъ 30—40 тому назадъ), мы видимъ, между прочимъ, на развалинахъ прежняго кишлака *Караянтакъ*, лежащихъ на лѣвомъ, тоже обрывистомъ здѣсь и постепенно разрушающемся, берегу Дарьи, верстахъ въ 8 выше кишлака Махрамъ.

(Теперь кишлакъ Ахсы лежитъ нѣсколько въ сторонѣ отъ береговаго обрыва, вдоль котораго Дарья успѣла отложить широкую отмель, вслѣдствіе чего дальнѣйшее размываніе рѣкой этой части ея берега прекратилось).

Въ Ахсы Омаръ-Шейхъ процарствовалъ сравнительно не долго. Урда̀ (дворецъ) его находилась въ прибрежной части города, при чемъ помѣщеніе для голубей, до которыхъ Омаръ былъ большой охотникъ, было построено на самомъ обрывѣ, надъ Дарьей. Въ понедѣльникъ, 4-го рамазана 899 (1493) года, въ то самое время, когда Омаръ-Шейхъ забавлялся своими голубями, голубятня обрушилась и злополучный ханъ погибъ въ Дарьѣ.

Во вторникъ, 5-го рамазана того же 899 (1493) года, старшій сынъ Омаръ-Шейха, 12-ти лѣтній Бабуръ, былъ провозглашенъ въ Андижанѣ правителемъ Ферганы.

Вслѣдъ за воцареніемъ Бабура, Султанъ-Ахматъ-Мирза умеръ, а въ Бухарѣ или, вѣрнѣе, въ Самаркандѣ пошли кровопролитныя династическія распри изъ за обладанія трономъ Эмира Тимура. Распри эти почти не прекращались до 906 (1500) года, когда Самаркандомъ овладѣлъ энергичный и воинственный Шейбани-ханъ, основатель новой династіи — *Шейбаніэ.*

По смерти Султана-Ахмата-Мирзы юный Бабуръ, не удовлетворяясь своими собственными владѣніями, стремясь сдѣлаться Бухарскимъ Эмиромъ и не допустить никого изъ тѣхъ, кто не принадлежитъ къ династіи его великаго предка, до обладанія трономъ Тимура, бросаетъ Фергану на произволъ судьбы, ввязывается въ распри изъ за обладанія Самаркандомъ, вступаетъ въ борьбу съ Шейбани, трижды водитъ свои войска на Самаркандъ, овладѣваетъ этимъ городомъ на самое незначительное время и наконецъ терпитъ отъ Шейбани рѣшительное пораженіе, послѣ котораго уходитъ въ Хиссаръ въ 909 (1503) году.

Здѣсь онъ снова оправляется, собираетъ войска и постепенно овладѣваетъ не только Авганистаномъ, но даже и значительной частью Индіи, гдѣ основываетъ новое мусульманское государство. Когда, въ 913 (1507) году, въ Кабулѣ у него родился сынъ Гамаюнъ, Бабуръ былъ уже полновластнымъ и могущественнымъ правителемъ обширнаго государства.

Тѣмъ временемъ Шейбани-ханъ окончательно упрочился въ Самаркандѣ и снова раздвинулъ границы бухарскаго ханства, присоединивъ сюда большую часть прежнихъ провинцій, отложившихся при Султанѣ-Ахматъ-Мирзѣ; въ томъ числѣ была присоединена и Фергана, снова лишившаяся своей самостоятельности и находившаяся въ вассальной зависимости отъ Бухары впредь до смерти Эмира Абдуллъ-Мумына въ 1006 (1597) году.

Есть очень много основаній полагать, что въ этотъ промежутокъ времени Фергана представляла собой провинцію, которая крайне мало интересовала бухарскихъ эмировъ, такъ какъ главное вниманіе ихъ, въ силу политическихъ условій того времени, почти исключительно было обращено на юго-западную и западную границы ханства, на Персію, Мервъ и Хиву. Исключеніемъ представляется, повидимому, лишь царствованіе Абдуллы-хана, на столько-же завоевателя, на сколько и строителя, который лично заглядывалъ въ эту восточную провинцію своего ханства и оставилъ здѣсь нѣкоторыя памятники того имени, которое въ глазахъ свѣдущаго туземца и до сихъ поръ еще окружено ореоломъ славы и величія.

Туземные историки разсказываютъ, что во время правленія Абдуллы-хана въ одной только Бухарѣ было сооружено 1001 общеполезное учрежденіе въ родѣ мечетей, медресэ, каналовъ и т. п. Слѣдуетъ, впрочемъ, имѣть въ виду, что не всѣ эти учрежденія были сооружены лично Абдулла-ханомъ; многія изъ нихъ были построены его приближенными, которые не могли, разумѣется, не подражать вкусамъ и наклонностямъ своего повелителя.

По этому поводу я позволю себѣ привести одну легенду, слышанную мною въ Ферганѣ и занесенную сюда пріѣзжими бухарцами.

Наиболѣе приближеннымъ къ Абдулла-хану человѣкомъ былъ Кугальташъ. Особенное довѣріе эмира онъ заслужилъ при нижеслѣдующихъ обстоятельствахъ. Абдулла-ханъ осаждалъ какой то непріятельскій городъ. Желая лично произвести рекогносцировку и выѣхать изъ лагеря никѣмъ незамѣченнымъ, Эмиръ переодѣлся въ самое простое платье и отправился подъ вечеръ съ сыномъ Кугальташа. Дорогою

на нихъ напалъ непріятель; Эмиръ попался въ плѣнъ, а спутникъ его бѣжалъ.

Увѣряютъ, что Абдулла-ханъ обладалъ крайне непредставительной наружностью; благодаря этому и простотѣ бывшаго на немъ платья, захвативъ его въ плѣнъ, никто изъ непріятелей не заподозрилъ въ немъ бухарскаго Эмира, почему въ качествѣ простого плѣннаго онъ не былъ зарѣзанъ, а попалъ лишь въ *зиндāнъ* (яма). Прискакавъ въ лагерь, сынъ Кугальташа направился прямо къ отцу, засталъ его въ палаткѣ одного и разсказалъ о происшедшемъ. Тотъ сейчасъ же зарѣзалъ сына и зарылъ его тутъ же, въ палаткѣ.

Такимъ образомъ отсутствіе хана осталось никому неизвѣстнымъ, за исключеніемъ Кугальташа. Послѣдній на другой день утромъ объявилъ войскамъ, что Эмиръ болѣнъ, никого не будетъ принимать въ теченіи нѣсколькихъ дней, причемъ посылаетъ его, Кугальташа, въ непріятельскій городъ для веденія тамъ мирныхъ переговоровъ.

Отправляясь туда, онъ ловитъ въ окрестностяхъ города какую-то старуху, которой обѣщаетъ дать 1000 тиллей (3800 р. сер.), если та исполнитъ слѣдующее его приказаніе. Дня черезъ 2—3, когда онъ, покончивъ съ переговорами, будетъ выѣзжать изъ непріятельскаго дворца, она должна схватить его лошадь за поводья, всячески ругать его и требовать, чтобы ей возвратили сына, который по милости его, Кугальташа, попалъ въ плѣнъ. Старуха, прельстившись невиданнымъ ею богатствомъ, разумѣется, соглашается.

Кугальтāшъ ѣдитъ въ непріятельскій городъ. Послѣ 2—3 дней переговоровъ, миръ заключенъ и посланника съ большой пышностью провожаютъ въ обратный путь. Въ то самое время, какъ онъ садится въ урдѣ на лошадь, какая-то, никому неизвѣстная старушенка съ воплями бросается на Кугальташа, вцѣпляется въ поводья его лошади, начинаетъ всячески проклинать и ругать его за то, что по его милости ея единственный сынъ, имѣвшій глупость присоединиться къ войскамъ Эмира, попалъ въ плѣнъ и сидитъ теперь въ одной изъ ямъ этой самой урды. Всѣ присутствующіе въ страшномъ смятеніи, боясь, что Кугальтāшъ можетъ разгнѣваться на нанесенныя ему оскорбленія и снова открыть военныя дѣйствія, распрашиваютъ и успокаиваютъ старуху, на-

водятъ справки и узнаютъ, что дѣйствительно въ числѣ плѣнныхъ есть и такой, примѣты котораго перечислены старухой.

Въ угоду Кугальташу плѣннаго выводятъ изъ ямы и вмѣстѣ со старухой выпроваживаютъ изъ урды пинками.

За городомъ Кугальташъ сажаетъ Абдулла-хана на лошадь и благополучно привозитъ въ лагерь. Здѣсь Эмиръ узнаетъ, что Кугальташъ зарѣзалъ своего сына. На вопросъ, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, Кугальташъ отвѣчалъ такъ: „еслибы сынъ мой остался жить, онъ легко могъ-бы разболтать о случившемся; большая часть войскъ навѣрное разбѣжалась бы, а остальная была бы истреблена непріятелемъ; затѣмъ послѣдній легко могъ бы узнать, кто находится у него въ плѣну и тогда Эмиръ навѣрное былъ бы зарѣзанъ. Пусть лучше погибнетъ одинъ человѣкъ, чѣмъ нѣсколько тысячъ людей“.

По возвращеніи въ бухару Абдулла-ханъ пожелалъ наградить Кугальташа. Онъ вручилъ ему большую сумму денегъ, часть которыхъ предложилъ употребить на содержаніе большаго медресэ имени Кугальташъ, съ тѣмъ чтобы въ народѣ на вѣки осталась память о геройскомъ поступкѣ того, кто нѣкогда носилъ это имя.

Медресэ было уже совсѣмъ почти выстроено, когда зависть обуяла другаго приближеннаго Абдулла-хана, по имени Надыръ-ша. Желая хоть чѣмъ нибудь досадить Кугальташу, Надыръ-ша предпринялъ постройку каравансарая, какъ разъ противъ новаго медрссэ—и—Кугальташъ въ томъ расчетѣ, что, благодаря массѣ вьючныхъ животныхъ, приходящихъ обыкновенно въ большой каравансарай, около входа въ медрссэ, выстроеннаго соперникомъ, будутъ постоянно валяться кучи навоза, отъ присутствія котораго внѣшній видъ этого зданія, конечно, много потеряетъ.

Кугальташъ обратился къ Эмиру съ жалобой на своего обидчика. Эмиръ обѣщалъ помочь, но почему то долгое время ничего не предпринималъ. Тѣмъ временемъ медресэ было окончено, а каравансарай тоже почти на половину выстроенъ. Тогда Эмиръ пожелалъ предпринять загородную прогулку. Проѣзжая мимо строившагося еще каравансарая, Абдулла-ханъ обратился къ Надыръ-Ша и сказалъ: „поздравляю тебя съ постройкою *медресэ*“.

Надыръ-Ша понялъ, что это поздравленіе есть ничто иное, какъ приказаніе строить медресэ, а не караван-сарай. Зная, что съ Эмиромъ шутить нельзя, Надыръ-Ша принужденъ былъ обратить недостроенный еще караван-сарай въ медресэ. Получилось зданіе очень странной архитектуры и крайне неказистое въ сравненіи съ тѣмъ, которое стояло напротивъ него. Потерпѣвъ такимъ образомъ двойное пораженіе, Надыръ-Ша задумалъ соорудить что либо грандіозное, дабы поправить свою ошибку и оставить о себѣ память потомству.

Около этого же времени у него пошли несогласія съ самой любимой изъ его женъ, легкомысленной и до нельзя капризной красавицей, взятой имъ изъ Балха. Чѣмъ дальше, она все болѣе и болѣе приставала къ нему съ укоризнами въ томъ, что онъ слишкомъ мало любитъ её и слишкомъ рѣдко даритъ ей цѣнныя украшенія. Однажды, выведенный изъ терпѣнія, Надыръ-Ша попросилъ у ней серьгу изъ лѣваго уха; вынесенная на базаръ, серьга эта тотчасъ же была куплена ювелиромъ за 3000 тиллей (11400 р.).

Придравшись къ случаю смерти одного изъ своихъ балхскихъ зятей, Надыръ-Ша отослалъ капризную супругу на родину, а самъ принялся за устройство колоссальной цистерны, сооруженной имъ на деньги, полученныя отъ продажи жениной серьги).

Въ 1006 (1597) году Абдулла-ханъ умеръ, а мѣсто Эмира занялъ сынъ его, до бѣшенства жестокій Абдулъ-Мумынъ. Торопясь поскорѣе отдѣлаться отъ старыхъ любимцевъ своего отца, онъ, вслѣдъ за смертью послѣдняго, отослалъ Кугальташа въ Ташкентъ и велѣлъ его тамъ зарѣзать.

Вскорѣ послѣ этого Абдулъ-Мумынъ, истреблявшій съ цѣлями упроченія своей власти не только старыхъ слугъ Абдуллы-хана, но равно и всѣхъ своихъ ближайшихъ родственниковъ, предпринялъ походъ на Фергану, дабы покончить здѣсь со своимъ двоюроднымъ братомъ, Узбекъ-ханомъ, правившимъ въ Ахсы. На обратномъ пути среди приближенныхъ составился заговоръ противъ невыносимо жестокаго Абдуллъ-Мумына и онъ былъ убитъ гдѣ-то около Джизака однимъ изъ своихъ слугъ, по имени Абдуллъ-Васй. Умеръ въ 1006 (1597) году, процарствовавъ всего лишь около полугода.

Со смертію Абдуллъ-Мумина въ Бухарѣ прекращается династія Шейбаніэ а вмѣстѣ съ тѣмъ среди смутъ непродолжительнаго между-царствія Фергана порываетъ свою зависимость отъ Бухары и снова направляется на путь автономіи.

По воцареніи въ Бухарѣ династіи Аштарханіэ [1]) вниманіе правителей снова и всецѣло обращается на западъ и югъ, а Фергана успѣваетъ за это время на столько обособиться и окрѣпнуть, что когда впослѣдствіи представители династіи Мангытъ [2]), безвозвратно утративъ не только свои южныя и юго-западныя провинціи, но даже и часть западныхъ, вновь обращаютъ свое вниманіе на исконную восточную провинцію Бухарскаго ханства, то это оказывается уже слишкомъ позднимъ, такъ какъ у Эмировъ этого періода далеко не всегда находилось въ достаточномъ количествѣ и военныхъ силъ, и личной энергіи для борьбы съ *біями* и *ханами* вновь создавшагося здѣсь Кокандскаго ханства.

Правда, что послѣднимъ Эмирамъ этой династіи Мангытъ (Насръ-Улла-хану и Эмиру Музафару) удалось трижды овладѣвать Коканомъ, но они были не въ силахъ уже удерживать въ своихъ рукахъ этой исконной провинціи бухары даже въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а Эмиръ Музафаръ дважды приходилъ въ Коканъ при такихъ обстоятельствахъ, которыя дали поводъ нашимъ ферганскимъ сартамъ и по сейчасъ называть его въ шутку „*Музафàръ-бѐй-зафàръ*", что въ переводѣ значитъ—*побѣдитель безъ побѣды*. Такова въ общихъ чертахъ исторія зависимости Ферганы отъ бухарскаго ханства.

Съ отложеніемъ Ферганы послѣ смерти Абдуллъ-Мумина, въ 1106 (1597) году, для этой страны наступаетъ періодъ, въ историческомъ отношеніи, самый темный. Въ туземныхъ, средне-азіатскихъ сочиненіяхъ по части исторіи Бухары мы не встрѣчаемъ никакихъ почти сообщеній о

---

[1]) Подъ именемъ Аштарханіэ разумѣются узбеки, переселившіеся въ бухарское ханство изъ прежняго астраханскаго царства (Аштархàнъ-Астрахань.

[2]) Мангытъ—одинъ изъ узбекскихъ родовъ.

Фергапѣ вездѣ тамъ, гдѣ говорится о періодѣ дипастіи Аштарханіэ; это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ правленіе Аштарханизовъ ареною главнѣйшихъ политическихъ событій были: или сама Бухара, или же западныя и южныя границы этого ханства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ то время, исключительнымъ средоточіемъ науки въ Средней Азіи была та-же Бухара и Самаркандъ, а въ Ферганѣ просвѣщеніе было распространено сравнительно слабо, во первыхъ, а во вторыхъ, въ средѣ ея образованныхъ людей, по видимому, было крайне мало такихъ, которые серьезно интересовались бы исторіей [1]). Оттого сколько нибудь достовѣрныя историческія сочиненія, касающіяся новѣйшей исторіи Ферганы и написанныя на мѣстѣ, начинают появляться лишь значительно позднѣе, а именно со времени основанія города Кокана и обособленія здѣсь самостоятельнаго ханства.

Переходя къ изложенію событій, непосредственно касающихся исторіи Какандскаго ханства, я считаю необходимымъ начать съ тѣхъ преданій о началѣ родословной Кокандской династіи *Мингъ* (до Рапмъ-бія), которыя встрѣчены мною въ туземной литературѣ. Свѣдѣнія эти я называю преданіями, а не историческими данными потому, что, будучи крайне туманными, они отличаются въ то-же время полнымъ почти отсутствіемъ хронологіи и чрезвычайной краткостью.

Въ 916 (1510) году войска Шейбани-хана были разбиты персами около Махмудъ-обада, а самъ онъ убитъ во время преслѣдованія. Говорятъ, что черепъ Шейбани-хана

[1]) До сихъ поръ эта отрасль науки находится въ совершенномъ почти пренебреженіи между сартами видящими науку всѣхъ наукъ въ одномъ лишь мусульманскомъ богословіи и въ мусульманскомъ правѣ. Видя у меня книги историческаго содержанія, даже и образованные, по своему, туземцы не разъ высказывали убѣжденіе въ томъ, что книги эти читаются мною съ тою цѣлію, чтобъ по нимъ опредѣлять впослѣдствіи мѣста *кладовъ*.

былъ оправленъ въ золото и употреблялся впослѣдствіи Шахомъ Измаиломъ во время пиршествъ вмѣсто кубка (خرس كلاه زرين). Узнавъ о паденіи Шейбани, Бабуръ, уже владѣвшій тогда Кабуломъ, немедленно же вступилъ въ союзъ съ Измаиломъ (Персидскимъ шахомъ) и подъ прикрытіемъ этого союза занялъ Самаркандъ, мечтая возстановить здѣсь династію Тимура.

Черезъ полъ года противъ него возсталъ Уббайдулла-ханъ, одинъ изъ родственниковъ Шейбани. Не смотря на то, что войска Уббайдуллы-хана были значительно малочисленнѣе бабуровскихъ, послѣдній потерпѣлъ около Самарканда такое пораженіе, что едва успѣлъ захватить сына, двухъ женъ, казну и нѣсколькихъ приближенныхъ и бѣжать съ ними въ Индію.

Это произошло въ 918 (1512) году [1]). Отсюда собственно и начинаются мѣстныя, ферганскія преданія о происхожденіи правившей здѣсь впослѣдствіи династіи, которая вела свою родословную непосредственно отъ Эмира Тимура.

Согласно этихъ преданій Бабуръ бѣжалъ изъ Самарканда въ Индію не прямой дорогой, а черезъ Фергану. По однимъ сказаніямъ онъ, прійдя въ Фергану, занятую уже его противниками, перевалилъ черезъ южный хребетъ и направился отсюда черезъ Хиссаръ; по другимъ онъ быстро прошелъ вдоль всей Ферганы, перевалилъ черезъ Терекъ-Даванъ и вышелъ отсюда на Кашгарско—Индійскую дорогу, существующую и по настоящее время.

Во время бѣгства изъ Самарканда одна изъ женъ Бабура, Сейдафàкъ, ходила послѣдніе уже дни беременности. Когда бѣглецы вошли въ Фергану и двигались по той самой пустынѣ, которая лежала въ то время между Ходжентомъ и Канибадамомъ, Сейдафакъ почувствовала родовыя боли и здѣсь же, по дорогѣ, разрѣшилась сыномъ.

Опасности, окружавшія бѣглецовъ во время ихъ пути и необходимость двигаться съ возможной быстротой, принудили

---

[1]) Вслѣдствіе пропуска въ запискахъ Султана-Бабура всего періода между 914 и 920 годомъ, описанія данныхъ событій въ названныхъ запискахъ не имѣется.

ихъ оставить новорожденнаго на произволъ судьбы, а самимъ бѣжать далѣе, тѣмъ болѣе, что среди лишеній и опасности, повсюду ожидавшихъ бѣглецовъ, новорожденный рисковалъ погибнуть въ дорогѣ почти столько же, сколько и оставаясь на мѣстѣ, гдѣ его могъ случайно найти кто либо изъ жителей ближайшихъ ауловъ. Ребенка завернули и положили подъ кустомъ у самой дороги. На Бабурѣ былъ кушакъ съ завернутыми въ него драгоцѣнностями. Султанъ снялъ его съ себя и оставилъ около сына.

آلار کیتدی تاشلاب دل آبکار بولوب
قالیب بو اوغول کریه‌ده زار بولوب

(Они ушли съ надрывавшимися сердцами,
А онъ остался съ рыданіями).

„Шахъ-Нама“.

Въ то время на данной мѣстности кочевало нѣсколько ауловъ изъ узбекскихъ родовъ: *Кыркъ*, *Кыпчакъ*, *Кыргызъ* и *Мингъ*. Всѣ эти аулы составляли здѣсь какъ бы одно общество. Четыре старшины, по одному отъ каждаго рода, время отъ времени выѣзжали осматривать пастбища и затѣмъ переводили аулы на новыя мѣста. Вслѣдъ за тѣмъ, какъ Бабуръ, оставивъ сына на дорогѣ, пустился въ дальнѣйшее бѣгство, старшины случайно проѣзжали мимо того мѣста, на которомъ родила Сейдафакъ. Увидѣвъ плачущаго новорожденнаго мальчика, завернутаго въ дорогія матеріи и окруженнаго разными драгоцѣнностями, они догадались, что это дитя какого нибудь знатнаго, родовитаго человѣка; рѣшили воспитывать ребенка сообща на тѣ дары, которые были найдены при новорожденномъ. Мальчикъ былъ помѣщенъ въ аулѣ изъ рода Мингъ. Здѣсь ему нашли кормилицу; непосредственный надзоръ поручили нѣсколькимъ наиболѣе уважаемымъ представителямъ аула и сообща дали ему имя *Алтунъ-бишикъ*, что въ переводѣ значитъ—золотая колыбель.

(У узбековъ издревле былъ обычай давать дѣтямъ имена сообразно съ тѣми обстоятельствами, при которыхъ они родятся. Такъ напр. я зналъ одного киргиза, котораго звали *Учь-Кампыръ*. Имя это было дано потому, что при очень

трудныхъ родахъ присутствовало *три старухи*. Въ настоящее время этотъ древній узбекскій обычай совсѣмъ почти выводится).

Разсказываютъ, будто бы впослѣдствіи Бабуръ присылалъ изъ Индустана людей искать въ Ферганѣ оставленнаго имъ здѣсь сына. Когда посланнымъ удалось найти Алтунъ-бишика по примѣтамъ, извѣстнымъ уже читателю и когда одновременно съ этимъ воспитывавшіе Алтунъ-бишика аулы узнали, что ихъ питомецъ есть прямой потомокъ Тимура (см. родословную въ концѣ книги), они наотрѣзъ отказали Бабуру въ возвращеніи ребенка, говоря, что имъ самимъ нуженъ потомокъ великаго Эмира, который можетъ впослѣдствіи образовать изъ нихъ въ Ферганѣ отдѣльное, самостоятельное государство. Послы Бабура вернулись въ Индію, разсказали Султану о всемъ видѣнномъ и слышанномъ и успокоили своего правителя, на сколько могли, тѣмъ, что сынъ его ростетъ подъ охраной самого народа и обѣщаетъ впослѣдствіи занять тамъ высокое общественное положеніе.

Когда съ приходомъ въ Фергану посланныхъ Бабура достовѣрно выяснилось происхожденіе Алтунъ-бишика, ему было дано три новыхъ имени: 1) Кутлукъ-ханъ; 2) Тангри-Ярь и 3) Худояръ-Султанъ. Послѣднее изъ этихъ именъ было впослѣдствіи наиболѣе извѣстнымъ и общеупотребительнымъ.

По достиженіи Алтунъ-бишикомъ совершеннолѣтія, народъ далъ ему въ жены по одной дѣвушкѣ изъ каждаго рода (Кыркъ, Кыпчакъ, Кыргызъ и Мингъ). Старшая его жена, по имени Кутлы-ханъ, была изъ рода Мингъ. Отъ нея родился единственный сынъ Алтунъ-бишика, *Тангри-яръ*, иначе называвшійся *Худояръ*, или *Иликъ-Султанъ*.

Послѣ женитьбы Алтунъ-бишикъ поселился въ Ахсы, гдѣ прожилъ остальную часть своей жизни, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ народа и получивъ отъ послѣдняго званіе *бія* (народный представитель и судья). Алтунъ-бишикъ былъ современникомъ и мюридомъ извѣстнаго Махдўмъ-Азàма, еще при жизни сопричисленнаго къ лику мусульманскихъ святыхъ. Махдўмъ-Азàмъ былъ уроженецъ Касана, жилъ по большей части въ Самаркандѣ и похороненъ неподалеку отъ этого города, въ Дахбидѣ, въ 949 (1542) году.

Не задолго до своей смерти Махдумъ-Азамъ отправился изъ Самарканда въ Касанъ для свиданія съ родственниками. Въ Ахсы онъ остановился у своего мюрида Алтунъ-бишика. Увидѣвъ здѣсь Тангри-Яра, бывшаго тогда очень красивымъ, 5—6 лѣтнимъ мальчикомъ, святой, обласкавъ его, предвѣщалъ ему свѣтлое будущее и оставилъ ему въ качествѣ воспитателя одного изъ своихъ учениковъ, родственниковъ, Хаджа-Низама.

По преданіямъ Алтунъ-бишикъ умеръ въ 952 (1545) году. Сынъ его, Тангри-Яръ, сдѣлался впослѣдствіи правителемъ Ферганы, но именовался не ханомъ, а *біемъ*. Этотъ же титулъ былъ присвоенъ и его потомкамъ до Алимъ-хана включительно. Къ сожалѣнію туземные историки ничего не говорятъ о томъ, когда именно и при какихъ обстоятельствахъ Тангри-Яръ сдѣлался, изъ простого *бія*—судьи, *біемъ*—народнымъ правителемъ; неизвѣстно также, завладѣлъ ли онъ всей Ферганой, или только какой либо ея частью.

Произойти же это могло, вѣроятно, не ранѣе 1006 (1597) года, т. е. времени смерти Эмира Абдуллъ-Мумына, послѣ которой прекратилась фактическая зависимость Ферганы отъ Бухарскаго Ханства. Въ это время Тангри-Яру должно было бы быть болѣе 60 лѣтъ. О смерти его никакихъ свѣдѣній не имѣется. Извѣстно только, что потомство его не жило болѣе въ Ахсы; о томъ, куда оно переселилось, тоже не упоминается, но есть основанія думать, что новымъ мѣстомъ жительства послѣдующихъ ферганскихъ правителей былъ Маргеланъ. Я заключаю это изъ того, что, во первыхъ, Шахърухъ-бій, о которомъ мы будемъ говорить ниже, направляясь на мятежный Наманганъ, шелъ сюда черезъ Балыкчи (см. въ I главѣ о дорогѣ между Маргеланомъ и Намангапомъ), а во вторыхъ, Алимъ-ханъ и Омаръ-ханъ, по свидѣтельству историковъ, *имѣли обыкновеніе встрѣчать праздникъ Курбанъ въ Маргеланѣ, бывшей столицѣ ихъ предковъ.*

У Тангри-Яра было два сына: Мухамедъ-Аминъ и Яръ-Мухамедъ. Тангри-яръ любилъ младшаго сына больше, чѣмъ старшаго и оказывалъ первому передъ послѣднимъ такое рѣзкое предпочтеніе, что Мухамедъ-Аминъ, озлобленный и противъ отца, и противъ брата, еще при жизни Тангри-Яра, ушелъ сначала въ Бухару, а затѣмъ въ Хиву, гдѣ въ теченіи 12 лѣтъ управлялъ какимъ то виластомъ.

По уходѣ Мухамедъ-Амина въ Бухару, въ Ферганѣ остались двѣ его жены и малолѣтній сынъ отъ одной изъ нихъ, по имени Абу̀лъ-Касы̀мъ; мальчикъ этотъ остался на воспитаніи у дѣда, а Мухамедъ-Аминъ болѣе въ законный бракъ не вступалъ, почему отъ него кромѣ Абулъ-Касыма другого законнаго потомства не осталось.

Послѣ смерти Тангри-Яра правителемъ Ферганы сдѣлался младшій его сынъ *Яръ-Мухамедъ.*

До нельзя избалованный отцомъ, онъ оказался очень плохимъ правителемъ, не вникавшимъ въ дѣла по управленію народомъ и войсками.

Проводя жизнь исключительно среди развлеченій, онъ почти не выходилъ изъ гарема, гдѣ былъ постоянно окруженъ виномъ, женщинами и батчами.

Черезъ нѣсколько лѣтъ народъ, недовольный правленіемъ Яръ-Мухамеда, изгналъ его изъ Ферганы; Яръ-Мухамедъ ушелъ въ Индію, къ правившимъ тамъ родственникамъ его, потомкамъ Султана Бабура, а на его мѣсто народъ посадилъ племянника, 9-ти лѣтняго *Абулъ-Касыма,* сына Мухамедъ-Амина, ушедшаго въ Хиву.

Абулъ-Касымъ правилъ Ферганой 10 лѣтъ подъ именемъ Султана-Куча̀къ-бія и умеръ отъ какой то язвы на девятнадцатомъ году жизни. Отъ него остался 3-хъ лѣтній сынъ *Уббайдулла̀.* Часть народа признала своимъ правителемъ малолѣтняго Уббайдуллу, а другая послала гонцовъ въ Хиву къ Мухамедъ-Амину. Добравшись туда съ большими трудностями, посланные не застали уже Мухамедъ - Амина въ живыхъ и вернулись въ Фергану ни съ чѣмъ.

Тогда всѣ единогласно провозгласили малолѣтняго Убайдуллу подъ именемъ *Султа̀нъ-Асы̀лъ-бія.* До его совершеннолѣтія дѣлами управленія завѣдывали регенты.

Султанъ-А̀сы̀лъ прожилъ около 40 лѣтъ. Отъ него осталось нѣсколько сыновей, но имена ихъ забыты, за исключеніемъ старшаго, *Джама̀шъ-бія,* который заступилъ мѣсто отца и былъ извѣстенъ впослѣдствіи, за свою религіозность, подъ именемъ *Ша̀хъ-Ма̀стъ-бія* [1]).

---

[1]) *Мастъ* значитъ собственно *пьяный,* но въ переносномъ смыслѣ слово это означаетъ у туземцевъ также и то напряженное нравственное

Еще въ юныхъ годахъ онъ сдѣлался мюридомъ Чустскаго ишана (нынѣ мусульманскій святой) Хазретъ-и-Мауляна, а современемъ мистическое направленіе развилось въ немъ такъ сильно, что, сдѣлавшись правителемъ, онъ не столько былъ занятъ дѣлами правленія, сколько помыслами и заботами о спасеніи своей души, что, въ свою очередь, дало поводъ народной фантазіи окружить его ореоломъ дара прозорливости.

Отъ Шахъ-Мастъ-бія остался единственный сынъ *Шахъ-Рухъ-бій*, бывшій современникомъ бухарскому Эмиру Абдуллъ-Азисъ-хану. Вскорѣ послѣ вступленія имъ въ управленіе Ферганой, у Шахъ-Руха явилось желаніе перевезти изъ Хивы кости своего прапрадѣда Мухамедъ-Амина. Послѣ долгихъ сборовъ онъ отправился наконецъ въ Хиву, забралъ тамъ кости своего предка, а вмѣстѣ съ этимъ, при содѣйствіи тамошнихъ властей, успѣлъ заполучить и наслѣдство, оставшееся отъ Мухамедъ-Амина. Кости были завернуты въ кожу, положены въ сундукъ и затѣмъ съ почестями перевезены въ Фергану, гдѣ и похоронены вмѣстѣ съ прахомъ другихъ родственниковъ.

(У Муллы-Шамси говорится, что Шахъ-Рухъ отправился въ Хиву черезъ Бухару, гдѣ былъ съ большими почестями принятъ Эмиромъ, который далъ ему не только званіе своего *Аталыка* [1]), но еще и отрядъ войскъ; отряду этому велѣно было проводить Шахъ-Руха до Хивы и способствовать тамъ полученію, какъ бренныхъ останковъ Мухамедъ-Амина, такъ равно и оставшагося послѣ него имущества. Большая часть этого наслѣдства, за исключеніемъ оружія, была обращена въ деньги, главнымъ образомъ мѣдныя, которыя долго потомъ вращались, будто-бы, въ Ферганѣ и были перечеканены лишь при Омаръ-ханѣ).

Подъ конецъ своего царствованія, Эмиръ Абдуллъ-Азизъ, наскучивъ государственными дѣлами, войнами съ сосѣдями

состояніе, въ которомъ находятся мистики во время предполагаемаго ими общенія души съ Богомъ.

[1]) *Аталыкъ* — названный отецъ. Въ Азіи это одно изъ наиболѣе почетныхъ придворныхъ званій.

и постоянными распрями между его ближайшей родней, рѣшилъ послѣдовать примѣру одного изъ своихъ предшественниковъ, Эмира Имамъ-Кули-хана, отказаться отъ престола въ пользу брата своего Субхâнъ-Кулӣ-хана и отправиться на богомолье въ Мекку.

Задумавъ это предпріятіе, онъ отправилъ въ Фергану пословъ, звать Шахъ-Рухъ-бія, чтобы тотъ вмѣстѣ съ нимъ отправился на поклоненіе *великому порогу* (اولوغ آستان) Шахъ-Рухъ успѣлъ было уже выразить свое согласіе, но приближенные, вмѣстѣ съ представителями народа, уговорили его не бросать Ферганы, что могло бы имѣть для него не совсѣмъ удобныя и выгодныя послѣдствія, а послать съ Эмиромъ своего сына Рустема.

Вмѣстѣ съ Рустемомъ были отправлены подарки Эмиру-богомольцу и цѣлая свита изъ придворной знати. Въ Бухарѣ Рустемъ присоединился къ Абдуллъ-Азизъ-хану и отсюда уже цѣлый караванъ богомольцевъ, около 3000 человѣкъ, подъ предводительствомъ самого Эмира двинулся въ Аравію въ 1091 (1680) году. Абдулъ-Азизъ-ханъ навсегда остался въ Мединѣ, а Рустемъ съ своей свитой послѣ двухлѣтняго путешествія вернулся въ Фергану.

Шахъ-Рухъ-бій умеръ въ 1106 (1694) году, достигнувъ 56 лѣтняго возраста. (تاریخ وفتش شاه رخ) Мѣсто его заступилъ сынъ, *Рустемъ-бій*, получившій одновременно съ этимъ прозвище *Хаджӣ-Сӯлтана* [1]).

Отъ Хаджи-Султана осталось два сына: Пазыль - Аталыкъ и *Ашуръ-Кулъ*.

Мѣсто отца занялъ младшій сынъ, провозглашенный правителемъ по проискамъ заранѣе составившейся у него придворной партіи. Старшій его братъ, Пазыль-Аталыкъ, волей не волей долженъ былъ покориться необходимости и принять присягу за себя и за свое потомство въ томъ, что они не будутъ претендовать на обладаніе въ Ферганѣ верховной властью [1]).

---

[1]) *Хаджӣ*—титулъ, присущій каждому мусульманину, совершавшему *Хаджъ*—богомолье въ Мекку.

[2]) Отъ *Пазыль-Аталыка* остался сынъ *Раджабъ-бій*; отъ него

По смерти Ашуръ-Кула правителемъ Ферганы сдѣлался сынъ его, *Шахъ-Рухъ-бій*.

(У Мулла-Шамси по поводу Пазыль-Аталыка и Ашуръ-Кула приведены слѣдующія подробности. Когда, по смерти Хаджи-Султана, придворные, обойдя старшаго брата, провозгласили правителемъ Ашуръ-Кула, оскорбленный Пазыль-Аталыкъ удалился въ Риштанъ и поднялъ здѣсь впослѣдствіи знамя возстанія. Ашуръ-Кулъ двинулся туда съ войсками и обложилъ Риштанъ. Во время осады онъ былъ убитъ наповалъ стрѣлой. Тогда войска провозгласили правителемъ несовершеннолѣтняго еще сына Ашуръ - Кула, Шахъ-Руха и продолжали начатую ими осаду. Вскорѣ Пазыль-Аталыкъ былъ тоже убитъ, послѣ чего Риштанъ сдался и принялъ подданство Шахъ-Руха, до совершеннолѣтія котораго въ теченіи не большаго промежутка времени управленіе находилось въ рукахъ регентовъ).

Изъ событій, совершившихся во время правленія Шахъ-Рухъ-бія извѣстенъ лишь походъ его на Наманганъ, а о личности его извѣстно только, что онъ былъ необычайно силенъ, за что нѣкоторые звали его медвѣдемъ.

О походѣ Шаха-Руха на Наманганъ существуетъ слѣдующій разсказъ очень легендарнаго характера. Наманганъ отказалъ Шахъ-Руху въ повиновеніи. Бій двинулся туда съ войсками и переправился черезъ Дарью вплавь нѣсколько ниже Балыкчей. Тогда эта часть праваго берега Дарьи представляла еще собою обширный, густой *тугáй*.

Не желая понапрасну разорять города войной, Шахъ-Рухъ остановился здѣсь лагеремъ и занялся охотой, въ ожиданіи того, что Наманганцы одумаются сами собой.

На охотѣ Шахъ-Рухъ, сопровождаемый большой свитой, наткнулся на тигра. Сначала всѣ остолбенѣли, но когда увидѣли, что тигръ приготовляется сдѣлать прыжокъ, большая часть свиты пустилась врозсыпную. Въ этотъ же самый

сынъ *Дустъ-Кулъ-багадуръ*. Отъ послѣдняго шесть сыновей: *Ирисъ-Кулъ-бій*, *Ніазъ-Кулъ-бій*, *Джума-Кулъ-бій*, *Исламъ-Кулъ-бій*, *Тагай-Кулъ бій* и *Имамъ-Кулъ-бій*. Имамъ-Кулъ-бій былъ дѣдомъ съ материнной стороны Омаръ-хану.

моментъ Шахъ-Рухъ бросается на своемъ игренемъ конѣ на встрѣчу тигру; тигръ дѣлаетъ прыжокъ, вцѣпляется когтями переднихъ лапъ въ халатъ Шахъ-Руха и обнажаетъ ему плечи и грудь; тогда могучій бій прыгаетъ съ коня, наваливается всѣмъ тѣломъ на тигра и такъ сдавливаетъ ему горло, что тотъ моментально же издыхаетъ въ его желѣзныхъ рукахъ.

Прослышавъ о случившемся, Наманганцы порѣшили, что воевать съ такимъ медвѣдемъ не приходится и что гораздо благоразумнѣе поторопиться признать надъ собой его власть.

Къ бію была отправлена депутація, вмѣстѣ съ которой Шахъ-Рухъ торжественно вступилъ въ городъ Наманганъ.

Умеръ въ 1134 (1721) году.

(تاریخ وفتش خرس کی مرد) Тарихъ этотъ составленъ современникомъ Шахъ-Рухъ-бія, Наманганскимъ жителемъ Дамулла̀-базаромъ, похороненнымъ въ Намангане же, на кладбищѣ Соры-Мазаръ).

Отъ Шахъ-Руха осталось три сына: Абду-Раимъ-бій, Абду-Керимъ-бій и Шади-бій. Мѣсто отца занялъ старшій изъ сыновей, *Абду-Раимъ*.

До 1145 (1732) года постояннымъ его мѣстопребываніемъ былъ кишлакъ *Диканъ-Тода* (верстахъ въ 7 на югъ отъ теперешней Чильмахрамской переправы).

Почему и когда поселился здѣсь Абду-Раимъ неизвѣстно.

Около того же 1145 (1732) года онъ положилъ первое основаніе городу Коканду.

Въ то время въ Ходжентѣ, de facto независимомъ и отъ Бухары и отъ Ферганы, правилъ Акъ-бута-бій сынъ Мухамедъ-Раимъ-Аталыка изъ рода Юзъ. Акбута былъ женатъ на сестрѣ Абду-Раима. Большой охотникъ выпить и пожуировать съ женщинами, Акбута пожелалъ избавить себя отъ всякихъ вообще оффиціальныхъ дѣлъ и заботъ, вызвалъ въ Ходжентъ своего зятя, Абду-Раима, передалъ ему здѣсь всѣ дѣла по управленію Ходжентскимъ вилаетомъ, а самъ

---

[1]) Заросль камыша, кустарника и т. п.

на свободѣ вполнѣ предался своимъ излюбленнымъ занятіямъ и развлеченіямъ.

Вскорѣ однако же Акбута замѣтилъ, что Абду-Раимъ пріобрѣтаетъ въ Ходжентѣ все большее и большее всеобщее уваженіе и такое вліяніе, которое для него, Акбуты, не можетъ быть совершенно безопаснымъ; тогда онъ, не долго разсуждая, задумалъ покончить со своимъ зятемъ, но Абду-Раимъ узналъ объ этомъ во время и успѣлъ бѣжать въ только что основанный имъ Коканъ, носившій тогда названіе Иски-Кургана [1]) (а по другимъ Кала-и-Раимъ-бій, что въ переводѣ значитъ—крѣпость Раимъ-бія. Мѣсто этой крѣпостцы теперь называется *Махăу-зоръ*).

Узнавъ о бѣгствѣ своего зятя, Акбута послалъ за нимъ погоню, киргизъ рода Юзъ подъ командою Кыргызъ-Пансăта.

Кыргызъ-Пансатъ догналъ Абду-Раимъ-бія около Шумъ-Кургана. Здѣсь произошла ожесточенная схватка; лѣтописцы разсказываютъ, между прочимъ, что одинъ изъ людей Абду-Раима, по имени Камборъ, положилъ стрѣлами 40 человѣкъ киргизовъ-Юзъ.

Потерпѣвъ пораженіе, Кыргызъ-Пансатъ возвратился въ Ходжентъ, а Абду-Раимъ благополучно добрался до своей новой крѣпостцы, будущей столицы ханства.

Увидѣвъ, что замыселъ его не удался, и боясь враждебныхъ дѣйствій со стороны Абду-Раима, Акбута отправилъ къ зятю посольство, которое не было принято и вернулось ни съ чѣмъ.

Однако же черезъ нѣсколько времени примиреніе, быть можетъ наружно только, состоялось и Абду-Раимъ снова отправился въ Ходжентъ. Черезъ нѣсколько дней ему сообщили, что Акбута не перестаетъ враждовать и не отказался еще отъ намѣренія извести его такъ или иначе.

Тогда Абду-Раимъ ночью, въ сопровожденіи двухъ, трехъ приближенныхъ, вошелъ въ урдŷ и собственноручно отрубилъ

[1]) *Курăнъ-Крѣпостца*, а также *хуторъ*, обнесенный высокой стѣной. Говорятъ, что во время основанія Кокана на мѣстѣ его стояло четыре хутора, которые были откуплены у ихъ хозяевъ вмѣстѣ съ прилегавшими къ нимъ землями.

Акбутѣ голову. На другой же день утромъ Абду-Раимъ былъ провозглашенъ здѣсь правителемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Ходжентъ присоединился къ Ферганѣ.

Пробывъ въ Ходжентѣ нѣсколько дней, Абду-Раимъ назначилъ на мѣсто здѣшняго Хакима (губернатора) своего брата Абду-Керима, а самъ возвратился въ Иски-Курганъ (Коканъ), по пріѣздѣ въ который послалъ младшаго своего брата, Шады-бія, Хакимомъ же въ Маргеланъ (Собственно говоря, въ Яръ-Мазаръ, такъ какъ съ давнихъ поръ и до послѣдняго времени существованія Кокандскаго ханства Хакимы, завѣдывавшіе маргеланскимъ вилаетомъ, жили не въ самомъ Маргеланѣ, а верстахъ въ 4 отъ него, въ кишлакѣ Яръ-Мазаръ. Точно также и Хакимы Наманганскаго вилаета до 1289 (1872) года жили въ Тюря-Курганѣ, верстахъ въ 12 отъ Намангана).

Вскорѣ въ Андижанѣ вспухнуло возстаніе; Абду-Раимъ двинулся туда съ войсками и безъ труда привелъ Андижанцевъ въ повиновеніе. Ободренный этимъ успѣхомъ, онъ не только отдалъ приказъ по всѣмъ вилаетамъ Ферганы, въ которомъ обѣщалъ не оставить камня на камнѣ тамъ, гдѣ снова будетъ поднятъ бунтъ, но еще, увлекаясь завоевательной перспективой, нашелъ возможнымъ двинуться прямо изъ Андижана въ Бухару, разслабленную тогда продолжительнымъ между—царствіемъ.

Занявъ Самаркандъ и Катта-Курганъ, онъ двинулся къ Шахрисябзу. Въ то время вилаетомъ этимъ правилъ Хакимъ-букари, братъ Ибраимъ-Аталыка, изъ рода *Кенегасъ*, (*Кенегасъ*—узбекскій родъ, издавна осѣвшій въ этой части бухарскаго ханства).

Не доводя до сраженія, Хакимъ-букари выслалъ къ Абду-Раиму посольство, заключилъ съ нимъ миръ и выдалъ за него свою племянницу (дочь Ибраимъ-Аталыка) *Ай-Чучукъ*, извѣстную потомъ въ Ферганѣ подъ именемъ *Кенегасъ-Аимъ* [1]).

Справивъ въ Шахрисябзѣ свою сватьбу съ Ай-Чучукъ, Абду-Раимъ возвратился въ Самаркандъ, гдѣ Хакимомъ былъ

---

[1]) *Аимъ*—титулъ жены (или дочери) хана или бека.

назначенъ Анна̀-Кули-Датха, а помощникомъ къ нему (Батыръ-баши) Мулла̀-Кулй-бичара̀.

Вслѣдъ за возвращеніемъ въ Самаркандъ Абду-Раимъ впалъ въ мрачную меланхолію. Туземные историки приписываютъ эту болѣзнь тому, что будто-бы Абду-Раимъ, ослѣпленный своими военными успѣхами, позволилъ себѣ въѣхать верхомъ на лошади на ступени чтимаго народомъ маза̀ра Шейхъ-Куса̀мъ (Ибнъ-Аббасъ-Асбскій), за что и былъ наказанъ небомъ.

Больной и невыносимый для окружающихъ, онъ вернулся въ Ходжентъ, гдѣ вскорѣ - же между приближенными составился заговоръ и Абду—Раимъ былъ убитъ въ той самой урдѣ, въ которой нѣсколько лѣтъ тому назадъ ночью отрубилъ голову зятю своему Акбута̀-бію.

(Годъ смерти достовѣрно не извѣстенъ, но, вѣроятно, Абду-Раимъ умеръ: или въ концѣ 1152 (1739), или въ началѣ 1153 (1740) года).

Отъ Абду-Раимъ-бія остался сынъ Ирдана̀ и три дочери, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его смерти младшая жена его, Ай-Чучу̀къ, родила дочь, которой было дано имя Ай-Джа̀нъ-Аимъ.

Вслѣдъ за всѣмъ этимъ въ 1153 (1740) году Надыръ-Шахъ (Персидскій) занялъ Бухару и Самаркандъ. Оставленный Абду-Раимомъ въ Самаркандѣ, Анна̀ - Кулй - Датха былъ убитъ, а Мулла̀-Кулй-бичара̀, бросивъ Самаркандъ, бѣжалъ въ Иски-Курганъ (Коканъ).

Мѣсто Абду-Раимъ-бія занялъ не сынъ его Ирдана, а второй братъ *Абду - Керимъ - бій*. Сдѣлавшись правителемъ Ферганы, онъ немедленно - же переѣхалъ изъ Ходжента въ Иски-Курганъ (Коканъ) и занялся устройствомъ здѣсь города. Лишь съ этого времени Коканъ получаетъ настоящее свое названіе, а туземцы временемъ основанія *города Кокана* считаютъ 1153 (1740) годъ. (تاریخ مظهر آباد) [1]).

Вскорѣ послѣ рожденія Ай-Джа̀нъ-Аимъ, Абду-Керимъ-бій женился на Ай-Чучукъ, младшей женѣ своего покой-

---

[1]) По свидѣтельству автора *Джаанъ-нама̀* дворецъ Абду-Керима находился на мѣстѣ теперешняго Медресэ-и-Али.

наго брата. (У киргизъ и до сихъ поръ еще существуетъ обычай, по которому вдова обязуется выйти замужъ за брата, или другаго ближайшаго родственника, ея покойнаго мужа).

Въ 1174 (1760) году китайцы заняли Кашгаръ, произведя передъ этимъ, въ 1172 (1758) году, страшное истребленіе калмыковъ въ Джунгаріи, вслѣдствіе чего часть спасшихся принуждена была двинуться на западъ.

Одновременно съ этимъ передвиженіемъ калмыки ворвались въ Фергану, при чемъ наиболѣе пострадала ея сѣверная граница, а именно Касанъ.

Въ туземныхъ историческихъ сочиненіяхъ упоминается лишь объ одномъ вторженіи сюда калмыковъ, происшедшемъ около 1174 (1760) года во время правленія Абду-Керимъ-бія, при чемъ въ однихъ говорится, что калмыки ворвались сюда по своей инициативѣ, а въ другихъ инициатива эта, или даже просто приказаніе, приписывается китайцамъ.

Противъ калмыковъ Абду-Керимъ послалъ отрядъ подъ начальствомъ нѣкоего Кипчакъ-бачи. Кипчакъ-бачи былъ убитъ, ввѣренный ему отрядъ обратился въ бѣгство и калмыки подступили къ Кокану. Тѣмъ временемъ Ура-тюбинскій хакимъ Пазыль-бій (сынъ Садыкъ-бія изъ рода Юзъ и названный сынъ Абду-Керима), узнавъ о нападеніи калмыковъ на Фергану, двинулся изъ Ура-тюбе на помощь своему названному отцу.

Послѣ кровопролитнаго сраженія калмыки отступили отъ Кокана къ сторонѣ теперешняго Муй-Мубарака. (Лѣтописецъ говоритъ между прочимъ, что во время этого сраженія одинъ изъ людей Пазыль-бія, по имени Ширъ-Матъ-Аталыкъ, убилъ 90 калмыковъ).

Вслѣдъ за отступленіемъ калмыковъ отъ Кокана, Абду-Керимъ отправилъ къ нимъ посольство съ предложеніемъ мира. Предложеніе это было принято и вмѣстѣ съ возвращавшимся въ Коканъ посольствомъ Абду-Керима, калмыки отправили туда 40 человѣкъ своихъ наиболѣе знатныхъ представителей. Какъ только эти калмыцкіе послы вошли въ городъ, ихъ немедленно же схватили и перерѣзали, а вмѣстѣ съ тѣмъ войска Абду-Керима и Пазыль-бія кинулись на калмыцкій лагерь.

Застигнутые врасплохъ калмыки, понеся громадныя потери, бѣжали и болѣе уже не появлялись, а Пазыль-бій,

получивъ богатые подарки отъ Абду-Керима, возвратился въ Ура-тюбе.

(По народнымъ преданіямъ, слышаннымъ мною въ Касанѣ, калмыки врывались въ сѣверную часть Ферганы не одинъ, а нѣсколько разъ. Говорятъ, что причиною послѣдняго и наиболѣе памятнаго здѣсь набѣга, происшедшаго около 100 лѣтъ тому назадъ, была *барантà*—угонъ скота,—произведенная у калмыковъ мѣстными киргизами, большая часть которыхъ принадлежала къ колѣну Кутлукъ-Сеидъ (рода Багышъ), и по сіе время живущему въ горахъ на сѣверъ отъ Касана.

Прійдя въ Фергану по пятамъ барантачей, калмыки обложили Касанъ и требовали отъ его жителей выдачи укрывшихся здѣсь представителей Кутлукъ-Сеидовъ. Касинцы отказались выдать мусульманъ невѣрнымъ. Тогда калмыки приступили къ осадѣ Касана, вырыли, будто бы, большой арыкъ, при посредствѣ котораго отвели отъ города всю почти воду рѣчки Касанъ-су, овладѣли Касаномъ и увели отсюда нѣсколько тысячъ плѣнныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Большая часть этихъ плѣнныхъ впослѣдствіи благополучно вернулась обратно, а вышеназванный арыкъ и по нынѣ существуетъ подъ именемъ *Калмàкъ-арыка*).

Вслѣдъ за занятіемъ Кашгара китайцами въ 1174 (1760) году, въ Фергану пришло нѣсколько тысячъ эмигрантовъ, Кашгарскихъ мусульманъ, бѣжавшихъ сюда отъ владычества невѣрныхъ.

Около того же времени значительное число эмигрантовъ (по большей части узбеки) пришло сюда же и изъ Самарканда. Что вызвало это послѣднее переселеніе, туземные историки не объясняютъ, но можно думать, что причинами данной эмиграціи изъ Самарканда были смуты и неурядицы, почти не прекращавшіяся тамъ начиная съ 1114 (1702) и по 1199 (1784) годъ, т. е. со смерти Субханкулù-хана и до вступленія на престолъ Эмира-Маасума, начавшаго собою и нынѣ правящую въ Бухарѣ династію Мангытъ.

Раньше (въ I главѣ) было уже сказано о тѣхъ грабежахъ и разнаго рода насиліяхъ, которыя производились въ городахъ и кишлакахъ Ферганы ея кочевымъ и полукочевымъ населеніемъ. При Абду-Керимѣ главною ареною этихъ гра-

бежей были Коканъ и Маргеланъ, изъ которыхъ послѣднимъ около девяти лѣтъ, т. е. приблизительно до 1162 (1748) года, правилъ младшій братъ Абду-Керима, Шады-бій.

Правительство, слабое вслѣдствіе отсутствія правильно организованной военной силы [1]), а еще болѣе благодаря крайнему недовѣрію между представителями верховной и посредствующей власти, было совершенно почти безсильно въ отношеніи данныхъ внутреннихъ безпорядковъ и они, безпорядки эти, всею своей тяжестію ложились на всегдашняго козла отпущенія,—осѣдлую часть населенія долины.

Какъ мало было твердой почвы подъ тогдашнимъ правительствомъ Ферганы и насколько страшною для этого правительства стихіей представлялось тогдашнее кочевое и полукочевое населеніе страны, остававшееся въ большей части случаевъ совершенно безнаказаннымъ, можно видѣть изъ слѣдующаго.

Однажды Шады-бій выѣхалъ изъ Маргелана, въ сопровожденіи большой вооруженной свиты, на охоту и направился къ сторонѣ горъ.

Возвращаясь съ охоты, онъ пожелалъ инкогнито проѣхать по ауламъ и посмотрѣть, что дѣлается у киргизъ. Переодѣвшись и оставивъ свиту значительно позади себя, Шады-бій отправился одинъ; былъ ли онъ узнанъ или нѣтъ, неизвѣстно; извѣстно только, что въ одномъ изъ попутныхъ ауловъ киргизы окружили его, ограбили и убили, прежде чѣмъ далеко отставшая свита успѣла доскакать до мѣста происшествія.

На мѣсто павшаго Шады-бія былъ назначенъ единственный сынъ его Сулейманъ-бекъ, а убійство это такъ и осталось безнаказаннымъ.

Въ тоже самое время не меньшія, если не большія, грабежи и насилія производились и въ Коканѣ кипчаками.

Пріѣзжаютъ, напримѣръ, кипчаки со своихъ стойбищъ, зимовокъ, или курганчей (хуторовъ), на Кокандскій базаръ; покончивъ здѣсь со своими дѣлами, на обратномъ пути они

---

[1]) Войска состояли исключительно изъ народной милиціи, плохо содержавшейся и совершенно не дисциплинированной

срываютъ съ сартовъ халаты и чалмы, отнимаютъ у нихъ деньги и т. д.

Все это дѣлалось среди бѣлаго дня, въ городѣ, да притомъ еще столичномъ, чуть не на глазахъ у представителя верховной власти.

Безобразія эти озлобили наконецъ сартовъ на столько, что они, отчаявшись получить помощь отъ своихъ непосредственныхъ властей, составили заговоръ. Въ ближайшій же базарный день большая часть Кокандскихъ жителей явилась на базаръ съ палками, топорами, шашками и др. орудіемъ, спрятаннымъ подъ халатами. Когда базаръ былъ въ самомъ разгарѣ, съ крыши ближайшей мечети кликнули кличъ и началось поголовное избіеніе кипчаковъ, ни какъ не ожидавшихъ такой напасти. Спасшіеся бѣжали, подняли повсюду между кипчаками тревогу и толпы послѣднихъ, бросая свои обычныя занятія, потянули на Язъ̆ (нынѣ урочище Чустскаго уѣзда). Здѣсь кипчаки провозгласили своимъ предводителемъ нѣкоего Шингай-хана, ташкентскаго жителя (кипчака же), женатаго на Ферганской кипчачкѣ, образовали изъ себя военный отрядъ и двинулись внутрь Ферганы мстить сартамъ за своихъ собратовъ, павшихъ въ Коканѣ.

Узнавъ о движеніи кипчаковъ, Тюря-Курганскій хакимъ Марзабумъ бѣжалъ въ Наманганъ; кипчаки безъ труда овладѣли Тюря-Курганомъ и двинули отсюда часть своихъ дружинъ на Араванъ, который былъ преданъ ими совершенному разграбленію.

Въ это самое время въ Коканѣ находился Утаў-бакаўлъ, бѣжавшій сюда отъ кипчаковъ изъ Гурумъ-Сарая, гдѣ онъ былъ хакимомъ.

Араванцы обратились къ нему за совѣтомъ, какъ имъ быть. Онъ присовѣтовалъ имъ такъ: „оденьтесь въ старые, рваные халаты, въ старыя, рваныя кошмы, идите къ Абду-Кериму и плачтесь ему на кипчаковъ. Скажите ему, что если онъ не защититъ васъ, то откуда же ждать вамъ другой помощи. Пусть онъ гонитъ васъ, бьетъ, пусть убьетъ двухъ-трехъ, не уходите до тѣхъ поръ, пока онъ не накажетъ кипчаковъ“.

Араванцы въ точности исполнили совѣтъ Утаў-бакаўла, а Абду-Керимъ, узнавъ, кто подъучилъ ихъ, потребовалъ къ себѣ Гурумъ-сарайскаго хакима для объясненій.

Утау-бакаулъ отвѣтилъ Абду-Кериму, что онъ по совѣсти долженъ былъ подать такой совѣтъ въ конецъ разоренным аравапцамъ, а ему, Абду-Кериму, совѣтуетъ немедленно же усмирить кипчаковъ, ибо иначе они овладѣютъ Кокапомъ и тогда не сдобровать и самому Бію.

Послѣдній долго не рѣшался идти противъ кипчаковъ, но когда всѣ его приближенные приняли сторону Утау-бакаула, въ Намапганъ, къ Марзабуму, былъ посланъ приказъ собрать войска наманганскаго виласта, а одновременно съ этимъ и самъ Абду-Керимъ выступилъ изъ Кокапа къ Тюря-Кургану, все еще находившемуся въ рукахъ кипчаковъ.

Когда Абду-Керимъ пришелъ со своимъ отрядомъ къ шахапзской переправѣ (па Дарьѣ), Тюря-Курганскіе кипчаки бросились въ Намангапъ за совѣтомъ къ Марзабуму.

Послѣдній сказалъ, чтобы къ нему явилось для переговоровъ 40 кипчакскихъ старшинъ. Какъ только тѣ явились къ нему въ Намангапъ, онъ арестовалъ ихъ и послалъ гонца къ Абду-Кериму, прося послѣдняго немедленно идти съ войсками па Тюря-Курганъ.

На другой день Тюря-Курганъ былъ занятъ съ боя Абду-Керимомъ; кипчаки, не успѣвшіе спастись отсюда бѣгствомъ, были вырѣзаны.

Тѣмъ временемъ Марзабумъ, узнавъ о запятіи Тюря-Кургапа, зарѣзалъ 40 кипчакскихъ старшинъ, арестованныхъ имъ въ Намапганѣ, послѣ чего отправился въ Тюря-Курганъ, къ мѣсту своего служенія и на поклонъ къ Абду-Керимъ-бію.

Послѣдніе годы своей жизни Абду-Керимъ провелъ въ Ходжентѣ. Отъ него остался одинъ сынъ, Абдурахманъ-бекъ.

Вслѣдъ за смертію Абду-Керимъ-бія (въ Ходжентѣ, гдѣ при немъ же жилъ и сынъ его Абдурахманъ), въ Кокапѣ былъ провозглашенъ *Ирданá-бій*, сынъ Абду-Раимъ-бія (и племянникъ Абду-Керима).

Вскорѣ по вступленіи Ирдана-біемъ въ управленіе Ферганой, онъ получилъ изъ Бухары, отъ Раимъ-бій-Аталыка, приглашеніе идти вмѣстѣ па Ура-тюбе противъ непокорнаго, старика уже, Пазыль-бія.

(Раимъ-бій-Аталыкъ былъ представителемъ рода Мангытъ въ Бухарѣ и пользовался тамъ вліяніемъ несравненно большимъ того, которымъ располагали всѣ современные ему эмиры. Вмѣстѣ съ тѣмъ Раимъ-бій-Аталыкъ былъ и названнымъ отцомъ Ирдана-бія).

Получивъ это приглашеніе, Ирдана отправился съ войсками навстрѣчу Аталыку черезъ Ходжентъ, а отсюда прямой дорогой, минуя Ура-тюбе, къ Замину; соединившись здѣсь, оба отряда двинулись на Ура-тюбе и остановились, не много не доходя до него, на урочищѣ *Абъ-чабыкъ*. На другой же день утромъ была начата осада, продолжавшаяся нѣсколько дней. Назыль-бій, терпѣвшій крайній недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и фуражѣ, былъ уже совсѣмъ близокъ къ гибели, когда его выручилъ старый пріятель, Гиссарскій хакимъ Мадъ-Аминъ, извѣстный за свою хитрость и пронырливость подъ именемъ Мадъ-Аминъ-Шайтана и находившійся въ это время въ войскахъ Раимъ-бій-Аталыка. Мадъ-Аминъ написалъ отъ чужаго имени два письма: одно изъ нихъ подослалъ Ирданѣ, а другое Раимъ-бію. Получивъ эти письма, названные отецъ и сынъ разсорились и, не желая болѣе видѣть другъ друга, разошлись въ разныя стороны: одинъ направился къ Ходженту, а другой въ Заминъ.

Во время отступленія Ирданы въ Ходжентъ поднялся пыльный буранъ (явленіе очень частое въ этой мѣстности); вмѣстѣ съ тѣмъ Мадъ-Аминъ бѣжалъ отъ Раимъ-бій-Аталыка и присоединился къ Назыль-бію (въ Ура-тюбе). Оба подъ прикрытіемъ бурана бросились на отступавшаго Ирдану, захватили въ плѣнъ массу кокандцевъ и отрубили большей части ихъ головы, изъ которыхъ тутъ же была сооружена такъ назыв. *кальля̀-минара̀* (пирамида изъ головъ).

Самъ Ирдана едва успѣлъ бѣжать въ Коканъ. Черезъ нѣсколько дней Раимъ-бій-Аталыкъ опять возвратился къ Ура-тюбе, а Назыль-бій и Мадъ-Аминъ бѣжали въ Гиссаръ. Раимъ-бій направился по ихъ пятамъ, взялъ городъ съ боя и предалъ его разграбленію. Гиссарскіе жители въ видѣ умилостивительной жертвы выдали Раимъ-бію Мадъ-Амина, который немедленно же былъ казненъ на базарной площади, а Назыль-бій послѣ разныхъ приключеній благополучно возвратился въ Ура-тюбе.

Потерпѣвъ пораженіе между Ура-тюбе и Ходжентомъ и лишь съ большимъ трудомъ добравшись до Кокана, Ирдана-бій дѣятельно принялся здѣсь за сборъ новыхъ войскъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ снова отправился на Ура-тюбе.

Въ сраженіи на урочищѣ Акъ-су Пазыль-бій былъ разбитъ и бѣжалъ въ горы. Говорятъ, что во время этого сраженія, Ирдана-бій, дравшійся на равнѣ съ прочими, собственноручно зарубилъ 18 человѣкъ; въ 19-тый разъ онъ промахнулся и съ такой силой ударилъ саблей по своей лошади, что отрубилъ ей половину головы.

Плѣнные уратюбинцы были перебиты, а изъ ихъ головъ Ирдана велѣлъ сложить новую *кальлй - минару.* (Мулла-Авазъ-Матъ, авторъ „Джаанъ-Нама̀“, говоритъ, что видѣлъ эту минару въ 1276 (1859) году).

По возвращеніи Ирданы въ Коканъ, Абдурахманъ-бекъ (сынъ Абду-Керимъ-бія и двоюродный братъ Ирданы), имѣвшій много причинъ опасаться за свое существованіе, бѣжалъ изъ Кокана, собралъ значительный отрядъ и укрѣпился въ Исфарѣ. Долгое время между Ирданой и Абдурахманомъ шли непрерывныя почти междуусобныя войны.

Тогда Ирдана заблагоразсудилъ взять Абдурахмана хитростію, для чего подкупилъ Иръ-Назара (по прозвищу Итъ-Башъ—собачья голова), пользовавшагося особымъ довѣріемъ Абдурахманъ-бека. Иръ-Назаръ увѣрилъ Абдурахмана, что Ирдана желаетъ забыть существовавшія до сихъ поръ распри, уговорилъ его ѣхать въ Коканъ и помириться съ Ирданой. Абдурахманъ повѣрилъ словамъ Иръ-Назара и отправился, взявъ съ собой старшую жену Ай-Джанъ-Аимъ [1]) и старшаго же сына Нарбуту. (Два другіе сына: Шахъ-рухъ и Хаджи-бій были отъ второй жены). Ирдана принялъ Абдурахмана очень ласково, но тѣмъ не менѣе секретно велѣлъ немедленно же его убить. Приказаніе это было отдано находившимся въ то время въ Коканѣ ходжентскому хакиму Абдурахманъ-бію и андижанскому Ирисъ-Кулъ-бію (Ирисъ-Кулъ-бій былъ правнукъ Пазыль-аталыка и праправнукъ Рустемъ-бія или, иначе, Хаджи-Султана. См. выше).

[1]) Дочь Ай-Чучу̀къ (Кенегасъ-Аимъ) отъ ея перваго брака съ Абду-Рапмъ-біемъ.

Ночью убійцы, посланные біями, зарѣзали и Абдурахмана и Ай-Джанъ-Аимъ. Нарбута спасся благодаря тому только, что былъ въ эту роковую ночь у своей бабушки, Ай-Чучукъ-Аимъ [1]).

Узнавъ о смерти Абдурахманъ-бека (пасынка по второму мужу, Абду-Керимъ-бію) и Ай-Джанъ-Аимъ (родной ея дочери отъ Абду-Раимъ-бія), Ай-Чучукъ-Аимъ забрала съ собой Нарбуту и своего родного сына Хакимъ-Турё и поспѣшно бѣжала съ ними къ родственникамъ въ Шахрисябзъ, боясь, что Ирдана не ограничится убійствомъ одного только Абдурахмана, а захочетъ истребить все вообще потомство Абду-Керимъ-бія.

Въ то время Шахрисябзомъ правилъ Рустемъ-бекъ. Онъ обласкалъ бѣглецовъ, далъ имъ средства къ жизни, устроилъ ихъ при себѣ и даже помогъ старухѣ получить часть наслѣдства, оставшагося отъ отца ея, Ибраимъ-Аталыка.

(Вскорѣ изъ Кокана бѣжалъ въ Самаркандъ и Ханъ-ходжа, дядя Ирданы съ материнской стороны, тоже опасавшійся за свою неприкосновенность. Ханъ-ходжа поселился въ Дахбидѣ при Муса-ханъ-Ишанѣ).

Черезъ четыре года послѣ ихъ бѣгства изъ Кокана, сынъ Ай-Чучукъ-Аимъ, Хакимъ-Турё, отправился въ Дахбидъ и поселился тамъ у своего родственника Муса-ханъ-Ишана, а Ай-Чучукъ-Аимъ и Нарбута переѣхали на житье въ Ура-тюбе къ Пазылъ-бію. Здѣсь Нарбута прожилъ два года и сдружился за это время съ сыномъ Пазылъ-бія, Худояромъ.

Затѣмъ Ирдана, не имѣвшій сыновей, отозвалъ Нарбуту въ Коканъ и опредѣлилъ ему мѣсто жительства въ кишлакѣ Кара-Тюбе (около Кокана).

Ирдана-бій умеръ въ 1192 (1778) году. Отъ него осталось пять дочерей.

---

[1]) Въ послѣдніе годы жизни Абду-Керимъ-бія, когда онъ переселялся уже въ Ходжентъ, сюда же эмигрировалъ изъ Самарканда Артукъ-Ходжа-Ишанъ, сынъ Абдуллъ-Меджидъ-Ходжи. Абду-Керимъ принялъ эмигранта очень радушно и благоволилъ ему до конца своей жизни. Впослѣдствіи, при Ирданѣ, Артукъ-Ходжа предпринялъ богомолье въ Ошъ.

Узнавъ о смерти Ирдана-бія, убійцы Абдурахманъ-бека (Irисъ-Кулъ-бій—андижанскій хакимъ и Абдурахманъ-бій—ходжентскій) пріѣхали въ Коканъ и провозгласили здѣсь правителемъ не Нарбуту, какъ это слѣдовало-бы, а *Сулейманъ-бека*, сына Шады-бія, убитаго киргизами около Маргелана.

(Крайне безпокойный человѣкъ вообще, Ирисъ-Кулъ-бій, какъ потомокъ обиженнаго въ свое время Пазыль-Аталыка, никогда не упускалъ случая чѣмъ либо насолить потомству Ашуръ-Кула).

Въ самомъ же непродолжительномъ времени Сулейманъ проявилъ такую жестокость, что противъ него составился заговоръ. О заговорѣ этомъ и именахъ зоговорщиковъ немногочисленные приверженцы сообщили Сулейману. Тотъ передалъ обо всемъ этомъ своей женѣ и сталъ совѣтоваться съ нею, какъ бы ему поумнѣе отдѣлаться отъ крамольниковъ. Супруга, очевидно, не особенно благоволившая къ Сулейману, позвала одного изъ придворныхъ, Абдуллу-Кушбегй (братъ ходжентскаго хакима Абдурахманъ-бія) и сообщила ему о замыслахъ своего мужа.

Тогда составился второй зоговоръ подъ предводительствомъ Абдуллы. Сулеймана уговорили идти, въ виду смутъ, съ войсками въ Ходжентъ. Черезъ нѣсколько дней онъ выступилъ подъ вечеръ и остановился бивакомъ не подалеку отъ Кокана, на урочищѣ Арзыкъ-Тепе. Вечеромъ Абдулла-Кушбеги пригласилъ бія къ себѣ въ гости, въ садъ, находившійся на окраинѣ Кокана. Ночью Сулейманъ былъ здѣсь убитъ, успѣвъ процарствовать въ Ферганѣ всего три мѣсяца.

Ночью же, вслѣдъ за смертію Сулеймана, Абдулла-Кушбеги, гурумсарайскій хакимъ Утау-Бакаулъ и еще нѣсколько человѣкъ кокандской знати отправились къ Нарбутѣ съ предложеніемъ принять на себя управленіе Ферганою. Нарбута долго отказывался, отговариваясь тѣмъ, что пользованіе здѣсь верховной властію представляетъ слишкомъ много опаснос-

---

Ирдана обласкалъ Ишана у себя, въ Коканѣ, и женилъ его здѣсь на 45-ти лѣтней Ай-Чучукъ-Аимъ, вдовствовавшей по смерти втораго ея мужа, Абду-Керимъ-бія. Артукъ-Ходжа-Ишану было въ то время уже 70 лѣтъ, но тѣмъ не менѣе отъ брака этого былъ сынъ, Хакимъ-Турё.

тей. Въ концѣ концовъ предложеніе было все таки принято Нарбутою, послѣ того какъ всѣ присутствующіе торжественно поклялись ему въ вѣрности.

На утро *Нарбута-бій* былъ провозглашенъ правителемъ Ферганы, а наиболѣе приближеннымъ къ нему, а потому и всесильнымъ человѣкомъ, сдѣлался Абдулла-Кушбеги.

Вскорѣ Ирисъ-Кулъ-бій снова началъ свои происки и козни противъ Нарбуты, а вмѣстѣ съ тѣмъ пришло извѣстіе, что въ Чустѣ два дальнихъ родственника Нарбуты-бія тоже затѣваютъ возстаніе.

Нарбута собралъ отрядъ, быстро двинулся съ нимъ къ Чусту, занялъ его, казнилъ тамъ обоихъ бунтовщиковъ и направился оттуда черезъ Наманганъ, по видимому расчитывая за одинъ разъ проучить и Ирисъ-Кулъ-бія.

Узнавъ о движеніи Нарбуты къ Намангану, Ирисъ-Кулъ-бій выслалъ къ нему пословъ съ подарками, съ предложеніемъ жениться на его племянницѣ, Мингъ-Аимъ, дочери Имамъ-Кулъ-бія и съ просьбою забыть всѣ прежніе счеты и недоразумѣнія. Нарбута, принявъ и посольство, и сдѣланное имъ предложеніе относительно Мингъ-Аимъ, отправился въ Коканъ, пообѣщавъ полное примиреніе съ Ирисъ-Кулъ-біемъ [1]).

Послѣ женитьбы Нарбуты на Мингъ-Аимъ и его сближенія съ Ирисъ-Кулъ-біемъ, Абдулла-Кушбеги въ пику послѣднему началъ усиленно забирать въ свои руки все большую и большую власть и дошелъ наконецъ до того, что сталъ дѣлать дерзости даже и своему повелителю. Нарбута-бій задумалъ было убить его, но Абдулла узналъ объ этомъ во время и успѣлъ бѣжать къ своему брату, Абдурахманъ-бію, въ Ходжентъ.

---

[1]) Отъ этого брака родились впослѣдствіи сыновья: Алимъ и Омаръ и дочь Афтабъ-Аимъ. Старшій сынъ Нарбуты-бія, Мадъ-Аминъ, былъ отъ первой жены, вдовы калмычки, а три младшихъ—Рустемъ, Пазыль и Ядгаръ прижиты съ невольницей. Кромѣ того было еще четыре дочери, но имена, какъ ихъ самихъ, такъ равно и ихъ матери, или матерей, неизвѣстны. Всѣ четыре были выданы впослѣдствіи за ходжей, а Афтабъ-Аимъ уже по смерти отца вышла за Маасўмъ-хана, внука Ай-Чучукъ-Аимъ.

Нѣсколько ранѣе этого съ Абдурахманъ-біемъ, подъ управленіемъ котораго кромѣ Ходжента находились еще Чустъ, Тюря-Курганъ и Намангапъ, произошли нижеслѣдующія передряги. Въ Ходжентѣ проживалъ нѣкій Ходжа-Алихба-бій. Узнавъ, что у него естъ красавица дочь, Абдурахманъ-бій, старикъ уже, силою женился на ней, запугавъ Ходжу разными угрозами. Въ первую же ночь, которую Абдурахманъ пожелалъ провести въ домѣ своей новобрачной, онъ былъ разбитъ параличемъ, прежде чѣмъ успѣлъ вступить въ фактическое сожитіе со своей новою супругою. Передъ разсвѣтомъ слуги перенесли его на носилкахъ въ урду, гдѣ черезъ нѣсколько времени общее состояніе его здоровья поправилось, но одна нога навсегда осталась безъ движенія. Видя въ этомъ происшествіи кару небесную. Абдурахманъ, какъ только началъ поправляться, немедленно же далъ разводъ своей номинальной супругѣ.

Вслѣдъ за этимъ въ Ходжентъ явился братъ его, Абдулла-Кушбеги и сообщилъ ему о тѣхъ соотношеніяхъ, которыя установились за послѣднее время между нимъ и Нарбута-біемъ.

Въ отмѣстку Нарбутѣ Абдурахманъ собираетъ нукеровъ и идетъ вмѣстѣ съ братомъ на Тюря-Курганъ. Узнавъ объ этомъ движеніи, Нарбута ведетъ свои войска на правый берегъ Дарьи и преграждаетъ дорогу противъ Ашта.

Произошла встрѣча. Оба отряда съ мѣста пошли въ рукопашную, во время которой разбитый параличемъ Абдурахманъ свалился съ лошади; увидѣвъ это, нукера его обратились въ бѣгство, а люди Нарбуты моментально же изрубили Абдурахмана. Абдулла-Кушбеги бѣжалъ въ Бухару.

Возвратившись съ побѣдой въ столицу, Нарбута назначилъ своихъ братьевъ хакимами: Шахъ-Рухъ-бія — въ Тюря-Курганъ, а Хаджи-бія—въ Ходжентъ.

Вскорѣ послѣ назначенія въ Ходжентъ Хаджи-бія, Худояръ-бій (сынъ Назыль-бія), правившій уже тогда въ качествѣ бухарскаго вассала уратюбинскимъ вдластомъ, вознамѣрился присоединить къ себѣ и Ходжентъ, отошедшій къ Ферганѣ при Раимъ-біѣ, послѣ смерти Акбуты.

(Престарѣлый отецъ Худояра, Назыль-бій, проживалъ въ это время на покоѣ въ Джизакѣ).

Не рѣшаясь взять Ходжентъ штурмомъ, Худояръ-бій распорядился такимъ образомъ: выступилъ со своими войсками

изъ Ура-тюбе; небольшую часть ихъ онъ отправилъ на Ходжентъ, а самъ съ главными силами сталъ въ засадѣ, въ сторонѣ отъ дороги, въ горахъ.

Услышавъ о выступленіи Худояра изъ Ура-тюбе, Хаджи-бій двинулся ему на встрѣчу. Во время преслѣдованія непріятельскаго авангарда, который перешелъ въ отступленіе, не принявъ боя, Хаджи-бій наткнулся на засаду, былъ разбитъ и бѣжалъ въ Коканъ, преслѣдуемый Худояромъ до самого Хаджента.

Узнавъ о занятіи Ходжента Худояръ-біемъ, Нарбута наскоро собралъ войска, двинулся форсированнымъ маршемъ къ Ходженту и ворвался въ него передъ разсвѣтомъ. Когда Худояръ-бій, помѣщавшійся въ урдѣ, проснувшись отъ криковъ, бросился со своими нукерами изъ цитадели въ городъ, на улицахъ шла уже бойня. Онъ нѣсколько разъ безуспѣшно бросался въ атаку; нукера его, побольшей части киргизы рода Юзъ, бѣжали, а самъ онъ кинулся верхомъ на лошади въ Дарью. Лошадь подъ нимъ споткнулась, упала и ушла; тогда Худояръ сбросилъ съ себя сапоги и часть одежды и направился вплавь внизъ по теченію Дарьи. На берегу люди Нарбуты узнали его, но не тронули. Выйдя на берегъ значительно ниже Ходжента, онъ бросился бѣжать пѣшкомъ, въ сопровожденіи одного изъ своихъ рабовъ.

Не привыкшій ходить безъ обуви, Худояръ на первыхъ двухъ—трехъ верстахъ ободралъ и намялъ себѣ ноги. Рабъ взялъ его къ себѣ на спину и бѣжалъ съ этой ношей до тѣхъ поръ, пока не упалъ замертво.

Дорогою къ Худояру присоединилось еще четыре пѣшихъ же нукера, а затѣмъ встрѣтился уратюбинскій сартъ, который призналъ Худояра и отдалъ ему своего ишака.

Далѣе встрѣтились люди, сообщившіе, что Нарбута двинулся уже къ Ура-тюбе.

Послѣ нѣсколькихъ дней пути, мучимый голодомъ и жаждой, босой и почти голый, Худояръ съ большимъ трудомъ добрался по голодной степи до окрестностей Джизака, гдѣ, отъ изнуренія, упалъ безъ чувствъ. Одинъ изъ его спутниковъ добрался все-таки до города и далъ знать о всемъ случившемся Пазыль-бію, который выслалъ къ сыну людей.

Съ отцемъ Худояръ не ужился, а потому вскорѣ ушелъ отъ него въ Самаркандскій вилаетъ и поселился на урочищѣ

Ясы-тюбё, гдѣ, какъ говорятъ, нѣкоторое время занимался исключительно земледѣліемъ. Однако же роль земледѣльца показалась ему очевидно не по нутру, ибо, бросивъ Ясы-тюбё и тамошнее свое занятіе, онъ отправился искать счастья въ Шахрисябзъ, къ Бекъ-Назаръ-бію, у котораго сталъ настоятельно просить средствъ и помощи для возврата себѣ Ура-тюбё, гдѣ въ то время отъ имени Нарбуты правилъ уже Ирисъ-Кулъ-бій.

Бекъ-Назаръ-бій далъ Худояру отрядъ въ 500 человѣкъ подъ начальствомъ своего сына, Ніазъ-Али-Диванбеги. Худояръ и Ніазъ-Али отправились въ Ургутъ; здѣсь къ нимъ присоединился съ отрядомъ же ургутскій бекъ, Юлдашъ-бій.

Отсюда направились къ Джизаку; прійдя сюда и расположивъ лагерь за городомъ, три бія пошли на поклонъ къ Назыль-бію; старикъ не только благословилъ ихъ предпріятіе, но еще далъ имъ и часть своихъ нукеровъ. Такимъ образомъ составился значительный уже отрядъ, который и былъ двинутъ на Ура-тюбе въ нижеслѣдующемъ порядкѣ.

Сильный авангардъ въ эту же ночь подъ прикрытіемъ темноты былъ выдвинутъ значительно впередъ отряда и расположенъ въ засадѣ, въ горахъ, не доходя до Ура-тюбе; главныя силы, придвинувшись за Джизакъ, встали на дорогѣ, а не большой отрядъ, человѣкъ въ триста конницы, получилъ приказаніе произвести набѣгъ къ сторонѣ Ура-тюбе, разграбить его окрестности и немедленно же отступать по дорогѣ мимо засады.

Планъ этотъ удался какъ нельзя лучше. Ирисъ-Кулъ-бій, бросившись въ погоню за отступавшими уже наѣздниками, совершенно неожиданно наткнулся на засаду, ударившую въ его лѣвый флангъ. Послѣ нѣсколькихъ отчаянныхъ контръ-атакъ онъ бѣжалъ, но былъ преслѣдованъ Худояромъ съ такой настойчивостію, что едва успѣлъ запереться въ первой же встрѣчной маленькой крѣпостцѣ, не доходя до Ура-тюбе.

Здѣсь онъ былъ осажденъ Худояромъ, раненъ и умеръ на третій день, послѣ чего крѣпостца сдалась, а Худояръ занялъ не только Ура-тюбе, но даже и Ходжентъ.

Не задолго передъ этимъ умеръ Шахъ-Рухъ-бій, братъ Нарбуты, правившій наманганскимъ вилайетомъ. На мѣсто

Шахъ-Руха былъ назначенъ младшій изъ братьевъ, Хаджи-бій, враждебныя отношенія котораго къ Нарбутѣ не замѣдлили установиться послѣ первой же сдачи имъ Ходжента Худояру, когда Нарбута началъ относиться къ нему съ очень малымъ довѣріемъ и часто сталъ выражать ему свои сѣтованія по поводу утраты столь важной провинціи, представляющей собою до нѣкоторой степени ворота Ферганы.

Послѣ переселенія Хаджи-бія въ Тюря-Курганъ эти раздоры между обоими братьями дошли наконецъ до открытаго возстанія Хаджи. Нарбута двинулся съ войсками въ Тюря-Курганъ и осадилъ его; Хаджи-бій, не выдержавъ осады, бѣжалъ сначала въ Касанъ, а оттуда на Чаткалъ; Нарбута возвратился въ Коканъ.

Вслѣдъ за его возвращеніемъ, сюда же пріѣхалъ изъ Самарканда Ханъ-Ходжа, дядя Ирданы-бія съ материнной стороны, бѣжавшій отъ своего племянника, послѣ того, какъ Ирдана зарѣзалъ въ Коканѣ Абдурахманъ-бека.

Принявъ Ханъ-Ходжу съ большими почестями, Нарбута отдалъ ему Наманганскій вилаетъ, остававшійся вакантнымъ послѣ пораженія и бѣгства отсюда Хаджи-бія на Чаткалъ [1]).

Во время упомянутыхъ выше событій, въ Ташкентѣ, находившемся болѣе въ номинальной, чѣмъ въ фактической зависимости отъ Бухары, правили ходжи, между которыми шли непрерывныя распри, кончившіяся тогда только, когда, при помощи Ханъ-Ходжи, бывшаго уже хакимомъ въ Тюря-Курганѣ, тамъ (въ Ташкентѣ) утвердился наконецъ Юнусъ-Ходжа.

Когда, послѣ продолжительныхъ скитаній по Чаткалу, Хаджи-бій (братъ Нарбуты) пришелъ наконецъ въ Ташкентъ, Юнусъ-Ходжа принялъ его очень ласково; однако же, не смотря на это, Хаджи-бій не усидѣлъ въ Ташкентѣ; онъ ушелъ отсюда въ Ура-тюбе и подговорилъ Худояръ-бія идти

---

[1]) Послѣ прибытія въ Коканъ Ханъ-Ходжи, сюда пріѣхалъ изъ Самарканда же и Хакимъ-Турê, сынъ Ай-Чучукъ-Аимъ отъ ея третьяго брака съ Артукъ-Ходжа-Ишаномъ. Вскорѣ-же Хакимъ-Турё женился на дочери Ханъ-Ходжи; отъ этого брака родился Маасумъ-ханъ-Ходжа, отецъ Хакимъ-ханъ-Турê, автора книги *Мунтахȧбъ-Эль-Таварихъ*.

на Коканъ. Походъ этотъ ограничился однимъ лишь разграбленіемъ Канибадама, гдѣ союзники не удержались; Худояръ вернулся въ Ура-тюбе, а Хаджи-бій бѣжалъ въ Бухару, къ Ша-Мурадъ-бію, правившему тамъ подъ именемъ Эмира-Маасу́ма.

Вслѣдъ за этимъ Нарбута и Худояръ обмѣнялись посольствами, заключили миръ и взаимно выразили желаніе свидѣться.

Мѣстомъ свиданія было назначено урочище Каракчикумъ. Мѣстность эта, отличающаяся частовременностію очень продолжительныхъ, иногда пыльныхъ и песчаныхъ, бурановъ, была выбрана крайне неудачно.

Въ назначенный день оба бія пришли въ сопровожденіи большихъ отрядовъ на названное урочище и расположились лагерями на разстояніи 2—3 верстъ одинъ отъ другаго. Въ теченіи трехъ дней шли переговоры о тѣхъ подробностяхъ, которыми предполагалось обставить встрѣчу двухъ недавнихъ еще враговъ. На четвертый день, когда свиданіе должно уже было состояться, поднялся страшный буранъ; люди обоихъ біевъ, по одному, по два, стали разбѣгаться въ разныя стороны; не дождавшись конца бурана, затянувшагося на нѣсколько дней, разъѣхались по домамъ и сами біи, которымъ такъ и не удалось повидаться другъ съ другомъ.

Въ это самое время у Нарбуты родился его третій сынъ, Омаръ. Это было въ 1200 (1785) году.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ пришла вѣсть о смерти Худояръ-бія. Когда та-же вѣсть достигла Бухары, Эмиръ-Маасумъ (Ша-Мурадъ-бій) немедленно собралъ войска и двинулся къ Ура-тюбе, расчитывая воспользоваться смертію непокорнаго Худояра и обратить Ура-тюбе изъ номинально-вассальнаго владѣнія въ фактически—присоединенную къ Бухарѣ провинцію.

Узнавъ объ этомъ движеніи Эмира, Нарбута занялъ войсками Ходжентъ, а Баба̀-Диванбегi, младшій братъ покойнаго Худояръ-бія, бѣжалъ изъ Ура-тюбе въ Ходжентъ и обратился къ Нарбутѣ съ просьбою о заступничествѣ.

Нарбута отправилъ къ Эмиру посольство, прося его не раззорять войною Ура-тюбинскій вилаетъ, за вѣрность котораго Бухарѣ ручается и онъ, Нарбута, и Баба̀-Диванбегi.

Повѣривъ этимъ обѣщаніямъ, а можетъ быть и боясь вступать въ войну съ Нарбута-біемъ, Эмиръ-Маасумъ возвратился въ Бухару; Баба-Диванбегі снова отправился въ Ура-тюбе, а Нарбута въ Кокапъ, оставивъ предварительно въ Ходжентѣ Ишанъ-ханъ-Турё, женатаго уже въ то время на одной изъ дочерей Нарбуты-бія.

Такимъ образомъ, благодаря смерти Худояръ-бія и возникшимъ отсюда замѣшательствамъ, Ходжентъ снова былъ присоединенъ къ Ферганѣ, а Ура-тюбе, по прежнему, осталось въ номинальной зависимости отъ Бухары, при чемъ впослѣдствіи долгое время служило, во первыхъ, постояннымъ яблокомъ раздора между обоими пограничными государствами, а во вторыхъ, цѣлію, къ которой тщетно стремились всѣ послѣдующіе ханы Ферганы, много разъ овладѣвавшіе этимъ виластомъ, но не могшіе удержать его въ своихъ рукахъ.

Ближайшею причиною послѣдняго слѣдуетъ, конечно, считать то обстоятельство, что Ура-тюбе, лежа внѣ естественныхъ границъ Ферганской долины, было заселено однимъ изъ наиболѣе воинственныхъ узбекскихъ родовъ, а именно родомъ Юзъ.

По возвращеніи изъ Ходжента, Нарбута назначилъ хакимами своихъ сыновей: въ Маргеланъ (Яръ-Мазаръ)—старшаго, Мадъ-Аминъ-бека, а въ Тюря-Курганъ—второго, Алима.

Мадъ-Аминъ описывается, какъ очень красивый и чрезвычайно добрый, сострадательный къ народу, молодой человѣкъ. Послѣ тяжкой болѣзни онъ умеръ въ 1212 (1797) году, не оставивъ послѣ себя никакого потомства.

Нарбута-бій умеръ, по однимъ, въ 1222 (1807), а по другимъ—въ 1223 (1808) году.

(Между документами Караскапскаго мазара имѣется ярлыкъ, выданный Нарбутой въ 1222 году).

За смертію Мадъ-Аминъ-бека старшимъ изъ сыновей Нарбуты остался Алимъ.

Глава III.

Взойдя по смерти отца на Кокандскій престолъ и увидѣвъ себя во главѣ государства, уже вполнѣ обособившагося и настолько сильнаго, чтобы, въ случаѣ надобности, имѣть возможность помѣриться даже и съ такимъ сосѣдомъ, какъ Бухара,—*Алимъ* принялъ титулъ *Хана*, вслѣдствіе чего съ этого же времени и сама Фергана получаетъ названіе *Кокандскаго ханства*.

Вслѣдъ за воцареніемъ Алимъ-ханъ отдалъ свою родную сестру, Афтабъ-Аимъ, за Маасумъ-ханъ-Ходжу (сынъ Хакимъ-Турё и внукъ Ал-Чучукъ-Аимъ) и назначилъ его хакимомъ въ Исфару, которою давно уже правилъ Байбута-бій, старый слуга и сподвижникъ покойнаго Нарбуты, проживавшій не въ самой Исфарѣ, а не подалеку отъ нея въ крѣпостцѣ Шà-Замурàдъ-Калà.

Узнавъ, что на его мѣсто новый ханъ назначилъ другое лицо, оскорбленный Байбута рѣшилъ не впускать сюда Маасумъ-хана. Когда послѣдній подъѣхалъ къ Исфарѣ, онъ былъ встрѣченъ выстрѣлами нукеровъ Байбуты. Маасумъ-ханъ Ходжа, сопровождаемый лишь незначительнымъ числомъ прислуги, былъ вынужденъ возвратиться въ Коканъ и доложить о происшедшемъ хану.

Алимъ тотчасъ же собралъ отрядъ, выступилъ изъ Кокана и обложилъ Ша-Замурàдъ-Калỳ. Во время осады нѣкто Абду-Вали-Мирза застрѣлилъ Байбуту, послѣ чего *Калà* была взята. Захваченные въ плѣнъ два сына Байбуты-бія были зарѣзаны по приказанію самого Алима.

Маасумъ-ханъ-Ходжа снова былъ назначенъ хакимомъ исфаринскаго вилаета, но отказался отъ этой должности, почему сюда было назначено другое лицо, а Маасумъ вернулся съ Алимъ-ханомъ въ Коканъ.

(Здѣсь же замѣтимъ, что въ туземныхъ лѣтописяхъ огнестрѣльное оружіе начинаетъ упоминаться лишь съ конца правленія Нарбуты-бія или со времени воцаренія Алимъ-хана, при чемъ сначала въ употребленіи было одно лишь ручное оружіе. Пушки появились здѣсь значительно позже, и первоначально онѣ имѣлись въ столь ограниченномъ числѣ, что долгое время наравнѣ съ ними употреблялся такъ называемый *манджанйкъ* или *маджанйкъ*, метательная машина, при помощи которой тяжеловѣсные камни бросались въ стѣны осаждаемой крѣпости съ цѣлью пробитія здѣсь бреши).

Возвратившись изъ Исфоры, Алимъ-ханъ назначилъ хакимомъ въ Канибадамъ Рустемъ-бека, старшаго изъ тѣхъ трехъ сыновей Нарбуты, которые были прижиты имъ съ невольницей.

Задумавъ создать большую и сильную по своему времени монархію, а потому стремясь къ возможному упроченію единоличной власти и привыкнувъ еще при жизни отца относиться съ крайнимъ недовѣріемъ къ большей части не только дальней, но даже и ближней своей родни, Алимъ-ханъ пришелъ къ мысли о необходимости избавиться отъ всѣхъ тѣхъ родственниковъ, которые по его мнѣнію могли быть для него хоть сколько нибудь опасными.

Впослѣдствіи, при преемникахъ Алима, этотъ способъ, очищенія горизонта отъ мнимыхъ нерѣдко тучь, сдѣлался на столько обычнымъ, на столько въѣлся въ ихъ внутреннюю политику, что было достаточно самаго нелѣпаго иногда подозрѣнія или доноса для того, чтобы погибъ не только дѣйствительный врагъ, но зачастую даже и кто либо изъ недавнихъ еще любимцевъ.

Первымъ погибъ Хаджи-бій, зарѣзанный по приказанію хана и заподозрѣнный послѣднимъ въ возможности продолженія тѣхъ недружелюбныхъ отношеній, которыя существовали раньше между Хаджи и Нарбутъ-біемъ [1]).

Отъ Хаджи осталось три сына: Улугъ-бекъ, Ширъ-Али-бекъ и Бекъ-Оглы-бекъ. По смерти отца два старшіе, ко-

[1]) Хаджи-бій былъ младшій братъ Нарбуты, бѣжавшій при послѣднемъ въ Ташкентъ, а за тѣмъ въ Бухару и снова возвратившійся впослѣдствіи, по смерти Нарбуты, въ Коканъ.

торымъ было по 16—14 лѣтъ бѣжали на Чаткалъ, а младшій Бекъ-Оглы-бекъ, остался съ матерью въ Ферганѣ.

Въ непродолжительномъ же времени Улугъ-бекъ умеръ, послѣ чего Ширъ-Али ушелъ къ киргизамъ на Толасъ, женился тамъ и жилъ впредь до смерти Мадали-хана въ 1258 (1842) году.

(Говорятъ, что Улугъ-бекъ былъ задавленъ разрушившейся старою сводчатой постройкой, въ которой онъ сидѣлъ, обучаясь грамотѣ).

Послѣ Хаджи-бія былъ зарѣзанъ Бекъ-Бута-бекъ, одинъ изъ дальнихъ родственниковъ Алима, а вслѣдъ за тѣмъ Рустемъ-бекъ, только что передъ этимъ назначенный хакимомъ въ Канибадамъ.

Поуправившись такимъ образомъ внутри ханства, наведя на всѣхъ тамъ страхъ, въ которомъ правители даннаго времени видѣли единственный прочный залогъ своей силы и своего могущества, Алимъ-ханъ немедленно же устремился на арену дѣятельности завоевательной, заботясь не столько объ упроченіи и благоустройствѣ того, что уже имѣлось, сколько о возможномъ расширеніи своихъ владѣній и, непосредственно связаннаго съ этимъ, пріумноженія собственной своей казны. (Я говорю своей казны, потому что при ханскомъ правительствѣ казны государственной, удовлетворяющей потребностямъ и нуждамъ не отдѣльныхъ лицъ, а цѣлаго государства, всего народа, въ строгомъ смыслѣ этого слова здѣсь никогда не существовало).

Приступая къ расширенію границъ ханства, Алимъ прежде всего обратилъ свое вниманіе на Ташкентъ, которымъ въ то время все еще правилъ Юнусъ-ходжа, утвердившійся здѣсь, какъ это было уже сказано выше, при помощи и содѣйствіи тюрякурганскаго хакима, Ханъ-ходжи.

Алимъ-ханъ вручилъ войска этому же самому Ханъ-ходжѣ.

Переваливъ черезъ Кендыръ-Дованъ и достигнувъ долины Чирчика, Ханъ-ходжи, согласно правиламъ тактики того времени, направился къ Ташкенту, грабя и истребляя по дорогѣ все то мирное населеніе, которое находилось подъ властью непріятеля.

Юнусъ-ходжа вышелъ съ войсками изъ Ташкента и встрѣтилъ кокандцевъ на Чирчикѣ. Кокандцы были разбиты и бѣжали. Во время бѣгства лошадь Ханъ-ходжи, какъ говорятъ, попала передней ногой въ нору тушканчика и свалилась, а подоспѣвшіе нукера Юнуса захватили Ханъ-ходжу въ плѣнъ. При дальнѣйшемъ преслѣдованіи ташкентцы захватили около 70 человѣкъ плѣнныхъ; всѣ они были отведены въ тотъ же день въ городъ и тамъ казнены. На третій день послѣ этой казни Ханъ-ходжа былъ отведенъ на конюшню и тамъ, одни говорятъ, повѣшенъ, а другіе, зарѣзанъ по приказанію Юнуса, незахотѣвшаго помиловать его даже въ виду того, что Ташкентомъ онъ былъ обязанъ этому же самому Ханъ-ходжѣ, который въ данномъ случаѣ воевалъ съ нимъ не посвоей иниціативѣ, а по приказу хана, не исполнить котораго онъ конечно, не могъ.

Узнавъ объ уходѣ изъ Кокана войскъ и пораженіи ихъ подъ Ташкентомъ, Баба-Диван-беги и Бекъ-Мурадъ-бій [1]) выступили изъ Ура-тюбе и заняли Ходжентъ, а вслѣдъ за этимъ Бузурукъ-ходжа (женатый на одной изъ дочерей Нарбуты и правившій въ то время въ Чустѣ) вообразивъ, что Алимъ-ханъ послалъ Ханъ-ходжу въ Ташкентъ единственно для того чтобы онъ тамъ погибъ и желая мстить Алиму за своего родственника, подняль возстаніе въ Чустѣ и послалъ своихъ нукеровъ грабить окрестности Кокана. Узнавъ о возстаніи, Алимъ рѣшаетъ покончить предварительно съ Чустомъ для чего и шлетъ туда четырехъ пансатовъ [2]). Въ урочищѣ Ходжа-Абадъ Бузурукъ разбиваетъ ханскія войска и возвращается въ Чустъ. Тогда Алимъ снова собираетъ отрядъ, оставляетъ на мѣсто себя въ Коканѣ своего брата Омара съ Маасумъ-Ханъ-ходжей и лично идетъ на Чустъ.

Переправившись черезъ Дарью у Гурумъ-сарая, на другой же день вечеромъ Алимъ-ханъ сталъ бивакомъ на уро-

---

[1]) Первый младшій братъ, а второй сынъ бывшаго уратюбинскаго бека, Худояръ-бія.

[2]) Подъ командой *пансата* находится 500 человѣкъ. Эта тактическая единица называется также *тугъ* или *тукъ*, что въ переводѣ значитъ-*бунчукъ*.

чищѣ Мишатъ (около Чуста) въ виду Бузурука, выступившаго на встрѣчу ему изъ города. На разсвѣтѣ произошло сраженіе, продолжавшееся нѣсколько часовъ, послѣ котораго Бузурукъ отступилъ и заперся въ Чустѣ. Алимъ подступилъ къ городу, а Бузурукъ, не надѣясь выдержать здѣсь осады, ночью бѣжалъ съ сыновьями на Чаткалъ. На другой день утромъ Алимъ-ханъ занялъ Чустъ, назначилъ здѣсь другаго хакима и затѣмъ возвратился въ Коканъ.

Съ Чаткала Бузурукъ послалъ двухъ сыновей въ Ташкентъ, къ Юнусъ-ходжѣ, съ просьбою о помощи.

Когда они вернулись, приведя съ собою ташкентскій отрядъ, Бузурукъ снова овладѣлъ Чустомъ. Узнавъ объ этомъ, Алимъ-ханъ собираетъ отрядъ и опять идетъ на Чустъ. Всѣ эти и подобныя имъ войны и усобицы тяжелѣе всего отзывались, конечно, на народѣ и главнымъ образомъ на земледѣльцахъ; нивы, скотъ и другое имущество которыхъ страдали одинаково отъ сипаевъ и сарбазовъ обѣихъ воюющихъ сторонъ. Кромѣ того, въ сущности, для народа было совершенно безразлично, кто бы имъ ни правилъ, лишь бы только не было всераззоряющей войны, а потому если предпочтеніе и отдавалось кому либо, то обыкновенно наиболѣе сильному, тому, кто могъ гарантировать населеніе отъ военныхъ невзгодъ. Вотъ причины, почему народъ, узнавъ о новомъ движеніи Алимъ-хана на Чустъ, по собственной своей инниціативѣ схватилъ Бузурука и выслалъ его подъ конвоемъ къ хану.

Когда Алиму доложили, что жители ведутъ къ нему схваченнаго ими Бузурука, ханъ выслалъ на встрѣчу плѣнному своему родственнику Хакимъ-Турё и Ишана Хазремъ-Маулявй, а затѣмъ встрѣтилъ его и самъ у входа въ свою палатку. Послѣ продолжительныхъ объятій и взаимныхъ освѣдомленій о здоровьи, Алимъ сталъ выражать сожалѣніе по поводу происшедшихъ за послѣднее время недоразумѣній и много говорилъ на тему о родственныхъ чувствахъ; Бузурукъ расплакался; Алимъ-ханъ тоже прослезился.

До вечера Бузурукъ пробылъ у хана, гдѣ его угощали и чествовали; затѣмъ его отвели въ особенную палатку.

Ночью андижанскій хакимъ Малля-Диванбеги получилъ личное секретное приказаніе отъ хана и Бузурукъ былъ зарѣзанъ.

Покончивъ съ Чустомъ и возвратившись въ Коканъ, Алимъ-ханъ долженъ былъ позаботиться и о возвращеніи себѣ Ходжента, занятаго уратюбинскими беками. Туда былъ посланъ съ отрядомъ Раджабъ-Диванбегй.

Въ это же самое время ташкентскій Юнусъ-ходжа, зная какъ о внутреннихъ безпорядкахъ происшедшихъ въ Ферганѣ, такъ равно и о потерѣ Алимомъ Ходжента, захотѣлъ воспользоваться удобнымъ моментомъ для овладѣнія Ферганой, собралъ большой отрядъ и вручилъ его своему сыну, Хашамъ-ходжѣ. Отрядъ былъ направленъ на кендыръ—даванскій перевалъ; Юнусъ обѣщалъ войскамъ сдѣлать для нихъ праздпество по занятіи ими Кокана и двинулся самъ непосредственно за отрядомъ.

Алимъ-ханъ узналъ о движеніи Юнусъ-ходжи въ то время, когда онъ только что отправилъ Раджабъ-Диванбегй въ Ходжентъ. Пославъ гонцовъ догнать ушедшій отрядъ и направить его на Гурумъ-сарай, Алимъ немедленно же собираетъ всѣ тѣ войска, которыя оставались въ его распоряженіи и идетъ съ ними въ Гурумъ-сарай, гдѣ къ нему присоединяется и Раджабъ-Диванбегй. Не имѣя никакихъ свѣдѣній объ Алимѣ и никакъ не расчитывая встрѣтиться съ нимъ здѣсь, Юнусъ-ходжа приходитъ къ Гурумъ-сараю, гдѣ его совершенно неожиданно атакуютъ кокандскія войска. Съ особеннымъ остервенѣніемъ дерутся сыновья Ханъ-ходжи, погибшаго въ Ташкентѣ (Юсупъ-Али и Юнусъ-Али), которые тщетно розыскиваютъ во время сраженія Юнусъ-ходжу, въ надеждѣ отмстить ему за смерть ихъ отца.

Ташкентцы были разбиты; Юнусъ-ходжа бѣжалъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ махрамовъ [1]), а Алимъ-ханъ вернулся въ Коканъ.

Въ это самое время пришло извѣстіе о томъ, что Бекъ-Мурадъ-бекъ убилъ дядю своего, Баба-Диванбегй и единолично правитъ въ Ура-тюбе и Ходжентѣ.

Расчитывая на основаніи этихъ слуховъ на возможность въ Ходжентѣ внутреннихъ неурядицъ, Алимъ-ханъ наскоро собираетъ отрядъ и лично ведетъ его къ Ходженту.

---

[1]) *Примѣчаніе. Махрамъ* — слуга, прислужникъ.

Въ Канибадамѣ его догоняетъ гонецъ съ вѣстью о смерти Хакимъ-Турё [1]). Алимъ отправляетъ обратно въ Коканъ своего брата Омара, приказавъ ему похоронить тамъ со всякими почестями усопшаго вельможу, а самъ вручаетъ большую часть войскъ Раджабъ-Диванбегй и шлетъ его впередъ, занять съ этимъ авангардомъ Ходжентъ.

Выступивъ изъ Канибадама подъ вечеръ, передъ разсвѣтомъ Раджабъ подошелъ уже къ Ходженту и безъ шума, съ крайней осторожностью расположилъ своихъ людей въ садахъ по сторонамъ воротъ. Когда же, на разсвѣтѣ, сторожа, незамѣтившіе присутствія непріятеля, отворили по обыкновенію городскіе ворота, Раджабъ-Диванбегй ворвался въ Ходжентъ и началъ его грабить. Ошеломленные мирные жители съ воплями бросились по улицамъ города къ противуположнымъ воротамъ. Услышавъ эти крики и смекнувъ въ чемъ дѣло, Бекъ-Мурадъ-бекъ кинулся съ нукерами изъ урды въ атаку на непріятеля, но не выдержалъ, былъ смятъ, принужденъ снова вернуться въ урду, запереться здѣсь со своими людьми и отстрѣливаться.

Послѣ пятидневной осады, во время которой къ Раджабу присоединился и самъ Алимъ-ханъ съ остальной частью войскъ, Бекъ-Мурадъ-бекъ, терпѣвшій крайній недостатокъ и въ припасахъ и въ водѣ, началъ переговоры.

На этотъ разъ Алимъ-ханъ былъ великодушенъ; онъ ограничился однимъ лишь возвратомъ себѣ Ходжента, далъ свободный пропускъ Бекъ-Мурадъ-беку съ его семействомъ, нукерами и имуществомъ.

Какъ только Ходжентъ окончательно очистился отъ непріятеля, при дворѣ начался цѣлый рядъ пиршествъ; было выпито очень много вина; число дѣвицъ города Ходжента значительно уменьшилось, но за то многія изъ ходжентскихъ дамъ провели время очень весело.

Пропьянствовавъ такимъ образомъ около недѣли, Алимъ назначилъ здѣсь хакимомъ Халыкъ-Кулъ-Мирзу, а самъ возвратился въ Коканъ.

---

[1]) *Примѣчаніе.* Отецъ Маасумъ-ханъ-хаджи и дѣдъ Хакимъ-ханъ-Турё, автора *Мунтахабъ-Эль-Таварйхъ.*

Черезъ нѣсколько времени стало извѣстно, что бухарскій эмиръ Хайдаръ, узнавъ о сдачѣ Ходжента Алиму, приходилъ въ Ура-тюбе, былъ здѣсь встрѣченъ съ большими почестями, но не взирая на нихъ зарѣзалъ Бекъ-Мурадъ-бека, назначилъ на его мѣсто Иръ-Назаръ-бія (изъ рода мангытъ) и затѣмъ вернулся въ Бухару.

Благополучно возсоединивъ передъ этимъ Ходжентъ и давно уже мечтая о расширеніи границъ своего ханства, Алимъ увидѣлъ въ поступкѣ эмира-Хайдара casus belli, совершенно достаточный для того, чтобы открыть противъ него военныя дѣйствія и двинулся лѣтомъ 1224 (1809) года съ войсками на Ура-тюбе. Прійдя на третій день въ Ходжентъ и присоединивъ здѣсь къ отряду мѣстныхъ сипаевъ, на четвертый день вечеромъ онъ остановился ночевать на урочищѣ Акъ-су. Утромъ слѣдующаго дня Алимъ-ханъ, въ сопровожденіи Риджабъ-Диванбегй, андижанскаго хакима Рахманъ-Кулъ-бія, ходжентскаго Халыкъ-Кулъ-Мирзы, Ирисъ Кулъ-бій-Кучàка, Абду-Вали-Мирзы, Джума-бая и др. приближенныхъ къ нему лицъ, предпринялъ рекогносцировку окрестностей Ура-тюбе, котораго до тѣхъ поръ онъ еще ни разу не видалъ и былъ знакомъ съ нимъ лишь по наслышкѣ.

На другой день вечеромъ Ура-тюбе было обложено, а на слѣдующее утро завязался бой, продолжавшійся до полудня. Въ полдень Алимъ-ханъ сѣлъ на лошадь и лично повелъ войска на штурмъ.

Ура-тюбе было взято. Массы труповъ валялись и въ крѣпостномъ рву, и по улицамъ города; въ плѣнъ попалось около 3000 человѣкъ; въ числѣ ихъ были: два сына Иръ-Назаръ-бія (Ниръ-Назаръ и Бекъ-Мурадъ), братъ его (Хакимъ-Кушбеги), Кабилъ-бій-Инакъ и много другой бухарской знати.

Когда плѣнныхъ привели къ Алимъ-хану, онъ велѣлъ было всѣхъ ихъ перебить, но Маасумъ-ханъ-ходжа (женатый на родной сестрѣ Алима, Афтабъ-Аимѣ), желая спасти отъ гибели этихъ, ни въ чемъ собственно не повинныхъ людей, обратился къ Алиму съ такой рѣчью: „если вы сейчасъ-же перебьете всѣхъ ихъ, этимъ вы не особенно досадите эмиру, такъ какъ людей у него много, на столько, по крайней мѣрѣ, чтобы потеря эта для него лично не была бы осо-

бенно чувствительной; если же вы рѣшились дѣйствительно досадить ему, такъ ужь лучше посадите плѣнныхъ въ *зиндàнъ* (яму), а потомъ, управившись съ дѣлами, можно будетъ рѣзать ихъ по одному, по два, и досаждать Хайдару, ибо вѣсть объ этомъ, конечно, не можетъ не дойти до его ушей". Уловка эта удалась какъ нельзя лучше, ибо послѣ того какъ первое опьяненіе побѣды прошло, Алимъ-ханъ забылъ о бывшемъ своемъ намѣреніи, а впослѣдствіи забылъ и о самихъ плѣнныхъ, которые спаслись такимъ образомъ благодаря Маасумъ-ханъ-ходжѣ, вообще отличавшемуся и трезвостью ума, и громадной для того времени гуманностью.

Въ Ура-тюбе хакимомъ былъ назначенъ Кадàмъ-Инàкъ, а помощникомъ къ нему по военной части (Батыръ-баши) Мулла-Рахматулла.

Алимъ-ханъ отправился въ Ходжентъ, гдѣ опять кутилъ нѣсколько дней въ гостяхъ у тамошняго хакима Халыкъ-Куль-Мирзы, а затѣмъ возвратился въ Коканъ, упрочивъ за собой славу не только лично храбраго человѣка, но еще и искуснаго полководца.

Когда вѣсть о взятіи Алимъ-ханомъ Ура-тюбе пришла въ Бухару, войска эмира Хайдара были въ Хивѣ. Онъ поспѣшно отозвалъ ихъ оттуда и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ снова явился подъ стѣнами Ура-тюбе, но встрѣтилъ здѣсь на столько-же искусный на сколько и отчаянный отпоръ со стороны Кадàмъ-Инàка и Мулла-Рахматуллы. Въ это самое время пришла вѣсть о томъ, что Алимъ-ханъ идетъ съ войсками на выручку Ура-тюбе. Этого было совершенно достаточно для того, чтобы въ войскахъ эмира, много наслышанныхъ объ Алимѣ отъ тѣхъ, кто такъ недавно еще дрался съ нимъ въ этихъ-же самыхъ стѣнахъ, начались многочисленные побѣги. Эмиръ былъ принужденъ отступить къ Джизаку и далѣе къ Бухару.

Во время этого отступленія эмира, Раджабъ-Диванбегі, уличенный (или заподозрѣнный только) въ политической неблагонадежности, былъ вынужденъ спасаться бѣгствомъ отъ Алимъ-хана къ эмиру Хайдару.

Прійдя въ Ходжентъ и узнавъ здѣсь объ отступленіи разстроенныхъ войскъ эмира, Алимъ-ханъ двинулся прямой дорогой въ Джизакъ, гдѣ послѣ ухода отсюда эмира въ Бу-

хару оставался Абду-Расуль-Датха (младшій братъ Хакимъ-Кушбегі), принявшій всѣ зависѣвшія отъ него мѣры для обороны ввѣренной ему крѣпости. Осада, продолжавшаяся нѣсколько дней, была для Алимъ-хана крайне неудачной. Однажды вечеромъ онъ былъ приглашенъ на ужинъ къ Омару (братъ хана) и отправился туда въ потьмахъ, въ сопровожденіи 2—3 приближенныхъ; черезъ часъ или два ему доложили, что въ лагерѣ безпорядки: кто-то распустилъ слухъ, что ханъ бѣжалъ. Алимъ поспѣшно возвратился въ свою ставку и велѣлъ развести вокругъ нея огни, а глашатаямъ приказалъ объявить во всеуслышаніе, что онъ живъ, здоровъ и находится на своемъ мѣстѣ.

Будучи вполнѣ увѣреннымъ въ томъ, что это ночное происшествіе далеко не простая случайность, Алимъ-ханъ на слѣдующее же утро снялъ лагерь, возвратился въ Ура-тюбе, вывелъ отсюда свои войска и ушелъ съ ними сначала въ Ходжентъ, а затѣмъ въ Коканъ, оставивъ такимъ образомъ Ура-тюбе совершенно свободнымъ.

(Туземные историки излагаютъ только что описанное событіе крайне сжато и туманно, вслѣдствіе чего для читателя оно должно, конечно, представляться нѣсколько страннымъ. Однако же, если принять во вниманіе, во первыхъ, только что передъ этимъ происшедшій побѣгъ Раджабъ-Диванбегі, а во вторыхъ, то обстоятельство, что въ данное время среди придворныхъ была уже большая партія недовольныхъ, то можно думать, что ночной казусъ подъ Джизакомъ, а равно и очищеніе Алимомъ Ура-тюбе были результатомъ неудавшихся интригъ той клики, которая не находила никакой прелести въ воинственныхъ наклонностяхъ своего суроваго хана и непрочь была бы замѣнить его другимъ, болѣе миролюбивымъ, хотя бы напр. Омаромъ).

Прослышавъ о томъ, что Ура-тюбе свободно, Махмудъ-ханъ, одинъ изъ младшихъ братьевъ Худояръ-бія, правившаго прежде (при Нарбутѣ) въ Ура-тюбе, собралъ нѣсколько человѣкъ нукеровъ и занялъ Ура-тюбе при нижеслѣдующихъ обстоятельствахъ, сообщенныхъ имъ впослѣдствіи одному изъ мѣстныхъ историковъ. „Подъѣхавъ къ Ура-тюбе, разсказывалъ Махмудъ-ханъ, я остановился въ садахъ за городомъ; навелъ справки; оказалось, что въ Ура-тюбе людей Алимъ-

хана нѣтъ; никто меня не тронулъ. Денегъ у меня было всего на всего 2 теньги (40 к.) я купилъ на нихъ говядины и велѣлъ людямъ сварить *шурбу* (супъ); послалъ въ городъ за нѣсколькими аксакалами, накормилъ ихъ и предложилъ признать меня правителемъ на правахъ брата ихъ бывшаго бека, Худояръ-бія. Они согласились, а я вошелъ въ городъ, занялъ урду и вступилъ въ управленіе".

Въ началѣ слѣдующаго, 1225 (1810), года Алимъ-ханъ, успѣвшій успокоиться по части интригъ своихъ приближенныхъ, снова идетъ на Ура-тюбе, но дѣйствуетъ почему-то уже крайне не рѣшительно.

До Ходжента онъ идетъ три дня. Тамъ, какъ-бы выжидая чего-то, живетъ двое сутокъ и затѣмъ уже выступаетъ и осаждаетъ Ура-тюбе.

Махмудъ-ханъ даетъ ему сначала серьезный отпоръ, но затѣмъ вступаетъ въ переговоры и заключаетъ миръ, а Алимъ ни съ чѣмъ возвращается въ Коканъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ сюда же приходитъ вѣсть о смерти въ Ташкентѣ Юнусъ-ходжи, мѣсто котораго занялъ сынъ его, Султанъ-ходжи. Алимъ-ханъ, желая воспользоваться этимъ моментомъ перемѣны правительства и захватить въ свои руки Ташкентъ, собирается идти туда, но потомъ раздумываетъ, опасаясь оставить Фергану, и шлетъ въ Ташкентъ войска подъ начальствомъ своего брата Омара. Послѣ трогательнаго прощанія обоихъ братьевъ, Омаръ выступилъ съ большимъ отрядомъ изъ Кокана и переправился черезъ Дарью у кишлака Гурумъ-сарай. Переваливъ съ большими трудностями черезъ Кендыръ-Даванъ, онъ пришелъ на Чирчикъ, ограбилъ всѣ ближайшія окрестности вплоть до самаго Ташкента и захватилъ много плѣнныхъ, большая часть которыхъ, конечно, мирные жители.

Не надѣясь на возможность сопротивленія и до нельзя перетрусивъ, Султанъ-ходжа отправилъ къ Омару пословъ, прося мира. Омаръ, не имѣя въ свою очередь особеннаго желанія штурмовать Ташкентъ, принялъ посольство, согласился заключить миръ и послалъ въ Ташкентъ съ возвращавшимся тамошнимъ посольствомъ своихъ собственныхъ дипломатовъ.

Тѣмъ временемъ Султанъ-ходжа воспрянулъ духомъ, пріободрился, наскоро собралъ войска и бросился съ ними на Омара.

Въ сраженіи на Чирчикѣ Султанъ-ходжа потерпѣлъ пораженіе, бѣжалъ и былъ во время преслѣдованія взятъ въ плѣнъ. Омаръ вступилъ въ Ташкентъ, но не съумѣлъ воспользоваться своей побѣдой, ибо назначилъ правителемъ Ташкента не кого-либо изъ своихъ людей, а младшаго брата Султанъ-ходжи, Хамутъ-ходжу. Едва только Омаръ успѣлъ выступить изъ Ташкента, направляясь обратно въ Коканъ, какъ Хамутъ-ходжа снова атаковалъ его между Ташкентомъ и Чирчикомъ. Отбросилъ Хамутъ-ходжу съ большимъ урономъ для послѣдняго, Омаръ двинулся на Ніазбекъ [1]), обложилъ его и взялъ послѣ однодневной осады. Какъ только вѣсть о паденіи Ніазбека дошла до Ташкента, среди тамошняго населенія распространилась паника и оно потребовало отъ ходжей заключенія мира съ Омаромъ.

Омаръ принялъ посольство, но отвѣтилъ ему, что заключитъ миръ въ томъ только случаѣ, если Хамутъ-ходжа лично явится къ нему съ повинною.

На слѣдующій же день свиданіе это состоялось. Хамутъ-ходжа былъ оставленъ въ Ташкентѣ правителемъ, признавшимъ вассальскую зависимость отъ кокандскаго хана, а Омаръ, забравъ военную добычу, не исключая и нѣкотораго числа плѣнныхъ, необходимыхъ для декораціи возвращавшихся изъ похода войскъ, направился черезъ Кирсучи въ Коканъ, гдѣ былъ очень милостиво принятъ Алимъ-ханомъ, давшимъ ему въ видѣ награды маргеланскій вилаетъ.

Въ это время въ Андижанѣ правилъ Рахманъ-Кулъ-бій, съ матерной стороны дядя Алимъ-хана и Омаръ-бека.

Вскорѣ послѣ назначенія Омара въ Маргеланъ, онъ задумалъ жениться на дочери Рахманъ-Кула, Магляръ-Аимъ.

Распорядителемъ по свадьбѣ былъ назначенъ Маасумъ-ханъ-ходжа; въ Маргеланѣ онъ былъ встрѣченъ съ большими почестями Омаромъ, и въ Андижанѣ Рахманъ-Кулъ-біемъ.

---

[1]) *Примѣчаніе.* Ніазъ-бекъ считается стратегическимъ ключемъ Ташкента, такъ какъ вблизи его находится начало тѣхъ главныхъ арыковъ которые питаютъ Ташкентъ водою.

Торжественная свадьба, сопровождавшаяся продолжительными празднествами, состоялась въ Андижанѣ, гдѣ молодые прожили еще около полутора мѣсяца и затѣмъ только переѣхали въ Маргеланъ.

Менѣе чѣмъ черезъ годъ у Омара родился первый его сынъ Мухамедъ-Али (или сокращ. Мадали).

Черезъ нѣсколько времени послѣ свадьбы Омаръ-бека, Алимъ-ханъ снова рѣшилъ предпринять походъ на Ура-тюбе или, вѣрнѣе, на Махмудъ-ханъ-ходжу, упорно отказывавшаго признать надъ собою власть кокандскаго хана.

(Авторъ *Мунтахабъ-ут-Таварихъ*, котораго въ данномъ мѣстѣ цитируетъ и Мулла-Авазъ-Матъ, говоритъ, что это былъ уже двѣнадцатый по счету походъ Алима на Ура-тюбе и что о промежуточныхъ онъ умалчиваетъ единственно изъ боязни утомить читателя однообразіемъ описанія. Въ другомъ мѣстѣ, а именно въ концѣ своей исторіи Бухары, тотъ же авторъ увѣряетъ, что всѣхъ походовъ Алимъ-хана на многострадальное Ура-тюбе было 15).

Въ теченіи трехъ дней *джарчи* (глашатые) повсюду объявляли ханскій приказъ о томъ, что каждый, способный носить оружіе и имѣющій его, за уклоненіе отъ похода будетъ казненъ, а имущество его конфисковано [1]).

Выступивъ изъ Кокана съ громаднымъ отрядомъ, черезъ три дня Алимъ-ханъ былъ въ Ходжентѣ, а отсюда въ одинъ переходъ дошелъ до Ура-тюбе и обложилъ городъ. На слѣдующій же день, одновременно съ разграбленіемъ окрестностей, началась и осада крѣпости.

Пушки и манджаньки были подвезены къ стѣнамъ на возможно близкое разстояніе и расположены въ одну линію

---

[1]) *Примѣчаніе.* Объявленіе подобнаго рода приказовъ, съ которыми мы встрѣчаемся и значительно позднѣе Алимъ-хана, указываетъ на то, съ какой неохотой шли въ мало-мальски серьезный походъ ханскія войска, состоявшія главнымъ образомъ изъ милиціи или земскаго ополченія, сзывавшагося лишь по мѣрѣ надобности, и какъ трудно бывало подъ часъ ханамъ того времени собрать болѣе или менѣе значительный отрядъ. Все это напоминаетъ тѣхъ древне-русскихъ бояръ и дворянъ, которые въ свое время говорили: «дай Богъ Царю служить, а сабли не вынимать».

на ходжентской дорогѣ, а пѣхота и кавалерія расположились по ихъ флангамъ, изъ которыхъ правымъ командовалъ Омаръ, а лѣвымъ Шахъ-рухъ, старшій сынъ Алимъ-хана.

Послѣ крайне недостаточной канонады, не успѣвъ обвалить въ стѣнѣ даже и незначительной бреши, въ полдень того же дня Алимъ-ханъ повелъ войска на штурмъ, но былъ отбитъ, понесъ большія потери и отступилъ въ лагерь.

Осада Ура-тюбе затянулась и продолжалась 18 дней, въ теченіи которыхъ произошло нижеслѣдующее. Во первыхъ, изъ Джизака на помощь Махмудъ-ханъ-ходжѣ выступилъ Раджабъ-бекъ-Датха съ 1000 нукеровъ; дорогою большая часть его людей разбѣжалась, прослышавъ о томъ, что подъ Ура-тюбе дерутся не на шутку; когда Раджабъ соединился съ Махмудъ-ханомъ, то приведенный имъ отрядъ состоялъ всего изъ 100 человѣкъ; тѣмъ не менѣе поддержка эта оказалась въ высшей степени полезной и главнымъ образомъ въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ ободренные уратюбинцы нашли возможнымъ продержаться еще нѣсколько дней, въ теченіи которыхъ Алимъ-ханъ началъ уже было сомнѣваться въ возможности скораго и дешеваго успѣха. Во вторыхъ, послѣ прихода въ Ура-тюбе Раджабъ-бека отъ Алимъ-хана бѣжалъ его главнокомандующій (амиръ-ляшкеръ) Тулё-бай-Мирза.

На восемнадцатый день осады Махмудъ-ханъ-ходжа, терпѣвшій крайній недостатокъ въ провіантѣ и фуражѣ и не имѣвшій уже болѣе возможности держаться, выслалъ къ Алиму пословъ съ предложеніемъ мира.

(Впослѣдствіи Махмудъ-ханъ-ходжа разсказывалъ, что во время осады *лепешка стоила столько-же, сколько и человѣческая душа*, что многіе питались древесной корой и что когда одинъ изъ его нукеровъ притащилъ ему откуда-то мѣшокъ пшеницы, то онъ обрадовался ему больше, чѣмъ если бы это былъ мѣшокъ драгоцѣнныхъ камней).

Алимъ-ханъ принялъ посольство и согласился на заключеніе мира въ томъ случаѣ, если Махмудъ-ханъ вышлетъ къ нему на поклонъ своего младшаго брата Турё-ханъ-ходжу съ Шукуръ-Али-Токсабой и еще нѣсколькими лицами изъ бухарской знати и выдастъ Тулё-бай-Мирзу. Махмудъ-ханъ-ходжа, находившійся въ безвыходномъ положеніи, исполнилъ требованіе Алимъ-хана.

Тулё-бай-Мирза по приказанію Алима былъ зарѣзанъ, а Турё-ханъ-ходжа и Шукуръ-Али-Токсаба были сосланы на житье въ Коканъ.

Впослѣдствіи Махмудъ-ханъ неоднократно и публично говорилъ, что выдача Тулё-бай-Мирзы навсегда легла позорнымъ пятномъ на немъ и на его потомствѣ.

По заключеніи мира Алимъ-ханъ отступилъ въ Ходжентъ, пропировалъ тамъ болѣе недѣли и затѣмъ возвратился въ Коканъ.

Хамутъ-ходжа, оставленный Омаромъ въ Ташкентѣ въ качествѣ правителя этого вилаета, подвластнаго кокандскому хану, видя себя, во первыхъ, значительно удаленнымъ отъ Кокана, а во вторыхъ, до нѣкоторой степени забытымъ, благодаря войнамъ съ Ура-тюбе, сталъ открыто отказывать Алимъ-хану даже и въ наружномъ повиновеніи.

Тогда Алимъ собралъ войска и двинулся на Ташкентъ.

Узнавъ объ этомъ движеніи, Хамутъ-ходжа сначала перетрусилъ было, но потомъ оправился и рѣшилъ принять сраженіе.

Отряды встрѣтились между Ташкентомъ и Чирчикомъ; ташкентцы были разбиты, а Хамутъ-ходжа, бросивъ семью и имущество, съ нѣсколькими нукерами бѣжалъ въ Бухару. Ташкентъ былъ занятъ Алимомъ и преданъ разграбленію, продолжавшемуся въ теченіи трехъ дней. На четвертый день, послѣ того какъ былъ отданъ ханскій приказъ о прекращеніи баранты (грабежа), жители, спасавшіеся отъ смерти и насилій бѣгствомъ въ окрестности Ташкента, стали понемногу собираться, а дня черезъ два-три знатнѣйшіе изъ нихъ явились съ подарками на поклонъ къ хану.

Ташкентскимъ хакимомъ былъ назначенъ Сеидъ-Али-бекъ; при немъ оставлено нѣсколько кокандскихъ чиновниковъ и небольшой отрядъ, а Алимъ-ханъ съ остальными войсками возвратился въ Коканъ.

И въ туземныхъ историческихъ сочиненіяхъ, и въ устныхъ народныхъ преданіяхъ Алимъ-ханъ, получившій отъ народа прозвища: *ширъ-гáранъ* (лютый тигръ), *Алимъ-залúмъ* (Алимъ-жестóкій) и т. п. описывается какъ правитель крайне властолюбивый, строгій до жестокости, страшный не только для недруговъ, но даже и для его собственныхъ вѣр-

ныхъ слугъ, далеко не всегда умѣвшихъ и могшихъ удовлетворить его не рѣдко крайнимъ требованіямъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Хакимъ-ханъ-Турё (авторъ *Мунтахабъ-Эль-Таварихъ*, хорошо знавшій Алимъ-хана по разсказамъ отца своего, Маасумъ-ханъ-ходжи, постоянно находившагося при Алимѣ въ теченіи всего его царствованія) увѣряетъ, что, не смотря на всѣ свои недостатки, Алимъ-ханъ, во первыхъ, былъ не такъ безчеловѣченъ, какъ говорило про него большинство мало знавшихъ его современниковъ; во вторыхъ успѣлъ въ своей жизни сдѣлать не мало и добрыхъ, и толковыхъ дѣлъ и, наконецъ, въ третьихъ, отличался той особенностью, что нерѣдко поступки его отнюдь не могли называться выраженіемъ его внутренняго я. Это послѣднее было слѣдствіемъ крайней вспыльчивости и болѣзненной нервности Алима. Хакимъ-ханъ-Турё свидѣтельствуетъ, что никто не умѣлъ награждать такъ, какъ Алимъ и въ тоже время отъ самой широкой милости онъ могъ мгновенно переходить къ самому неистовому гнѣву, а затѣмъ, иногда въ непродолжительномъ же времени, къ искреннему, дѣтски чистосердечному раскаянію въ своей несдержанности.

Все это указывало прежде всего на ненормальное состояніе нервной системы, но ни приближеннымъ, ни народу до этого, разумѣется, никакого дѣла не было, а потому съ теченіемъ времени Алимъ-хана возненавидѣло большинство и тѣхъ, и другихъ.

Причины этой ненависти въ обоихъ случаяхъ (т. е. въ отношеніи и народа и приближенныхъ) были совершенно одинаковы. Алимъ былъ до крайности властолюбивъ, что въ связи съ особенностями характера дѣлало его нерѣдко жестокимъ; Алимъ любилъ войну, а въ ней не видѣли никакой прелести остальные, въ глазахъ которыхъ завоевательныя стремленія хана были не болѣе какъ личной забавой послѣдняго, забавой, которая для народа неприносила не только никакихъ выгодъ, но даже вызывала еще и массу непроизводительныхъ тратъ времени, средствъ, а нерѣдко и человѣческихъ жизней; наконецъ Алимъ, стремясь держать все въ струнѣ, врывался со своими распоряженіями и мѣропріятіями въ такіе интимные уголки народной жизни, до которыхъ раньше его не касался ни одинъ изъ правителей Ферганы.

Это последнее сдѣлало Алима въ представленіи народнаго ума тираномъ, не смотря на то, что многія изъ его распоряженій отнюдь ничего подобнаго не заслуживали. (Разсужденія эти принадлежатъ не мнѣ, а автору *Мунтахабъ-ут-Таварихъ*, откуда я и беру ихъ почти цѣликомъ, добавивъ лишь устными комментаріями нѣкоторыхъ туземцевъ, хорошо знакомыхъ съ исторіей Алимъ-хана).

Въ подтвержденіе того, что народъ былъ не совсѣмъ правъ, давая такія прозвища, какъ тиранъ, ширъ-гаранъ, Алимъ-залимъ и т. п., Хакимъ-ханъ-Туре приводитъ нѣкоторые факты изъ государственной, такъ сказать, дѣятельности Алимъ-хана.

Такъ напр., въ Ферганѣ (также, разумѣется, какъ и въ другихъ частяхъ Средней Азіи) благодаря крайнему невѣжеству не только черни, но даже и высшаго туземнаго общества того времени, имѣлось не малое число проходимцевъ, которые, странствуя изъ города въ городъ, изъ кишлака въ кишлакъ и прикрываясь ролью проповѣдниковъ и наставниковъ народа въ правилахъ истинно-мусульманской вѣры, показывали народу разные фокусы, называвшіеся ими чудесами, выдавали себя если не за святыхъ, то по меньшей мѣрѣ за праведниковъ и самымъ наглымъ образомъ эксплуатировали народъ, выманивая отъ него всѣми силами и неправдами добровольныя приношенія. Узнавъ о появленіи новаго такого проповѣдника и чудотворца, Алимъ-ханъ требовалъ его въ урду и заставлялъ показывать и говорить себѣ все то, что онъ тамъ показывалъ и говорилъ народу. Если на этомъ экзаменѣ не замѣчалось ничего такого, что могло бы идти въ разрѣзъ или хотя бы не согласоваться съ основами мусульманской религіи, отъэкзаменовавшійся отпускался, а иногда получалъ даже отъ хана подарки; въ противномъ случаѣ ханъ по меньшей мѣрѣ заставлялъ его публично каяться въ совершенныхъ обманахъ и надувательствахъ; гораздо чаще, впрочемъ, чудотворецъ очень и очень сильно платился за совершенныя имъ продѣлки собственной своей шкурою.

Понятно, что святоши этого рода, потерпѣвъ фіаско на ханскомъ экзаменѣ, прикидывались мучениками, потерпѣвшими за вѣру, поносили Алима, называя его богоотступникомъ,

кяфиромъ (невѣрнымъ), приплетали сюда же его несчастную склонность къ вину и тѣмъ еще болѣе разжигали въ народѣ антипатію къ крутому, воинственному хану, то и дѣло тянувшему изъ народа все новыя и новыя жертвы Богу войны. Правда, что по мѣрѣ приношенія этихъ жертвъ росло внѣшнее политическое значеніе и самаго Алима и управлявшагося имъ Кокандскаго ханства, но за то наровнѣ съ этимъ его положеніе внутри ханства стало становиться на столько непрочнымъ, что вскорѣ же не замѣдлили обнаружиться явленія самаго угрожающаго харктера, о чемъ будетъ сказано нѣсколько ниже.

Кромѣ лже-святыхъ и лже-чудотворцевъ, существовавшихъ здѣсь издревле, при Алимѣ-ханѣ расплодилась масса лже-нищихъ, въ дѣйствительности обладавшихъ такимъ достояніемъ, имѣя которое они смѣло могли бы заняться другимъ, болѣе полезнымъ, дѣломъ. Заботясь о возможномъ благоустройствѣ своихъ войскъ, Алимъ-ханъ приказалъ всѣхъ вообще мужчинъ-нищихъ, живущихъ подаяніемъ, но обладающихъ достаточнымъ при этомъ запасомъ силъ и здоровья, зачислять въ военный обозъ, кормить и одѣвать на казенный счетъ, обязывая при этомъ въ мирное время неотлучно находиться при тѣхъ казенныхъ верблюдахъ, изъ которыхъ во время войны составлялся войсковой вьючный обозъ.

Эта мѣра, конечно, тоже не понравилась и главнымъ образомъ тѣмъ, кто нищенствовалъ не по необходимости, а изъ любви къ искуству.

(Въ этомъ же родѣ и другіе примѣры, приведенные по данному поводу авторомъ „Мунтахабъ-эль Таварихъ".

Алимъ-ханъ принадлежалъ къ сектѣ *джарія* и почти ежедневно вечеромъ отправлялъ такъ называемый *зикръ*, на которомъ обыкновенно присутствовали многіе изъ его приближенныхъ ([1]). Съ нѣкотораго времени на ханскіе зикры сталъ

---

[1]) Приверженцы секты *джарія*, при совершеніи ихъ общественныхъ моленій, называемыхъ вообще *зикръ*, а въ сектѣ *джахръ*, нараспѣвъ выкрикиваютъ эпитеты имени божія, сопровождая это разными тѣлодвиженіями, причемъ доходятъ до совершеннаго изступленія, которое для большинства слѣдуетъ считать, конечно, искуственнымъ, притворнымъ.

являться какой-то мальчикъ дивана (юродивый), приходившій всегда со ртомъ, наполненнымъ отрубями, вслѣдствіе чего онъ никогда не произносилъ здѣсь ни одного слова, участвуя въ общественномъ радѣніи лишь громкимъ мычаніемъ, покачиваніемъ туловища и другими тѣлодвиженіями.

Какъ ему удалось сдѣлаться завсегдатаемъ ханскихъ зикровъ, осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ Алимъ-ханъ никого объ немъ не расправшивалъ, полагая, что это одинъ изъ той массы людей, которая постоянно толчется въ ханской урдѣ. Нѣсколько разъ Алимъ-ханъ позволилъ себѣ надъ нимъ издѣваться.

Однажды въ самый разгаръ зікра, когда всѣ почти присутствовавшіе пришли уже въ изступленіе, при чемъ многіе, конечно притворяясь, лежали въ разныхъ углахъ, изображая собою людей, лишившихся чувствъ, Алимъ-ханъ увидѣлъ, что мальчикъ-дивана стоитъ какъ разъ передъ нимъ блѣдный и смотритъ на него съ самымъ злымъ выраженіемъ лица. Алимъ-ханъ, не долго думая, схватилъ мальчишку за шиворотъ и вытащилъ въ сѣни.

Одни изъ присутствовавшихъ этого не замѣтили, другіе въ недоумѣніи остались на своихъ мѣстахъ.

Какъ только Алимъ съ диваной очутились въ сѣняхъ, въ совершенной темнотѣ, послѣдній выхватилъ изъ за пояса ножъ и моментально нанесъ хану нѣсколько ранъ, прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ вынуть изъ ноженъ саблю, съ которой не разставался ни днемъ, ни ночью.

Алимъ-ханъ ударилъ саблей по диванѣ, но въ тѣмнотѣ промахнулся, вмѣсто шеи попалъ по плечу, молча выскочилъ на дворъ и прислонился тамъ къ стѣнѣ, ослабѣвъ отъ потери крови.

Услышавъ шумъ и какую-то возню въ сѣняхъ, оставшіеся въ комнатѣ бросились съ ночниками посмотрѣть, что случилось и увидѣли посреди сѣней дивану окровавленнаго, сидѣвшаго на полу, поджавъ ноги и размахивая лѣвой рукой, въ которой былъ окровавленный-же ножъ. Хафйсъ-Куватъ бросился на дивану, но получилъ ударъ ножемъ въ лицо и упалъ безъ чувствъ; за Куватомъ бросился Махмудъ-ходжа, но тоже получилъ ударъ и тотчасъ же отскочилъ отъ диваны; тогда Кичйкъ-ханъ (везйрь Алимъ-ха-

на), замѣтивъ, что у диванй одна рука болтается безъ движенія, схватилъ его за здоровую руку, повалилъ на землю и осѣдлалъ. Тѣмъ временемъ другіе увидѣли на дворѣ Алимъ-хана, лежавшаго на землѣ, всего въ крови; они уже взвыли было по немъ, какъ по покойникѣ, но сейчасъ же замѣтили, что онъ живъ и бросились одни поднимать хана, а другіе рубить дивану.

Въ это время Кичикъ-ханъ, сидѣвшій верхомъ на послѣднемъ, шутя закричалъ: „не изрубите моего сидѣнья вмѣсто ногъ диваны! Не ужто-же я за свою услугу хану лишусь этой части тѣла. Поручаю её вамъ, а васъ поручаю Богу. Рубите“!

Услышавъ эти прибаутки, Алимъ-ханъ прикрикнулъ на своего везиря, замѣтивъ ему, что шутки не умѣстны тамъ, гдѣ смерть.

Диванá былъ изрубленъ въ куски, а Алимъ-хана подняли съ земли, отнесли во внутреннія комнаты и послали за докторами. Такъ и осталось неизвѣстнымъ, покушался-ли диванá на жизнь Алимъ-хана по своей иниціативѣ, или по наущенію другихъ.

Въ три—четыре дня вѣсть объ этомъ происшествіи облетѣла всю Фергану и вызвала въ народѣ настроеніе очень тревожное и крайне невыгодное для хана; въ кишлакахъ держался упорный слухъ о томъ что Алимъ-залимъ не раненъ только, а убитъ и не будетъ уже болѣе водить народъ въ свои нескончаемые походы.

Приближенные доложили Алиму, что если онъ вскорѣ же не покажется народу, то за послѣдствія ручаться нельзя. Тогда онъ велѣлъ оповѣстить Маасумъ-ханъ-ходжу о томъ, что ѣдитъ къ нему въ гости, въ садъ, находившійся верстахъ въ 2-хъ отъ ханской урды. На другой день, утромъ, Алимъ-ханъ съ большимъ трудомъ сѣлъ на лошадь и медленное, торжественное шествіе направилось въ загородный садъ Маасума. Умы нѣсколько успокоились, а недѣль черезъ пять Алимъ-ханъ окончательно оправился отъ болѣзни.

Замѣчательно, что послѣ описанныхъ событій Алимъ сдѣлался безпечнымъ, крайне самонадѣяннымъ и началъ усиленно пить. Весьма вѣроятно, что послѣ происшествія съ диваной онъ окончательно убѣдился въ существованіи силь-

ной противъ него оппозиціи, захандрилъ и озлобился противъ всего окружающаго. Только этимъ можно объяснить то обстоятельство, что онъ началъ сторониться даже и отъ безусловно приверженнаго къ нему Маасума, къ которому усиленно сталъ льнуть Омаръ-бекъ (братъ Алима), зная, что Маасумъ-ханъ-ходжа пользуется громаднымъ уваженіемъ народа. Эти новыя отношенія до нѣкоторой степени установились, по крайней мѣрѣ наружно, благодаря искательствамъ Омара, но тѣмъ не менѣе Маасумъ все таки остался вѣрнымъ Алиму, которому онъ былъ обязанъ частью своего благосостоянія; кромѣ того Маасумъ всегда уважалъ въ Алимъ-ханѣ прямаго, правдиваго и беззавѣтно-храбраго человѣка.

Вскорѣ послѣ всего вышеизложеннаго, Алимъ-хану донесли, что Рахманъ-Кулъ-бій (тесть Омара), Джума-бай-Кайтакй и другіе серьезно думаютъ о его сверженіи. Нетерпѣвшій какихъ-бы-то ни было доносовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне самонадѣянный, слишкомъ много расчитывавшій на тѣ милости, которыми онъ сыпалъ въ свое время среди окружавшихъ его людей, Алимъ отвѣтилъ: "развѣ у меня такъ мало приверженцевъ, что я долженъ бояться нѣсколькихъ заговорщиковъ"?

Тѣмъ не менѣе число недовольныхъ ханомъ росло не по днямъ, а по часамъ; многіе уже прямо стали говорить, что дѣло сверженія зависитъ лишь отъ удобнаго момента, что въ принципѣ оно рѣшено безповоротно и приходится ждать только случая. Однимъ изъ наиболѣе нетерпѣливо ждавшихъ этого случая былъ Омаръ, успѣвшій уже составить себѣ среди кокандской знати очень сильную и надежную партію, симпатіи которой были куплены и привѣтливостью бека, и его набожностію, быть можетъ напускной, но тѣмъ не менѣе сблизившей его съ высшимъ духовенствомъ и, наконецъ, и главнымъ образомъ, покровительственными отношеніями Омара къ ученымъ и поэтамъ, которые превозносили его повсюду и повсюду-же поселяли въ народѣ симпатіи и отношенія къ нему, какъ къ желанному избавителю отъ ненавистнаго Алима.

На свою бѣду зимою 1232 (1816) года Алимъ-ханъ ни съ того ни съ сего собралъ войска и отдалъ приказъ о выступленіи въ Ташкентъ.

Придворный астрологъ, Ашуръ-кулъ-Дивана, на обязанности котораго лежало, между прочимъ, и опредѣленіе счаст-

ливыхъ и несчастливыхъ дней, явился къ хану и сталъ отсовѣтывать задуманное послѣднимъ предпріятіе; въ числѣ другихъ доводовъ Ашуръ-кулъ сообщилъ Алиму, что онъ видѣлъ во снѣ, будто бы онъ, Ашуръ-кулъ, былъ беременнымъ и выкинулъ, что̀, какъ извѣстно, считается самымъ грознымъ предзнаменованіемъ. Сколько ни отговаривали Алима, онъ все таки настоялъ на своемъ и приказалъ, чтобы всѣ, способные носить оружіе и имѣющіе его, шли съ нимъ подъ страхомъ смертной казни за уклоненіе отъ похода. Выступивъ съ громаднымъ отрядомъ изъ Кокана, не взирая на холода и снѣга, онъ перевалилъ черезъ Кендыръ-Дованъ и *на четвертый день* съ бо̀льшею частью войскъ былъ уже въ Камышахъ, въ долинѣ Чирчика.

Здѣсь была сдѣлана дневка, пользуясь которой Алимъ-ханъ устроилъ охоту.

Въ сторонѣ отъ дороги (на берегу Чирчика), находилась большая туранговая роща.

Во время охоты оттуда донеслись крики; Алимъ-ханъ въ сопровожденіи громадной свиты бросился по ихъ направленію; оказалось, что внутри рощи два тигра разорвали и поранили нѣсколькихъ человѣкъ.

Алимъ, не трогаясь съ мѣста, въ виду тигровъ, обѣщаетъ щедрыя награды тому, кто ихъ убьетъ; нукера открываютъ огонь; тигры бросаются на выстрѣлы и рвутъ еще нѣсколькихъ человѣкъ, послѣ чего большая часть нукеровъ разбѣгается.

Тогда Шахъ-Рухъ-бекъ (сынъ Алима) пѣшкомъ прокрадывается между деревьями и кладетъ наповалъ самку. Увидѣвъ это, Омаръ, никогда не допускавшій Шахъ-руха до превосходства надъ собой, хватаетъ ружье, конный бросается на самца и поражаетъ его пулей въ сердце. Неумолкаемые крики одобренія привѣтствуютъ обоихъ бековъ.

Покончивъ на этомъ съ охотой и сдѣлавъ бекамъ здѣсь же, на мѣстѣ, дорогіе подарки, Алимъ-ханъ снялъ лагерь и вошелъ съ войсками въ Ташкентъ.

Послѣ не большаго отдыха Джума-бай-Кайтакѝ и Ирисъ-Кулъ-бій были отправлены имъ на сѣверъ, для ограбленія киргизъ (казàкъ), находившихся въ то время подъ властью Бухары. Разграбивъ ближайшіе аулы *до послѣдней тряпки*, захвативъ большую добычу и массу плѣнныхъ, отрядъ дол-

женъ былъ возвратиться, ибо, во первыхъ, зимою нечѣмъ было кормить въ походѣ лошадей, а во вторыхъ дальніе аулы, заслышавъ о приближеніи непріятеля, тотчасъ же откочевали далеко внутрь степи.

Услышавъ о возвращеніи отряда, ходившаго въ набѣгъ, Алимъ выслалъ навстрѣчу ему Омара; тотъ принялъ и переписалъ добычу и сдѣлалъ хану докладъ о результатахъ этого похода.

На томъ дѣло и кончилось бы, если бы черезъ нѣсколько времени Алимъ-хану не доложили, что Ирисъ-Кулъ и Джума-бай, не желая исполнить его воли и боясь холода, нарочно прогнали дальніе аулы въ степь, не тронувъ ихъ, дабы поскорѣе вернуться въ Ташкентъ. Алимъ-ханъ призвалъ обоихъ, сдѣлалъ имъ строгій выговоръ и велѣлъ немедленно же идти въ степь во второй разъ.

Тогда Ирисъ-Кулъ и Джума-бай собрали сторонниковъ Омара, составили съ вѣдома послѣдняго заговоръ и рѣшили бросить Алима въ Ташкентѣ, а самимъ бѣжать въ Коканъ, уведя за собой возможно большую часть войскъ.

Ночью заговорщики садятся на лошадей, распускаютъ по Ташкенту слухъ о томъ, что Алимъ убитъ и выѣзжаютъ изъ города. Вслѣдъ за ними бѣжитъ масса нукеровъ. На Чирчикѣ Омаръ былъ провозглашенъ ханомъ. Оставивъ въ Кирсучи отрядъ подъ начальствомъ Хушвактъ-Диванбегіи, онъ быстро направился къ Кокану и вошелъ въ него всего съ 40 нукерами; остальные, не поспѣвая за ханомъ, растянулись по всей дорогѣ.

Алимъ-ханъ узналъ о событіяхъ роковой для него ночи лишь утромъ слѣдующаго дня сначала отъ личнаго своего прислужника, а потомъ, съ бо́льшими подробностями, отъ Масумъ-ханъ-ходжи, хотя и знавшаго о заговорѣ, но незахотѣвшаго бросить Алима даже и при несомнѣнномъ закатѣ его звѣзды.

Пообсудивъ свое положеніе, Алимъ-ханъ послалъ гонцовъ за Захуръ-Диванбегіи, который раньше еще былъ командированъ съ отрядомъ въ Сайрамъ, а самъ началъ задаривать оставшихся при немъ людей.

Захуръ-Диванбеги, узнавъ объ уходѣ Омара въ Коканъ, медлилъ возвращеніемъ изъ Сайрама; тогда Алимъ, не дож-

давшись его, выступилъ изъ Ташкента, оставивъ здѣсь Сеидъ-Али-бека и Арсланъ-Каракалпака. Бывшій при Алимѣ отрядъ оказался настолько слабымъ, что не могъ взять даже и Кирсучи, гдѣ засѣлъ оставленный здѣсь Омаромъ *Хушвактъ* Диванбеги.

Люди Алима стали разбѣгаться одинъ за другимъ; когда, переваливъ черезъ Кендыръ-Даванъ, ханъ узналъ о томъ, что между Кумбелемъ и Кызылъ-купрюкомъ его поджидаютъ въ засадахъ пангазцы [1]), поставленные здѣсь Омаромъ и считавшіеся въ то время лучшими въ Ферганѣ стрѣлками и охотниками; при немъ находилось до 200 женщинъ и дѣтей и лишь около 40 мужчинъ, въ числѣ которыхъ изъ знати былъ одинъ только Маасумъ. (Шахъ-Рухъ-бекъ, сынъ Алима, былъ отправленъ съ дороги обратно въ Ташкентъ за помощью отъ Сеидъ-Али-бека и Захуръ-Диванбеги). Алимъ-ханъ теряется и не знаетъ, что ему предпринять. Тогда Маасумъ-ханъ-ходжа совѣтуетъ идти въ Ходжентъ къ Халыкъ-Кулъ-мирзѣ, всегда бывшему въ хорошихъ отношеніяхъ съ Алимомъ, но кто-то нарочно сообщаетъ Алиму, что имѣются будто бы извѣстія о взятіи Ходжента Омаромъ и о томъ, что Халыкъ-Кулъ-мирза арестованъ уже и отвезенъ въ Коканъ. (Впослѣдствіи слухи эти оказались ложными).

Лишившись этой послѣдней надежды и видя себя всѣми оставленнымъ, Алимъ-ханъ, дабы избѣжать засады у Кызылъ-Купрюка, горами, безъ дороги, направился на Бадамъ-чашма̀. Когда они пришли туда на третій день вечеромъ, пространствовавъ болѣе двухъ сутокъ по голымъ, острымъ камнямъ, оказалось, что ихъ давно поджидаютъ уже здѣсь Шады-бекъ и Ма-шерифъ-бій, высланные Омаромъ. Маасумъ-ханъ ходжа съ трудомъ уговорилъ ихъ арестовать одно только имущество Алима, а самому ему дать возможность спастись бѣгствомъ.

Хакимъ-ханъ-Турё (сынъ Маасумъ-хана), которому въ то время было около семи лѣтъ, описываетъ дальнѣйшія событія въ Бадамъ-чашма̀ такимъ образомъ: "ночью, говоритъ онъ, я проснулся, услышавъ, что кто-то плачетъ въ той саклѣ, въ которой я помѣщался со своей матерью, родной се-

---

[1]) *Пангазъ*—кишлакъ (нынѣ Чустскаго уѣзда).

строй хана. Я сталъ присматриваться и замѣтилъ, что два человѣка обнимаются и всхлипываютъ; увидѣвъ это, я тоже расплакался. Тогда оба подошли ко мнѣ, зажали мнѣ ротъ и велѣли молчать; тутъ я узналъ по голосу свою мать и Алима-хана. Они обнялись еще разъ; ханъ поцѣловалъ меня въ лобъ, вышелъ изъ сакли и скрылся въ ночной темнотѣ.

Когда на другой день утромъ женщины ханскаго гарема узнали объ отсутствіи Алима, онѣ подняли страшный вой, причитая о немъ, какъ о покойникѣ.„

Въ это самое время ханъ, въ сопровожденіи пяти нукеровъ, былъ уже на соляныхъ копяхъ около Камышъ-Кургана. Оставаться здѣсь было опасно, а потому спутники совѣтовали Алиму бѣжать въ Ура тюбе, къ Махмудъ-ханъ-ходжѣ. Алимъ отвѣтилъ на это, что онъ никогда не рѣшится просить пріюта ни у уратюбинцевъ, которыхъ онъ разорилъ своими походами на этотъ злополучный городъ, ни у Махмудъ-хана, съ которымъ воевалъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ.

„Если мнѣ суждено умереть, говорилъ онъ, то все равно этого не отсрочишь. Я никогда не бѣгалъ отъ опасности, не побѣгу и теперь; лучше пойду ей на встрѣчу. Все, что я дѣлалъ, я дѣлалъ на свой страхъ, самъ по себѣ и никогда не слушалъ доносчиковъ; въ этомъ отношеніи совѣсть моя чиста. Умирать, такъ умирать. Я ѣду въ Коканъ и ни куда болѣе“.

Съ соляныхъ копей Алимъ-ханъ направился правымъ берегомъ Дарьи черезъ Акъ-Джарскую переправу въ Коканъ.

Около Акъ-Джара его подкарауливалъ тесть Омара, Рахманъ-Кулъ-бій со своими нукерами, андижанскими кипчаками.

Узнавъ о томъ, что Алимъ-ханъ проѣхалъ уже черезъ Акъ-Джаръ, онъ послалъ въ погоню за нимъ 10 человѣкъ, а самъ съ остальными двинулся вслѣдъ за ускакавшими впередъ нукерами.

Услышавъ за собою погоню, спутники Алима бросились въ разныя стороны. Подъ ханомъ былъ извѣстный въ то время по всей Ферганѣ сѣрый скакунъ, Ипакъ-бузъ, котораго не догнала бы никакая погоня, если бы онъ не намялъ

себѣ ногъ на горныхъ камняхъ въ то время, когда, покинутый всѣми, ханъ шелъ по горамъ безъ дороги съ Кызылъ-Купрюка на Бадамъ-Чашма,

Видя неминуемую гибель, Алимъ-ханъ повернулъ лошадь назадъ, на встрѣчу погонѣ и обнажилъ саблю, единственное, бывшее при немъ, оружіе. Какъ только Кипчаки достаточно приблизились, онъ бросился на переднихъ и отрубилъ двумъ изъ нихъ головы; третій ранилъ его пикой въ плечо, а четвертый, заскакавъ сзади, выстрѣлилъ ему въ спину. Пуля прошла черезъ грудь на вылетъ. Алимъ-ханъ судорожно обхватилъ руками шею лошади и затѣмъ мертвый уже свалился съ нея на землю лицомъ внизъ. Это произошло верстахъ въ 6—8 отъ Кокана. Вскорѣ прискакалъ Рахманъ-Кулъ-бій, спрыгнулъ съ лошади, бросился въ ноги трупу и зарыдалъ.

Привели арбу, уложили на нее покойника и повезли въ Коканъ.

Замѣчательно, что, несмотря на всеобщую почти нелюбовь къ Алиму, масса народа съ воплями встрѣтила и провожала по городу его трупъ.

Таковы ужъ свойства и толпы, и того впечатлѣнія, которое производитъ на человѣка смерть, хотя бы и ненавистнаго ему, а всетаки собрата.

На похоронахъ, совершенныхъ по туземному обычаю въ тотъ же день, Омаръ старался казаться спокойнымъ, но тѣмъ не менѣе нельзя было не замѣтить того, что онъ былъ чрезвычайно взволнованъ.

Алимъ-ханъ умеръ весною 1232 (1816) года. Отъ него осталось три сына: Шахъ-Рухъ; Ибраимъ-бекъ (Аталыкъ-ханъ) и Мурадъ-бекъ и три дочери: Аимъ-ханъ, Улугъ-ханъ и Афтабъ-ханъ.

(Улугъ-ханъ была впослѣдствіи замужемъ за своимъ двоюроднымъ братомъ Мадали-ханомъ, сыномъ Омаръ-хана, но дѣтей отъ этого брака не было.

Афтабъ-ханъ вышла за Сеидъ-ханъ-ходжу (Ахрарй) и имѣла трехъ сыновей: Хомутъ-ханъ-ходжу, Ходжа-бекъ-ходжу и Камаръ-ханъ-ходжу).

Вслѣдъ за смертію Алима, *Омаръ-ханъ* счелъ необходимымъ отдѣлаться отъ Шахъ-рухъ-бека, остававшагося въ Ташкентѣ и могшаго, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, выступить въ качествѣ претендента на отцовскій престолъ.

По приказу Омаръ-хана, Богадуръ-ходжа и Назаръ-бекъ схватили въ Ташкентѣ ни въ чемъ еще неповиннаго Шахъ-Руха и повезли въ Коканъ. По второму приказу бекъ былъ зарѣзанъ на дорогѣ и похороненъ на мазарѣ Пейгамберъ-Ата [1]).

Желая обставить себя возможнымъ блескомъ и разыграть, хотя бы въ миніатюрѣ, роль одного изъ прежнихъ блестящихъ государей средней Азіи въ родѣ Тимура, Омаръ-ханъ приближаетъ ко двору цѣлую фалангу мѣстныхъ поэтовъ, которые воспѣваютъ его въ своихъ произведеніяхъ и получаютъ содержаніе наравнѣ съ другими чиновниками двора. Затѣмъ, отнюдь не помышляя о какихъ либо завоеваніяхъ и желая пользоваться въ свое удовольствіе тѣмъ положеніемъ, которое Кокандское ханство успѣло занять въ средней Азіи благодаря Нарбутѣ и Алиму, Омаръ-ханъ шлетъ пышное посольство къ бухарскому эмиру для заключенія съ нимъ союза.

Тѣмъ временемъ Раджабъ-Диванъ-беги, бѣжавшій отъ Алимъ-хана, узнавъ о смерти послѣдняго, вернулся въ Коканъ и получилъ отъ Омара должность ташкентскаго хакима.

На обратномъ пути посольство Ишанъ-Ханъ-Турё, ходившее въ Бухару, было съ большими почестями встрѣчено въ Ура-тюбе Махмудъ-ханъ-ходжей, знавшимъ уже о малой воинственности новаго Кокандскаго хана и находившимъ выгоднымъ для себя стать съ нимъ въ возможно—близкія отношенія.

Узнавъ о встрѣчѣ, сдѣланной Ишанъ-ханъ-ходжѣ въ Уратюбе и пользуясь этимъ удобнымъ случаемъ, Омаръ-ханъ

---

[1]) Впослѣдствіи прахъ его былъ перенесенъ въ Коканъ и похороненъ рядомъ съ могилою Алимъ-хана.

Отъ Шахъ Руха осталось три сына: Хайдаръ-бекъ, Сарымсакъ-бекъ и Катта-бекъ и дочь, вышедшая потомъ за Ишанъ-ханъ Турё и имѣвшая отъ этого брака сына Махмудъ-ханъ-Турё.

немедленно же отправилъ туда специальное посольство подъ предводительствомъ Маасумъ-хана.

Махмудъ-ханъ-ходжа, очень польщенный этимъ, встрѣтилъ пословъ на Акъ-су и тутъ же заявилъ о своемъ намѣреніи присоединиться съ уратюбинскимъ виластомъ къ Ферганѣ. Когда посольство Маасумъ-хана возвращалось въ Коканъ, Махмудъ-ханъ-ходжа отправилъ съ нимъ своего родственника Султанъ-ханъ-ходжу, поручивъ послѣднему лично просить Омара о присоединеніи и принятіи подъ свое покровительство уратюбинскаго виласта.

Омаръ-ханъ, милостиво принявъ и Султанъ-ханъ-ходжу, и принесенныя имъ предложенія, отпустилъ послѣдняго съ подарками въ Ура-тюбе. Благодаря этой измѣнѣ Махмудъ-ханъ-ходжи Эмиру-Хайдару, дружественныя отношенія между Коканомъ и Бухарой немедленно же прекращаются и Омаръ-ханъ считаетъ почему-то необходимымъ идти съ войсками на Джизакъ.

Въ Ура-Тюбе къ нему присоединился Махмудъ-ханъ-ходжа, но походъ этотъ окончился однимъ лишь разграбленіемъ окрестностей Джизака, послѣ чего Омаръ вернулся въ Коканъ.

По возвращеніи сюда, онъ изгналъ остальныхъ сыновей Алимъ-хана, Ибраима (иначе Аталыкъ-хана) и Мурада, въ Каратегинъ, гдѣ ихъ приголубилъ на всякій случай Абдуллъ-Азизъ-ханъ.

Вслѣдъ за этимъ пришло извѣстіе о томъ, что Эмиръ-Хайдаръ укрѣпилъ Пейшагаръ, оставилъ здѣсь Мухамедъ-Раимъ-Диванбеги съ отрядомъ, а самъ идетъ на Ура-тюбе.

Омаръ-ханъ снова собираетъ войска и идетъ съ ними въ Ура-тюбе. Узнавъ объ этомъ движеніи, Эмиръ-Хайдаръ возвращается въ Самаркандъ, оставивъ въ Пейшагарѣ Ма-Раимъ-Диванбеги.

Омару сообщили объ этомъ отступленіи тогда лишь, когда онъ подошелъ съ своимъ отрядомъ къ Джизаку; видя что никакой серьезной опасности для Ура-тюбе не предвидится, и не рѣшаясь въ то же время трогать Пейшагаръ, защищаемый Ма-Раимомъ, онъ вернулся въ Фергану, прогостивъ по дорогѣ нѣсколько дней въ Ура-тюбе, у Махмудъ-ханъ-ходжи.

Походъ этотъ, хотя и не блестящій самъ по себѣ, но тѣмъ не менѣе вполнѣ удовлетворительный по временнымъ своимъ результатамъ, далъ обильную пищу музѣ придворныхъ поэтовъ, писавшихъ свои прославленія Омара на самые разнообразные виды.

(Нерѣдко случалось, впрочемъ, что темы иного какого либо характера задавалъ самъ ханъ, большой любитель поэзіи, увлекавшійся ролью мецената такъ, какъ никто другой ни изъ прежнихъ, ни изъ послѣдующихъ правителей Ферганы. Впослѣдствіи изъ большей части этихъ стихотвореній, былъ составленъ сборникъ, немногочисленныя копіи съ котораго вращаются теперь въ Ферганѣ подъ именемъ *Маджмӯ-и-Шуара*).

Не соглашаясь помириться съ мыслію о самовольномъ присоединеніи Ура-тюбе къ Кокандскому ханству, Эмиръ-Хайдаръ снова выступилъ съ войсками на Ура-тюбе и обложилъ городъ.

Омаръ-ханъ явился на выручку и расположился лагеремъ на урочищѣ *Кызылӣ* нѣсколько поздно, когда Ура-тюбе было уже обложено Эмиромъ со всѣхъ почти сторонъ.

Омаръ собираетъ военный совѣтъ и заявляетъ на немъ о необходимости снестись съ осажденнымъ въ городѣ Махмудъ-ханъ-ходжей. Абулъ-Касымъ-Аталыку удается пробраться въ городъ, переговорить и возвратиться обратно, принеся съ собой даже и подарки отъ Махмудъ-ханъ-ходжи.

Послѣдній обѣщалъ быть вѣрнымъ Омаръ-хану и держаться въ Ура-тюбе до послѣдней возможности.

Тогда Омаръ-ханъ снимаетъ свой лагерь, идетъ съ войсками на Заминъ и располагается около Рабатъ-Чакыра.

Узнавъ объ этомъ движеніи Омара по пути въ Самаркандъ, Эмиръ-Хайдаръ тоже въ свою очередь собираетъ совѣтъ, на которомъ рѣшено было снять осаду и немедленно же уходить во свояси.

Черезъ нѣсколько дней Кокандскіе разъѣзды, ходившіе въ сторону Ура-тюбе, донесли Омару, что осада снята и что на мѣсто бывшаго бухарскаго лагеря они нашли одни лишь кучи навоза.

Тогда Омаръ возвратился въ Ура-тюбе, прогостивъ одинъ день у Махмудъ-ханъ-ходжи и затѣмъ направился

въ Коканъ. Провожая Омара изъ Ура-тюбе, Махмудъ-ханъ-ходжа версты двѣ шелъ пѣшкомъ около ханскаго стремени.

Вскорѣ послѣ возвращенія Омаръ-хана въ Коканъ, у Махмудъ-ханъ-ходжи явилось желаніе овладѣть Пейшагаромъ. Не долго думая, онъ собралъ отрядъ, быстро двинулся къ намѣченной цѣли и ночью занялъ очень слабо защищенную бухарскую крѣпостцу.

Занявъ её почти безъ выстрѣла, Махмудъ-ханъ-ходжа расположился здѣсь съ крайней безпечностью и не принялъ никакихъ мѣръ охраны. Замѣтивъ эту оплошность, жители дали знать о ней въ Урметинъ, гдѣ стояло около 2000 бухарской конницы. Бухарцы ночью напали на Пейшагаръ и застали Махмудъ-хана врасплохъ. Понеся большія потери, онъ былъ принужденъ бѣжать въ Ура-тюбе, раскаиваясь въ томъ, что предпринялъ этотъ неудачный набѣгъ безъ разрѣшенія хана.

Возвратясь въ Ура-тюбе, онъ послалъ къ Омару гонца съ письмомъ, въ которомъ излагалъ обстоятельства дѣла и просилъ простить ему сдѣланную ошибку.

Омаръ-ханъ не только простилъ Махмудъ-ханъ-ходжу и не измѣнилъ своихъ прежнихъ хорошихъ къ нему отношеній, но еще самъ, войдя во вкусъ, собралъ отрядъ и двинулся съ нимъ къ Урметину, захвативъ по дорогѣ, въ Ура-тюбе, Махмудъ-ханъ-ходжу съ его нукерами. Абулъ-Касымъ-Аталыку былъ врученъ отдѣльный отрядъ и отдано личное приказаніе хана взять Урметинъ.

Въ это время къ Омару явились съ подарками Шахрисябзскій бекъ Ніазъ-Али-Аталыкъ и ургутскій Катта-бекъ-Парваначи; послѣдній, враждуя съ Эмиромъ, принесъ вмѣстѣ съ подарками и предложеніе присоединить къ Кокандскому ханству Ургутъ, по примѣру Ура-тюбе.

Не давъ Катта-беку никакого опредѣленнаго отвѣта, Омаръ-ханъ прекратилъ военныя дѣйствія и вернулся въ Коканъ, велѣвъ Сеидъ-Кулъ-беку проводить гостей съ отрядомъ до Ургута.

Въ 1234 (1818) году у Омара, отъ первой его жены, Магляръ-Аимъ, родился второй сынъ, Султанъ-Махмудъ.

Въ началѣ зимы того же года хану донесъ кто то, что Махмудъ-ханъ-ходжа вступилъ будто-бы въ сношеніе съ

Эмиромъ. Сначала Омаръ-ханъ не хотѣлъ вѣрить этому доносу, но черезъ нѣсколько времени сомнѣніе взяло свое и онъ рѣшилъ захватить Махмудъ-ханъ-ходжу и во что бы то ни стало устранить его изъ вилаета, всегда стоившаго Кокандскому ханству очень многихъ хлопотъ.

Въ Декабрѣ Омаръ собралъ отрядъ и направился съ нимъ къ Ура-тюбе.

Ничего не подозрѣвавшій, Махмудъ-ханъ-ходжа выѣхалъ навстрѣчу, на урочище Найджанъ, гдѣ въ этотъ день ханскій отрядъ остановился на ночлегъ. Слѣдующій затѣмъ ночлегъ былъ въ окрестностяхъ Ура-тюбе. На утро Махмудъ-ханъ-ходжа въ сопровожденіи громадной свиты явился къ Омару съ подарками. Принявъ ихъ и милостиво отпустивъ отъ себя Махмудъ-ханъ-ходжу, Омаръ отдалъ приказъ о томъ, чтобы послѣ намàза—Пейшина (около 2 часовъ пополудни) войска были готовы къ выступленію на Джизакъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бава-Раимъ-Инàкъ (сынъ Раджаба-Кушбеги) получилъ нижеслѣдующее секретное приказаніе: какъ только послѣ пейшина войска сядутъ на лошадей, по личному приказу хана, Бавà-Раимъ-Инàкъ долженъ нѣсколько разъ махнуть бунчукомъ; по этому знаку ханскія войска хватаютъ и вяжутъ Махмудъ-ханъ ходжу, его свиту, нукеровъ и пріѣхавшихъ съ нимъ киргизовъ рода Юзъ.

Послѣ полудня Махмудъ-ханъ-ходжа, Султанъ-ханъ-ходжа и Турё-ханъ-ходжа были позваны къ хану. Не допустивъ позванныхъ къ особѣ Омара, ихъ отвели въ ближайшую къ ханской юртѣ палатку Маасумъ-ханъ-ходжи, куда вслѣдъ за ними понесли на подносахъ присланное имъ отъ хана угощеніе.

Когда, войдя въ палатку и расположившись тамъ, они только что было протянули руки къ подносамъ, Богадуръ-ходжа-Чапукчѝ, Абду-Керимъ-Дастарханчи и Сеидъ-Бухчабардàръ схватили ихъ и объявили имъ, что по приказу хана они арестованы. Въ это же самое время Бава-Раимъ-Инàкъ далъ знакъ бунчукомъ и ханскія войска начали ловлю, по окончаніи которой Касымъ-Диванбеги получилъ приказаніе ѣхать въ городъ (Ура-тюбе) въ сопровожденіи Мухамедъ-Куль-Датхи и конфисковать тамъ имущество Махмудъ-ханъ-ходжи.

Послѣдній вмѣстѣ съ семьей и большей частью ближайшихъ своихъ родственниковъ въ этотъ же день былъ сосланъ на житье въ Коканъ, подъ присмотръ особо-назначенныхъ для того ханскихъ чиновниковъ. (Изгнанники этого рода назывались آق اويلوق = акъ-уйлюкъ).

Оставивъ въ Ура-тюбе Касыма-Диванбеги, Омаръ-ханъ возвратился въ Ходжентъ, гдѣ его ожидала уже семья, выѣхавшая навстрѣчу изъ Кокана. Въ Ходжентѣ ханскій дворъ пробылъ трое сутокъ, послѣ чего въ сопровожденіи войскъ вернулся въ Коканъ.

Вскорѣ сюда же пришла вѣсть о томъ, что Раимъ-Диванбеги (бухарскій) выступилъ изъ Нейшагара въ Ямъ съ несомнѣннымъ намѣреніемъ занять Ура-тюбе, пользуясь тѣмъ мѣстнымъ волненіемъ умовъ, которое было вызвано переполохомъ, произведеннымъ здѣсь во время ареста Махмудъ-ханъ-ходжи, его родственниковъ и приближенныхъ.

Вслѣдъ за этой первой вѣстью пришла другая: Касымъ-Диванбеги, оставленный въ Ура-тюбе Омаромъ, узнавъ о движеніи Раима, выступилъ на встрѣчу ему съ отрядомъ, былъ разбитъ, понесъ большія потери убитыми и плѣнными и поспѣшно отступилъ въ Ура-тюбе, несмотря на то, что Раимъ-Диванбеги его не преслѣдовалъ, очевидно не находя въ себѣ достаточной рѣшимости для вторженія въ Ура-тюбе открытой силой.

Когда Омару доложили объ этихъ происшествіяхъ, разсерженный ханъ тотчасъ же отдалъ приказъ о смѣнѣ Касыма, на мѣсто котораго былъ посланъ Раджабъ-Кушбеги.

Какъ только до Раима-Диванбеги дошелъ слухъ о замѣнѣ Касыма дряхлымъ уже Раджабомъ, онъ тотчасъ же двинулся впередъ и осадилъ Ура-тюбе.

Не смотря на преклонныя лѣта, въ Раджабѣ проснулся старый вояка и онъ упорно защищался здѣсь въ теченіи нѣсколькихъ дней, пока увѣдомленный объ этой осадѣ Омаръ-ханъ успѣлъ придти съ отрядомъ въ Ходжентъ.

Передъ самымъ выступленіемъ изъ Кокана ханъ заболѣлъ (а можетъ быть просто такп струхнулъ и притворялся больнымъ); прійдя въ Ходжентъ, онъ отказался за болѣзнію идти далѣе лично и послалъ въ Ура-тюбе Мирза-Раима (сына Раджаба-Диванбеги) на выручку отцу.

На урочищѣ Кызылй большая часть пукеровъ, посланныхъ съ Мирза-Раимомъ, отказалась идти на непріятеля и разбѣжалась въ разныя стороны. Съ Мирза-Раимомъ осталось всего лишь около 300 человѣкъ, съ которыми въ полночь онъ пробился сквозь осаждавшихъ, вошелъ въ Ура-тюбе, забралъ старика отца, ночью же вновь пробился сквозь непріятеля и затѣмъ благополучно вернулся въ Ходжентъ.

Омаръ-ханъ щедро наградилъ и Раджаба и Мирза-Раима, но на Ура-тюбе идти не рѣшился и вернулся въ Коканъ. Тѣмъ временемъ Раимъ-Диванбеги занялъ многострадальный городъ, который такимъ образомъ снова ускользнулъ изъ рукъ Ферганы.

Въ началѣ іюня (1234) Омаръ-ханъ объявилъ, что онъ вполнѣ оправился отъ болѣзни и рѣшилъ во что-бы то ни стало вернуть Ура-тюбе. Вскорѣ же войска были собраны и двинуты за Ходжентъ. Между Акъ-су и Ура-тюбе Кокандцы были встрѣчены пукерами Раимъ-Диванбеги, которые послѣ незначительной стычки бѣжали и заперлись въ крѣпости. Омаръ обложилъ городъ. Послѣ трехдневной осады, во время которой на стѣнахъ Ура-тюбе дрались даже и женщины, Омаръ-ханъ снова сказался больнымъ, снялъ осаду и ни съ чѣмъ вернулся въ Коканъ.

Черезъ нѣсколько дней по возвращеніи сюда, онъ объявилъ, что уѣзжаетъ на охоту въ Маргеланъ, но на самомъ дѣлѣ собралъ пукеровъ и поспѣшно двинулся съ ними черезъ Риштанъ, Джигдаликъ и Роватъ къ Джизаку, желая хоть чѣмъ либо досадить бухарцамъ, отнявшимъ у него Ура-тюбе. (Въ первый день этого эспромптомъ—задуманнаго похода отрядъ вмѣстѣ съ ханомъ прошелъ около 18 ташей, т. е. около 144 верстъ).

Разграбивъ окружныхъ киргизъ, кокандцы обложили было и самый Джизакъ, но продержались здѣсь лишь одни сутки и, не взявъ города, должны были вернуться во свояси.

У хановъ издревле велся обычай ежегодно осенью устраивать большую псовую и соколиную охоту. Въ августѣ 1234 (1818) [1]) года Омаръ-ханъ, забравъ съ собою около 300 со-

[1]) По другимъ источникамъ въ 1232 (1816) году.

коловъ и до 200 собакъ, выѣхалъ изъ Кокана, расчитывая проохотиться по нѣскольку дней послѣдовательно въ окрестностяхъ Маргелана, Кувы, Шарихана и Андижана.

Во время этой охоты, Джаангиръ-Турё и Хакъ-Кули (оба потомки хаджей, правившихъ Кашгаромъ до завоеванія его китайцами въ 1758 году) бѣжали изъ Кокана, гдѣ, по просьбѣ китайцевъ, они находились подъ надзоромъ властей.

(Китайцы, въ предупрежденіе возстаній мусульманскаго населенія въ Кашгарѣ, платили Кокандскимъ ханамъ нѣкоторую сумму за присмотръ надъ тѣми изъ хаджей, проживавшихъ въ Ферганѣ, которые, по своему происхожденію, могли явиться претендентами на обладаніе Кашгаромъ).

На Алаѣ хаджи собрали около 500 человѣкъ киргизъ, но вскорѣ послѣ перехода Кашгарской границы ватага эта разбѣжалась и хаджи должны были вернуться въ Коканъ, гдѣ нѣкоторое время сидѣли подъ арестомъ, но потомъ были выпущены, оставаясь, по прежнему, подъ надзоромъ ханскихъ чиновниковъ.

Осенью того же 1234 (1818) года Омаръ-ханъ отправился навѣстить свою сестру, жену Хаджи-Турё. Здѣсь жена Шарихапскаго хакима заявила ему, что у Богадуръ-ходжи, изгнаннаго изъ Ура-тюбе вмѣстѣ съ Махмудъ-ханъ-ходжей и поселеннаго въ Коканѣ, есть дочь Ханъ-Падша-Аимъ, которая очень красива и необыкновенно умна, а потому съ честью могла бы быть супругой даже и такого блестящаго государя, какъ ея повелитель.

Омаръ-ханъ, большой любитель прекраснаго пола, заочно влюбляется въ Ханъ-Падшу-Аимъ и шлетъ свахъ.

Богадуръ-ходжа, быть можетъ желая покочевряжиться только и побольше сорвать съ хана, отвѣтилъ, что дочь его просватана уже за одного изъ родственниковъ и что скоро имѣетъ быть ихъ сватьба.

Омаръ-ханъ, по выраженію лѣтописца, *завертѣлся*, полезъ на стѣну и рѣшилъ во что бы то ни стало жениться на красавицѣ.

Присоединивъ къ прежнимъ старухамъ еще и своего Дастарханчи, онъ снова отправилъ ихъ къ Богадуръ-ходжѣ. Ходжа далъ прежній отвѣтъ, къ которому присовокупилъ, что онъ бѣдный, безпомощный *Мусафиръ* (чужестранецъ),

а потому, если хану угодно, то онъ можетъ взять его дочь силой. Омаръ не унимается и шлетъ свахъ въ третій разъ.

Тогда Богадуръ-ходжа даетъ согласіе, говоритъ, что дѣлаетъ это волей не волей, ради хана и передаетъ свою дочь сестрѣ послѣдняго.

На другой же день былъ совершенъ *никàхъ* (бракосочетаніе), послѣ чего Ханъ-Падша-Аимъ была отвезена во дворецъ, гдѣ, по случаю этого брака, въ теченіи нѣсколькихъ дней шелъ цѣлый рядъ торжествъ. Богадуръ-ходжа въ качествѣ новаго ханскаго тестя получилъ богатые подарки; между прочимъ и пожизненное пользованіе податями съ кишлака Сарай (нынѣ селеніе Чустскаго Уѣзда).

Вскорѣ послѣ сватьбы Омаръ-ханъ уѣхалъ въ Маргеланъ, дабы встрѣтить тамъ, по обычаю предковъ, праздникъ Курбанъ.

(Нѣкоторые увѣряютъ, что бракъ Омара съ Ханъ-Падша-Аимъ былъ устроенъ по проискамъ сосланнаго въ Коканъ Махмудъ-ханъ-ходжи, брата Богадура, который стрѣмился проложить себѣ дорогу ко двору и получить какой либо вилаетъ на кормленіе. По свидѣтельству Хакимъ-ханъ-Турё Махмудъ получилъ за устройство этого брака кишлакъ Кошъ-Тегерманъ, около Ходжента, которымъ и кормился послѣднее время своей жизни).

Весной (въ апрѣлѣ или началѣ мая) 1235 (1819) года Омаръ-ханъ собралъ отрядъ и двинулся съ нимъ на такъ называемый *Даштъ-и-Кипчàкъ*, степь, лежащую на сѣверъ отъ Ташкента и заселенную тогда исключительно кочевниками.

Нѣсколько дней Омаръ благодушествовалъ въ горахъ, гдѣ все было въ цвѣту. Здѣсь же имъ было получено письмо отъ Адыль-Турё (чингизй), которымъ тотъ увѣдомлялъ, что вышелъ съ 2000 нукеровъ изъ предѣловъ Китая, гдѣ кочевалъ до сихъ поръ постоянно, и идетъ на Даштъ-и-Кипчакъ съ цѣлію услужить Омару, слава котораго дошла и до ихъ далекихъ ауловъ.

Посланные были приняты благодушествовавшимъ Омаромъ съ большими почестями и увезли съ собой ярлыкъ на имя Адыль-Турё, принятаго съ этого времени подъ покровительство Кокандскаго хана.

Перваливъ черезъ Кендыръ-Дованъ, Омаръ направился къ Сакрому, дабы поклониться тамошнимъ святымъ, а затѣмъ идти на Туркестанъ съ цѣлію, во первыхъ, завоеванія его (тогда г. Туркестанъ находился подъ властью Бухары), а во вторыхъ, поклоненія святынѣ, столь чтимой во всей средней Азіи.

Въ Сакромѣ Омаръ-ханъ побывалъ на всѣхъ наиболѣе чтимыхъ могилахъ и сдѣлалъ дорогіе подарки главному тамошнему Шейху, послѣ чего Хушвактъ-Кушбеги, Ханъ-ходжа, Миръ-Асатъ, Турё-ханъ и Ма-Шерифъ-Парваначи съ ихъ нукерами были направлены противъ Туркестана, которымъ правилъ нѣкій Токай-Турё, изъ рода Казакъ.

На третьи сутки ночью, недоходя верстъ 12 до Туркестана, Кокандскій отрядъ спѣшился; на разсвѣтѣ нѣсколько человѣкъ охотниковъ безъ шума перелѣзли черезъ крѣпостную стѣну, изрубили привратниковъ и отворили ворота; городъ былъ занятъ почти безъ боя и немедленно же разграбленъ. Токай-Турё удалось бѣжать съ семьей во время всеобщаго переполоха черезъ отверзтіе въ городской стѣнѣ и благополучно добраться до Бухары.

Тотчасъ же по занятіи Туркестана, къ Омару были посланы гонцы съ *суинчй* (радостной вѣстью).

Омаръ вступилъ съ остальными войсками въ Туркестанъ, вмѣстѣ съ которымъ Кокандскому хану подчинилась и вся окружная степь. Во вновь завоеванномъ городѣ ханъ пробылъ нѣсколько дней; былъ въ мечети Хазретъ-и-Султана, зарѣзалъ здѣсь 70 жертвенныхъ барановъ (Худаи) и одарилъ всѣхъ шейховъ этой извѣстной средне-азіатской святыни.

Новымъ хакимомъ Туркестанскаго виласта былъ назначенъ Шейхъ-и-бадаль, послѣ чего Омаръ-ханъ направился въ Ташкентъ, временно оставилъ здѣсь Раджаба-Диванбеги и затѣмъ, вполнѣ довольный результатами только что сдѣланнаго похода, вернулся въ Коканъ.

При въѣздѣ хана въ городъ, въ народъ бросали серебряными деньгами, а на слѣдующій день во дворецъ были собраны главные кокандскіе муллы, которымъ Омаръ заявилъ о своемъ намѣреніи величаться отъ нынѣ не просто ханомъ, а *Эмйръ-эль-Муслемйнъ* (повелитель правовѣрныхъ [1]).

[1]) Титулъ, равный Императорскому.

Муллы обратились къ книгамъ шаріата и нашли въ нихъ, что титулъ этотъ приличествуетъ тому только, кто даетъ содержаніе не менѣе какъ 12000 (?) людей. Тогда стали рыться въ государственномъ архивѣ, гдѣ оказалось, что еще въ 1233 (1817) году на содержаніи Омара состояло, по свидѣтельству однихъ, 25000, а по другимъ—40000 человѣкъ.

Титулъ былъ провозглашенъ на *хутбѣ* (эктенія) и оттиснутъ на монетѣ (?). Омаръ-ханъ надѣлъ *таджъ* (головное украшеніе, соотвѣтствующее коронѣ) и сталъ держать себя, подражая Чингизу и Тимуру.

Ишанъ-Турё-ходжа (Махдумъ-Азамй) и Султанъ-ханъ-Турё (Ахрарй) получили званіе *ходжа-келянъ*, а Маасумъ-ханъ-ходжа званіе Шейхъ-уль-Ислама. Одновременно съ этимъ были учреждены и розданы и др. новые чины, должности и званія.

Такъ напр. около этого же времени была учреждена должность *мингбаши* (собственно тысяченачальникъ), нѣчто среднее между министромъ внутреннихъ дѣлъ и государственнымъ канцлеромъ. Чиновникъ этотъ, завѣдуя всѣми вообще внутренними дѣлами государства, кромѣ непосредственнаго вмѣшательства въ дѣла постоянныхъ войскъ [1]) и судебнаго вѣдомства, былъ въ то-же время главнымъ совѣтникомъ хана и въ дѣлахъ внѣшней политики. Непосредственно завѣдуя черезъ хакимовъ *милиціей* (сипà) всѣхъ вообще вилаетовъ ханства, къ суду онъ относился лишь какъ полицейскій надзиратель, имѣя право приставить къ каждому казй (судьѣ) такъ называемаго Датху (داد خواه), который присутствовалъ въ *казй-ханѣ* частію для надзора за порядкомъ и частію для надзора за дѣйствіями самого казія, вѣра въ неподкупность котораго давно уже поколебалась и въ народѣ, и въ самомъ его правительствѣ. Такимъ образомъ Кокандское ханство по наружности обратилось въ настоящее государство и стало однимъ изъ наиболѣе видныхъ въ Туранѣ.

Выше уже было сказано, что во время взятія Туркестана войсками Омаръ-хана, бухарскій правитель этого го-

---

[1]) Ими вѣдалъ *Найбъ-Датхà*.

рода, Токай-Турё, бѣжалъ. Явившись къ эмиру, онъ сталъ просить его помощи. По приказу послѣдняго, Токай-Турё былъ снабженъ нѣсколькими стами человѣкъ всякаго сброда и отправленъ съ ними обратно, противъ Туркестана. Прійдя сюда, они расположились между Туркестаномъ и Сузакомъ; въ послѣднемъ кокандскихъ войскъ не было, а потому Токай-Турё занялъ его безъ выстрѣла и рѣшилъ отсюда уже повести военныя дѣйствія противъ главной своей цѣли, Туркестана.

Какъ только извѣстіе о занятіи Сузака дошло до Ташкента, отсюда немедленно же былъ посланъ Базаръ-бай-Богадуръ съ 300 двуконныхъ сипаевъ. Къ Сузаку они прибыли на четвертые сутки и прямо съ дороги пошли на штурмъ, опасаясь, что въ противномъ случаѣ киргизы (Казàкъ) могутъ собраться и принять сторону своего сородича, Токай-Турё. Нукера послѣдняго бѣжали; самъ онъ заперся было въ цитадели, но, дождавшись ночи, тоже бѣжалъ, оставивъ кокандцамъ значительную добычу. Черезъ нѣсколько времени стало извѣстнымъ, что онъ скрылся въ Бухарѣ.

(Впослѣдствіи тамъ же его зарѣзалъ знаменитый своей лютостью Эмиръ-Насруллà).

Отнюдь не отказываясь отъ мысли вернуть себѣ Ура-тюбе, въ іюлѣ 1235 (1819) года Омаръ-ханъ собираетъ войска и выступаетъ съ ними въ Ходжентъ. Пробывъ здѣсь двое сутокъ, онъ дѣлаетъ переходъ на Ханъ-Курукъ, а отсюда въ Сарай-кишлакъ. Здѣсь его встрѣчаютъ войска Раимъ-Диванбеги; не принявъ сраженія, они отступаютъ и запираются въ Ура-тюбе. Омаръ-ханъ приступаетъ къ осадѣ. На слѣдующій же день утромъ былъ открытъ страшный орудійный огонь, почти не прекращавшійся до полудня, когда кокандскія войска были почему то отведены ханомъ отъ стѣнъ осаждаемаго города въ лагерь.

Вслѣдъ за этимъ отступленіемъ непріятеля, Ура-тюбинцы въ значительныхъ силахъ сдѣлали противъ лагеря вылазку, для отраженія которой были посланы Хушвактъ-Кушбеги, Мирза-Раимъ, Ханъ-ходжа, Миръ-асатъ и Абду-Керимъ-Датха. Послѣ очень упорной схватки, нукера Раимъ-Диванбеги бѣжали въ городъ и едва успѣли запереть ворота, имѣя за собой болѣе 2000 кокандской кавалеріи.

Вечеромъ того же дня Омаръ раздавалъ награды наиболѣе отличившимся изъ тѣхъ, кто ходилъ противъ вылазки. Однако же, не смотря на этотъ временный успѣхъ и вызванное имъ крайне благопріятное настроеніе войскъ, ханъ, сильно сомнѣваясь въ возможности овладѣнія городомъ, снялъ осаду и отступилъ въ Ходжентъ.

Сюда же, одновременно съ этимъ, пришли вѣсти о томъ, что ѣдитъ Хаджи-Миръ-Курбанъ, ходившій въ качествѣ посла въ Стамбулъ къ Султану и что на обратномъ пути, въ Хивѣ, къ нему присоединилось посольство Хивинскаго хана. Въ виду этихъ извѣстій Омаръ остался на нѣсколько дней въ Ходжентѣ, принялъ здѣсь обоихъ пословъ и затѣмъ уже, въ сопровожденіи ихъ, съ пышной свитой возвратился въ Коканъ.

(Здѣсь въ честь хивинскаго посольства былъ устроенъ цѣлый рядъ празднествъ. Въ началѣ мѣсяца Шабâна послы отправились въ обратный путь; проводить ихъ былъ посланъ Абду-Халыкъ Караулбегй, которому были вручены: ярлыкъ на имя хивинскаго хана, искавшаго дружбы и союза съ Омаромъ противъ Бухары, а равно и дорогіе подарки—золото, серебро, кони, сбруя, китайскія шелковыя матеріи и пр.).

Въ декабрѣ 1236 (1820) года весь дворъ собрался въ далекій и трудный по тому времени путь, въ Ташкентъ, гдѣ должно было совершиться обрѣзаніе второго сына Омаръ-хана, послѣ котораго Абдулла-бекъ [1]) имѣлъ быть назначеннымъ хакимомъ Ташкентскаго вилаета.

Направились обычной тогда дорогой черезъ Кендыръ-Дованъ и Той-тюбе. 1000 человѣкъ шло впереди, дабы проложить дорогу или, вѣрнѣе, тропу въ глубокихъ горныхъ снѣгахъ.

На перевозѣ гаремъ отсталъ отъ хана, чуть не заблудился во время ночной вьюги и чуть было не заморозилъ 2-хъ лѣтняго Султанъ-Махмудъ-бека. Нѣсколько женщинъ отморозили себѣ руки и ноги.

На Чирчикѣ была устроена пышная ханская охота, а отъ Куйлюка до Ташкентской урды (около 7 верстъ) былъ

---

[1]) Имя матери Абдулла-бека не извѣстно.

сдѣланъ *пайандазъ*, дорога, устланная разными матеріями. Празднествами, предшествующими обрѣзанію (такъ называемый *туй*), распоряжался тогдашній ташкентскій хакимъ Ляшкѐръ-Кушбеги.

По совершеніи обрѣзанія былъ произведенъ смотръ ташкентскимъ войскамъ, роздана обильная милостыня бѣднымъ и награды служащимъ, послѣ чего Абдулла-бекъ назначенъ ташкентскимъ хакимомъ, Ляшкеръ-Кушбеги оставленъ здѣсь же въ качествѣ его помощника (заправлявшаго всѣми дѣлами за несовершенно-лѣтіемъ бека), а дворъ той же дорогой, черезъ горы, направился въ Коканъ.

Вскорѣ по возвращеніи сюда Омаръ-хана, ему донесли на престарѣлаго Раджаба-Кушбегі, что будто бы онъ задумалъ привезти изъ Каратегина Ибраимъ-бека (сынъ Алимъ-хана, изгнанный по смерти отца Омаромъ въ Каратегинъ) и посадить его на престолъ. Омаръ-ханъ отвѣтилъ доносчикамъ, что онъ не вѣритъ ихъ клеветѣ, но тѣмъ не менѣе удалилъ отъ себя Раджаба.

Кому понадобилось извести послѣдняго, не извѣстно, извѣстно только, что доносъ былъ сдѣланъ во второй разъ и опять безуспѣшно. Тогда клеветники написали письмо Ибраимъ-беку отъ имени Раджаба-Диванбеги, похитили и приложили къ этому письму его печать; представивъ это письмо хану, они увѣрили его, что перехватили документъ отъ гонцовъ, посланныхъ будто бы въ Каратегинъ.

Однажды вечеромъ Омаръ-ханъ угрюмый сидѣлъ въ одной изъ внутреннихъ комнатъ урды, пилъ вино и былъ уже замѣтно пьянъ, какъ вдругъ велѣлъ позвать къ себѣ Раджаба. Тотъ явился поздно уже, почти ночью. Омаръ долго бесѣдовалъ съ нимъ, подарилъ ему халатъ и милостиво отпустилъ домой. На другой день всѣ придворные поздравляли Раджаба съ явными знаками ханскаго благоволенія. Въ это же самое время Омаръ-ханъ отдаетъ приказъ о переводѣ Иръ-Назаръ-бека, случайно бывшаго въ то время въ Коканѣ, изъ Курамы въ Тюря-Курганъ и велитъ Раджабу-Диванбеги отвезти и водворить Иръ-Назара въ Тюря-Курганѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же Иръ-Назаръ-бекъ получаетъ приказаніе умертвить дорогою Раджаба.

Оба отправились въ Тюря-Курганъ; дорогой остановились на почлегъ въ Ахсы. Ночью люди Иръ-Назара схватили спавшаго, ни въ чемъ неповиннаго старца, связали ружейными фитилями, положили въ большой мѣшокъ и бросили въ Дарью.

Раджабъ-Диванбеги умеръ 66 лѣтъ, имѣя старшій въ то время чинъ въ ханствѣ—*Везйръ-эль-Вузарà.*

Въ февралѣ того же 1236 (1820) года Омаръ-ханъ собралъ сорока-тысячный отрядъ и двинулся съ нимъ на Ура-тюбе. Отрядъ только что расположился на почлегъ въ Канибадамѣ, какъ изъ Ходжента прискакалъ гонецъ съ такой вѣстью: „въ Бухарѣ безпорядки; раздоръ между эмиромъ и его сыномъ Хусейнъ-Турё; послѣдній возсталъ противъ отца, собралъ кипчаковъ, каракалпаковъ, хытай и др., захватилъ въ Янги-Курганѣ Самаркандскаго хакима, Давлета-Кушбеги, и идетъ осаждать Самаркандъ“.

Омаръ-ханъ радуется и спѣшитъ къ Джизаку. Въ Кошъ-Тегерманѣ его встрѣтилъ совсѣмъ больной Махмудъ-ханъ-ходжа. Обойдя справа непокорное Ура-тюбе, Омаръ-ханъ направился по берегу Дарьи на Хайрабадъ и Чарбагъ-Дивана. Прійдя къ Джизаку, онъ лично подвелъ войска подъ самыя стѣны города и немедленно же открылъ канонаду.

Въ теченіи нѣсколькихъ часовъ этого перваго дня осады кокандцы потеряли около 500 человѣкъ одними только убитыми.

Махмудъ-чилимдàръ подаетъ хану *чилймъ* (кальянъ); непріятельская пуля поражаетъ его въ лобъ и онъ падаетъ; черезъ нѣсколько минутъ другая пуля ранитъ самого Омара; тогда его силой почти уводятъ въ палатку, разбитую вдали, внѣ ружейныхъ выстрѣловъ. Сраженіе продолжается до ночи.

На другой день утромъ навозятъ хворосту, дабы заполнить имъ часть крѣпостного рва и дать такимъ образомъ войскамъ возможность взойти на стѣны. Вмѣстѣ съ тѣмъ ведутъ подземный ходъ подъ крѣпостную стѣну съ тѣмъ, чтобы ворваться въ городъ и отсюда, но эту роботу должны были бросить, далеко не доведя ее до конца, такъ какъ она была открыта главнымъ защитникомъ Джизака, Абду-Ресулемъ, младшимъ братомъ самаркандскаго хакима Давлета-Кушбеги.

Въ это же самое время Омару докладываютъ, что Хусейнъ-Туре ждетъ его помощи для осады Самарканда, а вслѣдъ затѣмъ къ хану является, въ сопровожденіи 1000 человѣкъ копницы, Давлетъ-Кушбеги, приноситъ подарки и тоже зоветъ въ Самаркандъ (быть можетъ, имѣя въ виду отвлечь Омара отъ Джизака, гдѣ осажденъ его младшій братъ).

Приближенные (Султанъ-ханъ-Туре, Маасумъ-ханъ-ходжа и Махмудъ-ханъ-ходжа) отговариваютъ Омара, совѣтуютъ ему не зарываться и помнить, что, въ случаѣ движенія на Самаркандъ, въ тылу у нихъ останутся Ура-тюбе и Джизакъ.

Отпустивъ самаркандцевъ, Омаръ-ханъ снова принялся за осаду (Джизака).

Джиляударъ-Инакъ съ 500 человѣкъ сдѣлалъ было оттуда вылазку, но никакихъ положительныхъ результатовъ не достигъ, былъ раненъ нѣсколькими пулями и на третій день померъ.

Осада продолжалась болѣе двухъ недѣль, по истеченіи которыхъ Омаръ-ханъ, не взявъ города и понеся большія потери въ людяхъ и лошадяхъ, возвратился въ Ходжентъ, а оттуда въ Коканъ.

Вслѣдъ за этимъ Махмудъ-ханъ-ходжа сильно заболѣлъ, оставилъ въ Кошъ-Тегерманѣ на мѣсто себя довѣренное лицо, а самъ отправился въ Коканъ, гдѣ и умеръ на пятый день послѣ пріѣзда. Желая почтить своего свойственника, Омаръ-ханъ велѣлъ устроить ему возможно пышные похороны, на которыхъ присутствовалъ лично.

Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти Махмудъ-ханъ-ходжи, Джаангиръ-Туре опять бѣжалъ было въ Кашгаръ, но, не расчитывая на успѣхъ, а потому боясь Омара, возвратился и засѣлъ у себя дома. Узнавъ объ этомъ новомъ побѣгѣ, ханъ велѣлъ арестовать его, при чемъ стражѣ было приказано никого не допускать до арестованнаго. Пищу, воду для омовеній и проч. приносили ханскіе нукера. Однако же черезъ нѣсколько дней Закиръ-ходжа и Маасумъ-ханъ выпросили Джаангира на поруки, послѣ чего ханъ отвелъ ему помѣщеніе въ урдѣ (для большаго удобства по части надзора) и далъ нѣкоторую свободу.

Въ началѣ зимы 1237 (1821) года Омаръ-ханъ посылалъ Сеидъ-Кулъ-бека (бывшаго одно время хакимомъ на-

мангавскаго вилаета) противъ Дашть-и-Кипчакъ для разграбленія тамошнихъ кочевниковъ, съ крайней неохотою подчинявшихся новому для нихъ господству кокандскаго хана.

Вскорѣ по возвращеніи Сеидъ-Кулъ-бека изъ этого похода, Омаръ-хану доложили, что за хребтомъ, идущимъ по сѣверной границѣ наманганскаго вилаета, находится другой, горный вилаетъ, именуемый Кетмень-тюбе, гдѣ проживаетъ три киргизскихъ рода: Багышъ, Саякъ и Сатика, что киргизы рода Сатика́ (или Сатока̀), занимаются почти исключительно разбоями, и что Нарбута-бій и Алимъ-ханъ тщетно старались подчинить себѣ это Кетмень-тюбе. (Алимъ посылалъ туда Ирисъ-Кулъ-бія). Омаръ-хана уговаривали подчинить себѣ названный вилаетъ и послать туда отрядъ именно зимою, когда киргизы наименѣе подвижны и наименѣе же способны, какъ къ защитѣ, такъ и къ нападенію.

Сеидъ-Кулъ-бекъ получилъ новую командировку и отправился съ отрядомъ въ горы. Черезъ перевалъ всѣмъ пришлось идти пѣшкомъ.

На укрѣпленіе Кетмень-тюбе Кокандцы напали ночью. Кетмень-тюбинцы бѣжали. Произведя страшные грабежи въ долинѣ Узунъ-Ахмата и захвативъ массу плѣнныхъ, Сеидъ-Кулъ-бекъ съ тріумфомъ вернулся въ Коканъ, гдѣ получилъ большія награды отъ хана.

Весной Омаръ пожелалъ предпринять partie de plaisir въ сопровожденіи всего гарема и остальной, мужской части своего двора. Громадный кортежъ потянулся сначала въ Тюря-Курганъ, а оттуда съ охотой, съ *Кокбурѝ* (скачка съ козломъ) и другими забавами, въ Касанъ.

Въ Касанѣ ханъ посѣтилъ всѣ мазары, переночевалъ и затѣмъ на другой день всѣ тронулись къ мазару Сафитъ-булянъ. Ханъ поклонился священнымъ могиламъ нѣкогда павшихъ здѣсь арабовъ и въ этотъ же день вернулся въ Касанъ; на слѣдующій день опять въ Тюря-Курганъ; отсюда въ Наманганъ, Ахсы и Коканъ.

При выѣздѣ двора изъ Намангана поднялась буря, а на переправѣ черезъ Дарью тотъ *каюкъ*, на которомъ переправлялся гаремъ, понесло внизъ по рѣкѣ. Поднялся было страшный переполохъ, но по счастію паромщикамъ удалось кое какъ пристать къ берегу нѣсколько ниже мѣста настоящей переправы.

Вскорѣ послѣ ухода Сеидъ-Кулъ-бека изъ Даштъ-и-Кипчакъ (окрестности Туркестана, Чимкента, Сайрама и Аулiэ-ата), куда онъ ходилъ по приказу хана въ началѣ зимы, киргизы (Казáкъ) задумали отложиться отъ Кокандскаго ханства, по какой причинѣ пригласили нѣкоего Тентя́къ-Турё, выдававшаго себя за потомка Тохтамыша, принять надъ ними начальство и открыть военныя дѣйствiя противъ Омара.

Около Туркестана къ Тентякъ-Турё собралось до 12000 киргизъ, съ которыми онъ немедленно же занялъ Сайрамъ и сдѣлалъ его своимъ опорнымъ пунктомъ.

Узнавъ объ этихъ событiяхъ уже по занятiи мятежниками Сайрама, Омаръ-ханъ собралъ военый совѣтъ, на которомъ его увѣрили, что все это пустяки и тутъ же рѣшили послать туда Абулъ-Касымъ-Аталыка.

Получивъ свѣдѣнiя о приближенiи Кокандскихъ войскъ, киргизы раздѣлились на двое: одни съ Тентякъ-Турё заперлись въ Сайрамѣ, а другiе въ Чимкентѣ, который былъ много надежнѣе и не задолго до этого тоже перешелъ въ ихъ руки.

Кокандцы обложили и Сайрамъ, и Чимкентъ. Послѣ продолжительной осады начались переговоры, которые кончились тѣмъ, что Тентякъ-Турё призналъ надъ собой власть хана и отослалъ въ Коканъ своего сына съ повинной. Вслѣдъ за послѣднимъ туда же вернулся и Абулъ-Касымъ-Аталыкъ.

Въ половинѣ лѣта *джарчй* (глашатые) повсемѣстно объявили ханскiй приказъ о томъ, что какъ военные, такъ равно и не военные, имѣющiе лошадей и оружiе, призываются въ походъ.

Въ Ходжентѣ собрался громадный отрядъ. Небольшая часть его съ юнымъ Мадали-бекомъ (сынъ Омара, при которомъ въ качествѣ наперстника состоялъ авторъ книги Мунтахабъ-эль-Таварихъ) осталась на мѣстѣ, а съ остальной, бо́льшей частью войскъ, Омаръ-ханъ двинулся впередъ и осадилъ Замѝнъ, который находился тогда подъ властью ура-тюбинскаго бека Раимъ-Диванбеги и управлялся очень храбрымъ и энергичнымъ Берды-Яромъ, сыномъ Турсунъ-Кунакъ-Диванбеги (рода Юзъ).

Послѣ ухода Омаръ-хана изъ Ходжента, оставленный тамъ съ гаремомъ и частью войскъ, Мадали-бекъ началъ кутить: дѣвицы, вино и проч.

Узнавъ объ этихъ пиршествахъ, Раимъ-Диванбеги двинулся изъ Ура-тюбе на Ходжентъ. Съ бо̀льшей частью нукеровъ онъ остался, значительно не доходя до Ходжента, грабить кишлаки, а нѣсколько десятковъ человѣкъ выслалъ впередъ, приказавъ имъ подойти къ самому Ходженту, нашумѣть и уйдти, стараясь заманить за собою Кокандцевъ.

Замыселъ этотъ чуть было не удался. Узнавъ о томъ, что непріятель былъ только что у самого Ходжента, пьяный одинадцати-лѣтній Мадали собираетъ на скорую руку нѣсколькихъ нукеровъ и летитъ въ погоню.

При выѣздѣ изъ города бека догналъ ходжентскій хакимъ Касымъ-Аталыкъ, объяснилъ ему въ чемъ дѣло и сталъ уговаривать вернуться. Видя, что Мадали пьянъ и не внемлетъ никакимъ доводамъ, Аталыкъ схватилъ его лошадь за поводья и потащилъ назадъ, въ городъ.

Разграбивъ нѣсколько кишлаковъ, подвластныхъ Ходженту, Раимъ-Диванбеги вернулся въ Ура-тюбе, а Мадалибекъ временно бросилъ кутежи и сталъ держать себя осторожнѣе.

Тѣмъ временемъ Омаръ-ханъ осаждалъ Заминъ. Сюда къ нему явился Анна̀-Кулӣ-Парваначӣ съ 4000 кипчаковъ, каракалпаковъ и хытай.

Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ Ауліэ-Махрамбашӣ въ качествѣ посла отъ шахрисябзскаго бека, Даніалъ-Парваначӣ, который предлагалъ Омару соединиться и идти вмѣстѣ на Самаркандъ. (Съ тѣмъ же предложеніемъ пріѣхалъ и Анна̀-Кулӣ). Омаръ-ханъ наотрѣзъ отказался отъ похода на Самаркандъ, ибо ему не мало хлопотъ было и съ Заминомъ, защитникъ котораго оказался очень опаснымъ и энергичнымъ соперникомъ. Въ кокандскихъ войскахъ чувствовался крайній недостатокъ въ провіантѣ, фуражѣ и главнымъ образомъ въ водѣ (стояли сильные жары).

Въ отрядѣ обнаружилось значительное число больныхъ; были случаи смерти отъ жажды.

Тогда Омаръ-ханъ отступилъ къ Кичӣкъ-Замӣну (Заминча̀) и взялъ его лишь съ очень большими потерями.

Паденіе Кичӣкъ-Замӣна произвело въ большомъ Заминѣ панику. Когда приближенные доложили объ этомъ хану, онъ рѣшилъ было на другой же день идти на штурмъ, но

тѣ-же приближенные, отнюдь не имѣвшіе вкуса къ столь опаснымъ забавамъ, стали доказывать Омару, что дѣлать этого не стоитъ, что послѣ взятія Кичикъ-Замина не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ полной возможности овладѣть Заминомъ во всякое время, если бы это понадобилось. Омаръ-ханъ поспѣшилъ согласиться съ этими доводами и велѣлъ войскамъ собираться въ обратный путь.

Въ этотъ же день онъ роздалъ награды той кипчакской и каракалпакской знати, которая приходила съ Анна-Кулй и участвовала во взятіи Кичикъ-Замина. Вмѣстѣ съ тѣмъ Хушвактъ-Кушбеги и Арсланъ-бекъ-Датха получили разрѣшеніе присоединиться со своими нукерами къ Анна-Кулй и идти съ нимъ подъ Самаркандъ.

(Вскорѣ же, видя, что дѣла не клеятся, а защита Самарканда упорна, они ушли сначала въ Ташкентъ, а затѣмъ въ Коканъ). . . . .

По возвращеніи Омаръ-хана изъ похода въ Заминъ, въ урдѣ шелъ безпрерывный рядъ пиршествъ; вино, дѣвы и батчй (плясуны мальчики) почти не сходили со сцены; лишь время отъ времени ихъ смѣняли чтецы и поэмы, воспѣвавшіе въ своихъ стихахъ, главнымъ образомъ, своего державнаго мецената.

Въ концѣ лѣта къ Омаръ-хану явились купцы, ведшіе торговлю съ Кашгаромъ, и заявили ему жалобу на киргизъ рода Сары-багышъ, которые ежегодно грабили ихъ на большой дорогѣ за Ошемъ. Ханъ разгнѣвался и послалъ Бекъ-Назаръ-бія съ родомъ Кутлукъ-Сеидъ (собственно отдѣленіе рода багышъ; живутъ на сѣверъ отъ г. Чуста и Касана) наказать Сары-багышей.

Бекъ-Назаръ-бій получилъ приказаніе сначала возвратить все ограбленное у купцовъ, а затѣмъ разграбить ближайшихъ къ дорогѣ Сары-багышей. На помощь Кутлукъ-Сеидомъ былъ высланъ отрядъ ханскихъ войскъ. Произведя страшные грабежи и убійства, среди которыхъ не щадили ни женщинъ, ни дѣтей, забравъ большую добычу (главнымъ образомъ скотъ) и массу плѣнныхъ, бекъ-Назаръ-бій вернулся въ Коканъ.

Наступила осень; Омаръ-ханъ пожелалъ, по обыкновенію, ѣхать на охоту въ Маргеланъ и Андижанъ, но среди

приготовленій къ этой охотѣ занемогъ и послѣ 17-дневной болѣзни скончался (1237—1821).

Омаръ умеръ утромъ. Какъ только вѣсть о его смерти разнеслась по городу, кокандская знать стала стекаться въ урду. Въ полдень Мадали былъ единогласно провозглашенъ ханомъ, при чемъ всѣ присутствующіе просили его, по возможности, подражать покойному отцу.

Тѣмъ временемъ покойника обмыли, обрядили въ саванъ и вынесли на внѣшній дворъ, гдѣ по немъ была отслужена *джаназà* (соотвѣствуетъ нашей панихидѣ), послѣ чего, при стеченіи громадной толпы народа, трупъ Омара съ воплями и причитаніями понесли на кладбище.

Въ теченіи семи дней при дворѣ—полный трауръ и поминки съ кормленіемъ народа и, главнымъ образомъ, нищихъ.

На восьмой день *Мадали-ханъ*, которому было тогда около 12 лѣтъ, фактически вступилъ въ управленіе дѣлами.

Это былъ мальчикъ своеправный, избалованный, капризный, злой, испорченный и нравственно, и физически, и лестью придворныхъ, и виномъ, и женщинами, и примѣромъ окружавшей его придворной жизни.

На восьмой же день по смерти отца Мадали-ханъ устранилъ отъ себя Хакимъ-ханъ-Турё (сынъ Маасумъ-ханъ-ходжи и авторъ „Мунтахабъ-эль-Таварихъ"), бывшаго до тѣхъ поръ его товарищемъ и наперстникомъ. Хакимъ-ханъ-Турё былъ временно назначенъ хакимомъ въ Тюря-Курганъ.

Черезъ нѣсколько дней почти та-же участь, безъ всякой повидимому причины, постигла и Маасумъ-ханъ-ходжу, всѣми уважаемаго тогда старика, вѣрой и правдой служившаго и дядѣ, и отцу Мадали-хана.

Вечеромъ Маасумъ-ханъ-ходжа возвращался домой изъ своего загороднаго сада; на дорогѣ его встрѣтилъ посланый съ письмомъ отъ хана, въ которомъ послѣдній совѣтовалъ ему, во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній, немедленно же ѣхать на поклоненіе въ Мекку тѣмъ болѣе, что это путешествіе ко святымъ мѣстамъ было давнишнимъ желаніемъ Шейхъ-уль-Ислама.

Маасумъ-ханъ, очень равнодушно принявъ это извѣстіе, сказалъ посланному, что благодаритъ хана за милость и тотчасъ же отправился въ урду, дабы проститься съ Мадали, который родился и выросъ на его глазахъ.

Узнавъ о пріѣздѣ Маасума, Мадали скрылся во внутреннихъ комнатахъ. Понявъ, что они имѣютъ дѣло съ опальнымъ, присутствовавшіе придворные отъ себя предложили ему подождать въ одной изъ комнатъ ханскаго *рѣшенія*, при чемъ кто-то даже сообщилъ ему, якобы онъ арестованъ. Воображая, что его, вѣроятно, сейчасъ же зарѣжутъ, Маасумъ-ханъ-ходжа попросилъ позвать къ нему Хакъ-Кули-бія, вручилъ ему свой золотой поясъ, украшенный драгоцѣнными камнями и стоившій около 6000 тиллей (около 22800 р. сер.) и просилъ бія продать эту драгоцѣнность и уплатить всѣмъ тѣмъ, кому онъ, Маасумъ, можетъ быть должнымъ. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ Курчи-бій и передалъ Маасумъ-ханъ-ходжѣ приказаніе немедленно выѣхать изъ Кокана.

Въ эту же ночь, въ сопровожденіи лишь нѣсколькихъ слугъ, изгнанникъ отправился въ путь. Въ Туркестанѣ онъ присоединился къ каравану, съ которымъ благополучно добрался до Хивы.

Заслышавъ о прибытіи сюда Кокандскаго Шейхъ-уль-Ислама, Раимъ-ханъ выслалъ на встрѣчу ему своего младшаго сына, а когда Маасумъ-ханъ-ходжа являлся къ нему въ Хивѣ, Раимъ-ханъ всталъ съ мѣста и сдѣлалъ на встрѣчу ему нѣсколько шаговъ.

Вскорѣ послѣ изгнанія Маасумъ-ханъ-ходжи (въ началѣ зимы 1238 года), Хакимъ-ханъ-Турё получилъ извѣстіе, что на мѣсто его посланъ Иръ-Назаръ-бекъ (тотъ самый, которому при Омарѣ было поручено умертвить Раджабъ-Диванбеги), а самъ онъ вызывается въ Коканъ.

Понимая, что тутъ кроется что-то очень неладное, лица, близкія къ Хакимъ-ханъ-Турё, совѣтовали ему захватить Иръ-Назара, отвести на всѣхъ переправахъ паромы на правый берегъ Дарьи и начать военныя дѣйствія противъ Мадали-хана съ тѣми 4000 нукеровъ, которые имѣются въ его распоряженіи. По ихъ мнѣнію на успѣхъ можно было-бы расчитывать смѣло, ибо, во первыхъ, въ самомъ Коканѣ

найдется не мало людей, преданныхъ и ему, и его отцу, изгнаніе котораго вызвало уже большія неудовольствія, а во вторыхъ, ходятъ слухи, что въ Ура-тюбе, при Раимъ-Диванбеги находится будто бы сынъ Алимъ-хана, Ибраимъ-бекъ (изгнанный Омаромъ), который отнюдь не оставляетъ своихъ претензій на Кокандскій престолъ и ждетъ только удобнаго случая, чтобы идти противъ Мадали-хана.

Хакимъ-ханъ-Туре наотрѣзъ отказался принять поданный ему совѣтъ, очень вѣжливо принялъ Иръ-Назаръ-бека, передалъ ему свою должность и съ 40 нукерами отправился въ Коканъ. Верстахъ въ 8 отъ города его арестовали и отвели въ его же собственный загородный садъ, который былъ уже окруженъ двумя стами наемныхъ авганцевъ [1].

Большая часть людей, находившихся при Хакимъ-ханъ-Туре, разбѣжалась; при немъ осталось только 4 человѣка. Ночью онъ былъ разбуженъ слугой, который въ страшномъ испугѣ сообщилъ ему, что у воротъ стоятъ ханскіе палачи.

Хакимъ-ханъ-Туре велѣлъ подать себѣ воды, сдѣлалъ омовеніе, прочиталъ намазъ и сѣлъ посреди комнаты въ ожиданіи смерти. Черезъ нѣсколько времени тотъ же слуга доложилъ о томъ, что палачи отозваны, а за всѣмъ этимъ явился ханскій посланный съ приказаніемъ немедленно, ночью же, собраться въ дорогу и ѣхать въ Мекку.

За Ташкентомъ изгнанника догналъ Пазыль-бекъ съ нѣсколькими нукерами и объявилъ, что ему приказано проводить опальнаго до Туркестана. На Арысѣ, тоже съ нукерами, ихъ догналъ Мадъ-Юсупъ-Тункатàръ. Воображая, что это убійцы, Хакимъ-ханъ-Туре совсѣмъ уже было палъ духомъ, однако же оказалось, что Тункатàръ тоже изгнанникъ.

Когда сопровождавшіе его нукера объявили объ этомъ Тункатàру, отправленному изъ Кокана подъ другимъ какимъ-то предлогомъ, онъ началъ громко ругать Мадали-хана, не смотря на увѣщанія присутствовавшихъ оставить это безполезное занятіе.

---

[1]) Наемные авганцы, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, имѣлись въ Кокандскихъ войскахъ еще при Омаръ-ханѣ. Они же, между прочимъ, караулили и Джаангиръ-Туре, когда тотъ находился подъ арестомъ послѣ его неудачнаго побѣга въ Кашгаръ.

Эта сцена разсмѣшила Хакимъ-Ханъ-Турё, и онъ сталъ подсмѣиваться надъ товарищемъ по несчастью, который при Омаръ-ханѣ частенько издѣвался и надъ нимъ, и надъ другими придворными. (Мадъ-Юсупъ-Тупкатàръ былъ острякъ и притомъ немножко поэтъ. Изрѣдка писалъ стихи. Имъ же, между прочимъ былъ сложенъ *тарйхъ* (хронограмма) на смерть бывшаго уратюбинскаго бека Махмудъ-ханъ-ходжи).

Въ Туркестанѣ нукера объявили всѣмъ тремъ ханскій приказъ: Хакимъ-ханъ-Турё изгоняется въ Россію (въ Сибирь), а Назылъ-бека и Маръ-Юсупа велѣно отвезти въ Хиву. Всеобщее изумленіе. Хакимъ-ханъ-Турё былъ выпровожденъ въ степь и предоставленъ самому себѣ, а остальныхъ двухъ, отведя за нѣсколько верстъ отъ Туркестана, зарѣзали послѣ разнаго рода надругательствъ и истязаній.

(Натерпѣвшись много невзгодъ, тою же зимою Хакимъ-ханъ-Турё добрался до Омска, откуда черезъ европейскую Россію проѣхалъ въ Египетъ, Аравію и Персію. Въ 1243 (1827) году онъ пріѣхалъ въ Бухару, гдѣ встрѣтился съ Раимомъ-Диванбегй, который пригласилъ его къ себѣ, въ Ура-тюбе. Въ Коканъ Хакимъ-ханъ-Турё вернулся лишь послѣ смерти Мадали-хана).

Вслѣдъ за эти событіями въ Россію же (куда именно неизвѣстно) былъ изгнанъ Юсупъ-Парваначй (бывшій Амиръ-Ляшкèръ Омаръ-хана); имущество его было частью конфисковано, частью разграблено ханскими нукерами.

За тѣмъ на одномъ изъ дворовъ ханской урды по наговорамъ были зарѣзаны Хушвактъ-Кушбегй и Иръ-Назаръ-бекъ, послѣ чего тайные убійцы отправились съ секретнымъ ханскимъ приказомъ въ Ташкентъ, гдѣ погибъ юный Абдулла-бекъ, считавшійся въ теченіи послѣднихъ 2-хъ лѣтъ тамошнимъ хакимомъ.

Такимъ образомъ въ самомъ непродолжительномъ времени по вступленіи Мадали-хана на престолъ всѣ почти убѣдились, что надежды, возлагавшіяся на него, очевидно, никогда не оправдаются. Звѣрствомъ своимъ юный кровопійца ровно никого не удивилъ и, пожалуй, не устрашилъ даже, но за то на первыхъ же порахъ его царствованія образовалась большая партія недовольныхъ, которая, какъ увидимъ ниже, съ теченіемъ времени все росла и росла.

При Омаръ-ханѣ, ходжи претендовавшіе на обладаніе Кашгаромъ, хотя и находились подъ полицейскимъ надзоромъ, тѣмъ не менѣе пользовались большимъ почетомъ и были приняты при дворѣ, а нѣкоторые изъ нихъ получали даже и субсидіи отъ хана.

Съ воцареніемъ Мадали къ нимъ стали относиться съ пренебреженіемъ. Крайне недовольные этимъ и не покидавшіе своихъ исконныхъ мечтаній, Джаангиръ-Турё и Турё-ханъ-Турё бѣжали. Гдѣ-то между Ошемъ и Андижаномъ они были пойманы, арестованы и доставлены обратно въ Коканъ.

Турё-ханъ-Турё получилъ свободу, а Джаангиръ остался подъ арестомъ. На его несчастье (ибо это привело его впослѣдствіи къ ужасной смерти въ Пекинѣ) лѣтомъ 1238 (1822) года въ Ферганѣ случилось страшное землетрясеніе, небывалое на памяти лѣтописцевъ ни раньше, ни послѣ этого.

(Говорятъ, что подземные удары продолжались послѣдовательно, съ небольшими промежутками около двухъ недѣль. Разрушилось много зданій. Большинство, боясь повторенія ужасной катастрофы, долгое время жили въ шалашахъ и палаткахъ, не рискуя входить въ уцѣлѣвшіе дома. Мулла-Авазъ-Матъ, описывая это землетрясеніе, говоритъ, что отъ горъ отрывались цѣлыя скалы, земля разверзалась и изъ этихъ трещинъ выходили пламя и дымъ).

Пользуясь всеобщимъ переполохомъ, произведеннымъ землетрясеніемъ, Джаангиръ-Турё снова бѣжалъ и на этотъ разъ безпрепятственно добрался до Алая. Проскитавшись здѣсь около 2-хъ лѣтъ, онъ собралъ наконецъ нѣсколько сотъ алайскихъ киргизъ и направился съ ними въ Кашгаръ. Дорогою значительная часть плохо вооруженныхъ ратниковъ разбѣжалась.

Джаангиръ добрался кое-какъ до мазара Султанъ-Сату̀къ-Багра-ханъ (здѣсь же похороненъ Сеидъ-Апа̀къ) и послалъ отсюда Хасанъ-ходжу въ Кызылъ-су, къ тамошнимъ мусульманамъ, за подкрѣпленіемъ.

Вслѣдъ за отъѣздомъ Хасанъ-ходжи, Джаангиру дали знать, что китайцы прослышали уже о немъ и идутъ къ мазару въ числѣ 4000 человѣкъ. Услышавъ о китайцахъ, киргизы бросились назадъ. Съ Джаангиромъ на мазарѣ осталось 17 человѣкъ. Ночью Джаангиръ тайкомъ ушелъ со слу-

гой изъ мазара и спрятался въ одной изъ пустыхъ могилъ кладбища. Передъ разсвѣтомъ небольшой китайскій отрядъ дѣйствительно приходилъ на мазаръ, вырѣзалъ остававшихся тамъ 16 человѣкъ киргизъ и затѣмъ вернулся, не подозрѣвая близкаго присутствія самого Джаангира. Дня черезъ 2 или 3 на мазаръ же пришло отъ 5 до 6 тысячъ киргизъ рода Чунъ-Багышъ, которые, узнавъ о приходѣ Джаангира, пожелали присоединиться къ нему и идти съ нимъ противъ невѣрныхъ. Вслѣдъ за чунъ-багышами Хасанъ-ходжа привелъ подкрѣпленіе и съ Кызылъ-су. Тогда Джаангиръ-Турё двинулся къ Кашгару, овладѣлъ предмѣстьями города, но Гульбàхомъ (кашгарская цитадель) овладѣть не могъ очень долгое время.

Весною 1241 (1826) года приближенные Мадали-хана стали усиленно совѣтовать ему исполнить просьбу Джаангиръ-Турё и идти на помощь къ нему противъ китайцевъ. Они особенно упирали на то, что война эта — *газàтъ* (священная война противъ невѣрныхъ), который дастъ хану громкій титулъ *газѝ*; это во первыхъ, а во вторыхъ, по слухамъ въ Гульбахѣ имѣется чуть не цѣлый складъ *ямбъ* (китайск. монета). Услышавъ про ямбы, Мадали-ханъ не выдержалъ и сталъ созывать войска на *газатъ*.

Изъ Ура-тюбе къ нему явился Абдурахманъ-бекъ съ 300, а изъ Шахрисябза Аппà-бекъ съ 200 нукеровъ. Мадали выступилъ въ іюнѣ. Къ этому времени Джаангиръ-Турё, хотя и не успѣлъ еще овладѣть нетолько всѣмъ Итышàромъ, но даже и кашгарскимъ Гульбахомъ, обладалъ уже значительнымъ количествомъ, сравнительно хорошо вооруженныхъ, войскъ, и денегъ доставлявшихся ему богатыми кашгарскими мусульманами.

(По этому послѣднему поводу народная молва гласитъ цѣлый рядъ легендъ, изъ которыхъ я позволю себѣ привести лишь нѣкоторыя: 1) Одинъ хутонскій богачъ—мусульманинъ прислалъ въ подарокъ шкатулку, наполненную драгоцѣнностями. Джаангиръ-Турё собралъ купцовъ и просилъ ихъ оцѣнить присланный ему подарокъ. Послѣ долгихъ совѣщаній оцѣнщики отвѣтили ему такъ: „если поставить 12-ти лѣтняго мальчика и сыпать на него золотыя монеты до тѣхъ поръ, пока его не станетъ видно, то тогда стоимость этого

золота будетъ равна стоимости шкатулки". 2) Дочь одного яркендскаго купца прислала Джаангиру 600 воиновъ въ золотомъ вооруженіи).

Подойдя къ Кашгару, Мадали-ханъ былъ крайне удивленъ тѣмъ, что Джаангиръ-Турё такъ долго просившій его помощи, не выѣхалъ къ нему навстрѣчу; онъ отправилъ въ Кашгаръ пословъ, которымъ поручилъ требовать немедленнаго же свиданія. Вполнѣ уже оперившійся и, кромѣ того, сильно недовѣрявшій кокандскому хану, Джаангиръ отвѣтилъ, что онъ согласенъ видѣться съ Мадали, но при томъ лишь условіи, чтобы свиданіе это произошло въ виду обоихъ отрядовъ, во первыхъ, а во вторыхъ, чтобы во время свиданія оба не слѣзали бы съ лошадей.

Волей-неволей Мадали-хану пришлось принять эти условія и признать такимъ образомъ равенство между собою и Джаангиромъ, мечтавшимъ не сегодня—завтра сдѣлаться повелителемъ всего Итышара (Кашгаръ).

На другой день послѣ свиданія Джаангира съ послами оба отряда были сведены и выстроились одинъ противъ другаго. Съ одной стороны выѣхалъ Джаангиръ въ сопровожденіи Султанъ-Турё, а съ другой Мадали-ханъ съ Ханъ-Кулйбіемъ. Джаангиръ-Турё, не слѣзая съ лошади, поздравилъ Мадали-хана съ приходомъ, пожелалъ ему взять Гульбахъ, повернулъ коня и уѣхалъ. Мадали съ мѣста повелъ войска на осаду Гульбаха. Осада эта продолжалась по однимъ 12, а по другимъ 15 дней. Послѣ значительныхъ потерь, понесенныхъ здѣсь кокандцами въ теченіи первыхъ же дней осады, нукера Мадала-хана стали разбѣгаться, послѣ чего и самъ ханъ, необладавшій ни настойчивостью, ни энергіей, снялся и отправился обратно въ Коканъ. Значительно позже ухода Мадали-хана изъ подъ Кашгара, Джаангиръ-Турё взялъ таки Гульбахъ, послѣ чего овладѣлъ и всѣмъ Итышаромъ, но продержался здѣсь всего около 9 мѣсяцевъ.

Сдѣлавшись обладателемъ и повелителемъ Кашгара, Джаангиръ предался исключительно пьянству и разврату, совсѣмъ почти оставивъ государственныя дѣла. Нѣкоторые изъ приближенныхъ нѣсколько разъ предостерегали и уговаривали его, но онъ не слушалъ. О прибытіи новыхъ китайскихъ войскъ Джаангиръ узналъ тогда только, когда они

были уже въ трехъ дняхъ пути отъ города Кашгара. Второняхъ на встрѣчу имъ былъ посланъ Турё-ханъ-Турё. Послѣ понесеннаго имъ пораженія, сарты бѣжали, а китайцы ворвались по ихъ пятамъ въ Кашгаръ, гдѣ произвели ужасное избіеніе мусульманъ. Нѣсколько ходжей (Турё-ходжа, Муса-ханъ-ходжа и др.) попались въ плѣнъ и были отправлены въ Пекинъ. Джаангиръ-Турё съ нѣсколькими людьми бѣжалъ на Алай, но китайцы преслѣдовали его и тамъ.

Узнавъ объ этомъ преслѣдованіи, Мадали-ханъ отправилъ отрядъ на выручку Джаангира, котораго онъ защищалъ въ данномъ случаѣ только какъ единовѣрца — мусульманина отъ невѣрныхъ, кяфировъ. Однако же помощь эта пришла слишкомъ поздно. Алайскіе киргизы, изъ страха, выдали Джаангира китайцамъ, которые отправили знаменитаго авантюриста въ Пекинъ, гдѣ онъ показывался народу въ желѣзной клѣткѣ, сошелъ съ ума отъ ужаснаго съ нимъ обращенія и наконецъ былъ казненъ.

Получилъ извѣстіе о гибели Джаангира, Мадали-ханъ вырвалъ бороды старшимъ офицерамъ того отряда, который посылался на выручку, но не выручилъ злополучнаго искателя правъ на кашгарскій тронъ.

Въ концѣ лѣта (или въ началѣ осени) 1241 (1826) года бухарскій эмиръ Хайдаръ прислалъ Мадали-хану, только что вернувшемуся изъ своего, безславнаго впрочемъ, похода на невѣрныхъ, дорогіе подарки съ посломъ Исматулла-біемъ. Когда Исматулла-бій возвращался въ Бухару, Мадали отправилъ съ нимъ свое посольство (Султанъ-хана и Азимъ-бай-Датху) съ отвѣтными подарками эмиру. Во время возвращенія этого кокандскаго посольства во свояси, дорогой оно осталось въ Ура-тюбе, на службѣ у Раима-Диванбегі, по прежнему враждебнаго кокандскому хану.

Получивъ донесеніе объ этой измѣнѣ двухъ сановниковъ ханства и объ укрывательствѣ, чинимомъ имъ Раимомъ-Диванбегі, Мадали-ханъ собралъ отрядъ, выступилъ съ нимъ изъ Ферганы и обложилъ Ура-тюбе. Послѣ непродолжительной осады онъ отступилъ нѣсколько къ сторонѣ Ургута, заложилъ здѣсь крѣпостцу, оставилъ въ ней Гадай-бай-Дахту, а самъ возвратился въ Коканъ.

(По другимъ источникамъ походъ этотъ былъ вызванъ тѣмъ будто-бы, что Ханъ-Кули-бій посылалъ въ Ура-тюбе

своего сына по частнымъ дѣламъ, а Раимъ-Диванбегй, временно арестовалъ посланнаго, отобралъ все находившееся при немъ имущество. Это говоритъ, впрочемъ, авторъ Мунтахàбъ-Эль-таварйхъ, который въ данное время находился въ изгнаніи).

Насталъ роковой для Бухары 1242 (1826) годъ, когда на мѣсто эмира Хайдара вступилъ жестокій, ненасытно-кровожадный эмиръ Насрулла.

Къ Коканъ пришло извѣстіе о томъ, что одинъ изъ родственниковъ эмира, Омаръ-ханъ, бѣжалъ изъ Бухары черезъ Каратегинъ и прибылъ въ Маргеланъ. Мадали отправилъ на встрѣчу ему людей и звалъ въ Коканъ. Здѣсь бѣглаго принца приняли очень радушно и черезъ нѣсколько же дней женили на дочери одного изъ приближенныхъ Мадали-хана, Исхàка-Диванбегй, но вскорѣ же въ Коканъ явились тайные убійцы, подосланные эмиромъ; Омаръ былъ отравленъ, а трупъ его увезли въ Бухару.

По возвращеніи изъ кашгарскаго похода Мадали-ханъ совсѣмъ почти забросилъ дѣла, которыми заправлялъ *минг-баший* (канцлеръ) Ханъ-Кули-бій, и съ какою-то нечеловѣческой ненасытностью предался вину и женщинамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ народъ, по крайней мѣрѣ населеніе самого города Кокана, всегда прекрасно знавшее, какъ живетъ и что дѣлаетъ ханъ и подстрекаемое духовенствомъ (или, вѣрнѣе, грамотѣями, ибо у мусульманъ рукоположеннаго духовенства нѣтъ) стало почти громогласно осуждать дѣйствія представителя верховной власти.

Тогда часть придворныхъ, наиболѣе преданная хану, нашла необходимымъ погасить начинавшіяся народныя неудовольствія, не давая имъ разростись въ смуту, почему наиболѣе цѣлесообразнымъ было признано или прямо обратиться къ хану съ увѣщаніями, или же надумать такое предпріятіе, которое, заинтересовавъ народъ, отвело бы его вниманіе отъ ханской урды.

Къ крайнему удовольствію этой партіи преданныхъ, пришло извѣстіе, что Раимъ-Диванбегй, оставивъ на мѣсто себя своего сына Исхакъ-бека, выѣхалъ по дѣламъ (изъ Ура-тюбе) въ Бухару, гдѣ долженъ будетъ прожить въ теченіи нѣкотораго, большаго сравнительно, промежутка времени.

Названная партія тотчасъ же обратилась со своими представленіями къ мингбаши, Хакъ-Кули-бію, прося его, не тратя времени, воспользоваться удобнымъ случаемъ отсутствія Раима-Диванбеги для возсоединенія уратюбинскаго вилаета. Вполнѣ раздѣляя это мнѣніе, мингбаши отправился съ докладомъ къ хану.

Полупьяный Мадали отвѣтилъ, что онъ давно уже вручилъ все ханство ему, Хакъ-Кули-бію, а потому послѣдній можетъ дѣлать то, что хочетъ: хочетъ, идетъ на Ура-тюбе, хочетъ—нѣтъ. Этотъ отвѣтъ, немедленно же узнанный народомъ, вызвалъ цѣлую бурю негодованія противъ хана, цѣлый потокъ противъ него же направленныхъ ругательствъ. Тѣмъ болѣе причинъ было для партіи преданныхъ торопиться. Рѣшили идти; наскоро собрали отрядъ и черезъ два дня выступили, забравъ съ собой и Мадали-хана. На урочищѣ Кызылй былъ собранъ военный совѣтъ, на которомъ Мадали рѣшилъ произвести штурмъ Ура-тюбе ночью.

Передъ разсвѣтомъ кокандцы ворвались въ городъ и предали его разграбленію После непродолжительной обороны цитадели, Исхакъ-бекъ сдался и былъ выпроваженъ въ Джизакъ. Назначивъ уратюбинскимъ хакимомъ Шаи-Парванач́й, Мадали-ханъ немедленно же вернулся въ Коканъ, къ своимъ обычнымъ занятіямъ и развлеченіямъ.

Въ 1245 (1829) году Мадали изгналъ въ Шахрисябзъ своего брата, Султанъ-Махмудъ-бека, на котораго донесли, будто бы онъ замышляетъ сверженіе. (Нѣкоторые относятъ это событіе къ 1247 (1831) году).

Въ іюлѣ 1246 (1830) года въ Коканъ пріѣхалъ изъ Шахрисябза братъ Джаангира-Турё, Мухамедъ-Юсупъ-ходжа, намѣревавшійся составить себѣ здѣсь партію и попробовать счастья въ Кашгарѣ. Сочувствовавшихъ ходжѣ нашлось не мало и они безъ дальнихъ проволочекъ обратились къ хану съ просьбою разрѣшить имъ экспедицію противъ невѣрныхъ. Мадали не только не согласился, но еще и упрекалъ просителей результатами похода 1241 (1826) года, когда большая часть кокандскихъ войскъ разбѣжалась изъ подъ Кашгара.

Тогда обратились ко всемогущему въ то время Хакъ-Кули-бію съ просьбою уговорить хана. Хакъ-Кули это уда-

лось; онъ прельстилъ своего повелителя громкими фразами о *второмъ газатѣ* отъ имени Мадали-хана. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года отрядъ былъ сформированъ и выступилъ подъ начальствомъ самого Хакъ-Кули-бія. Съ нимъ отправился и главный виновникъ этой экспедиціи, Мухамедъ-Юсупъ-ходжа (иначе Ма-шерифъ-ходжа).

Вскорѣ предмѣстья г. Кашгара были заняты кокандскими войсками, но взятіе Гульбаха (цитадели) и на этотъ разъ оказалось для нихъ непосильнымъ. Въ ноябрѣ Хакъ-Кули-бій принужденъ былъ снять осаду и возвратиться въ Коканъ, ведя за собою нѣсколько тысячъ эмигрантовъ, кашгарскихъ мусульманъ.

Около этого же времени Раимъ-Диванбеги съ сыномъ его Исхакъ-бекомъ, надѣясь вновь овладѣть уратюбинскимъ вилаетомъ и расчитывая прежде всего на преданность имъ населенія, подъ вечеръ съ 18 нукерами пріѣхали въ Уратюбе и остановились у Масали-ходжи.

Узнавъ объ этомъ, Шаи-Парваначи, оставленный здѣсь Мадали-ханомъ въ качествѣ хакима, послалъ людей; незваныхъ гостей схватили и отрубили головы всѣмъ имъ, за исключеніемъ Исхакъ-бека; его вмѣстѣ съ 19-ю отрубленными головами положили на арбу и отправили съ конвоемъ въ Коканъ, къ хану.

Здѣсь головы были выставлены на шестахъ, а Исхакъ-бекъ посаженъ въ зинданъ (яму), изъ котораго онъ былъ, впрочемъ, вскорѣ же выпущенъ и выпровоженъ за границу, въ Бухару. (Черезъ 3—4 дня послѣ того, какъ Исхакъ-бекъ вмѣстѣ съ отрубленными головами былъ привезенъ въ Коканъ, Хакъ-Кули-бій вернулся изъ кашгарской экспедиціи).

Въ 1247 (1831) году Мадали-хану донесли, что Хакъ-Кули-бій состоитъ въ перепискѣ съ Султанъ-Махмудъ-бекомъ, братомъ хана, изгнаннымъ въ Шахрисябзъ. Этого доноса было достаточно для того, чтобы всесильный до тѣхъ поръ временщикъ былъ немедленно же казненъ. Но на бѣду Мадали-хана временщикъ этотъ, бывшій однимъ изъ наиболѣе порядочныхъ и энергичныхъ людей своего времени, пользовался большими симпатіями народа. Всѣ были и поражены, и возмущены этой казнью, послѣ чего съ еще большимъ негодованіемъ стали порицать и страсть хана къ ви-

ну, и ту массу батчей и паложницъ, которая содержалась въ урдѣ.

Очень многимъ начинаетъ уже казаться, что Мадали на волоскѣ отъ гибели, но эпикуреецъ-ханъ не унимается. Ханскіе нукера хватаютъ дѣвушекъ чуть не на улицахъ; однѣмъ изъ нихъ удается откупиться; другія попадаютъ на нѣкоторое время въ урду. Необходится, конечно, и безъ того, чтобы нукера, одобряемые и ободряемые ханомъ, не пошаливали бы и на свой пай, но отъ имени хана. Населеніе столицы возмущено, а духовенство и святоши, громятъ хана во всѣхъ концахъ Ферганы, называя его невѣрнымъ, кяфиромъ.

Вражда къ Мадали растетъ тѣмъ болѣе, что вино, проститутки, *кумарбазы* (азартные игроки), словомъ все то, что столь безповоротно осуждается Кораномъ и шаріатомъ, получило въ это безславное царствованіе свободу полную и вмѣстѣ съ тѣмъ противную духу сильной еще тогда религіи.

(Увѣряютъ, будто-бы одною изъ главныхъ причинъ паденія Хакъ-Кули-бія было то, что, ведя самъ совершенно приличный истому мусульманину образъ жизни и отнюдь не компрометируя того высокаго положенія, которое занималъ въ ханствѣ, онъ нѣсколько разъ очень энергично, но къ сожалѣнію совершенно безплодно, пытался образумить Мадали-хана; послѣднему это, конечно, не нравилось и онъ зарѣзалъ того человѣка, который, худо-ли, хорошо-ли, всегда держался роли вѣрнаго и преданнаго слуги).

При такихъ-то обстоятельствахъ въ томъ же 1247 (1831) году Мадали-ханъ предпринялъ увеселительную поѣздку въ Ура-тюбе въ сопровожденіи всего гарема.

Здѣсь онъ сильно пьянствовалъ и въ довершеніе всего влюбился въ свою мачиху, красавицу Ханъ-Падша-Аимъ (младшая жена покойнаго Омаръ-хана), проживавшую въ Ура-тюбе со своимъ отцомъ, Богадуръ-ходжей. Красавица, знавшая что она дѣйствительно красавица, кокетка, охотница до интригъ и вмѣстѣ съ тѣмъ женщина далеко не глупая, Ханъ-Падша-Аимъ сразу сообразила, какія матеріальныя блага сами лѣзутъ ей въ руки и потому, не раздумывая, сошлась съ Мадали.

Тогда послѣдній испугался возможности протеста со стороны знатнаго и богатаго старика Богадура; онъ велѣлъ

было его зарѣзать, но потомъ опять испугался, вспомнилъ, что онъ въ Ура-тюбе, на родинѣ Богадура, и изгналъ его въ Ташкентъ.

(Дорогой Богадуръ-ходжа бѣжалъ въ Бухару, а отсюда вмѣстѣ съ Лянгаръ-ходжей отправился въ Мекку. На обратномъ пути онъ умеръ въ Хивѣ).

Избавившись такимъ образомъ отъ старика, Мадали-ханъ не удовольствовался простой, неоффиціальной связью съ Ханъ-Падша-Аимъ и заключилъ открытый, оффиціальный бракъ, который вмѣстѣ съ виномъ, батчами и проститутками опять таки шелъ въ разрѣзъ съ основными положеніями религіи. По настоянію нѣкоторой части придворныхъ, дабы не раздражать народныхъ умовъ въ столицѣ, Ханъ-Падша-Аимъ была временно устроена въ Намаганѣ. Однако же мѣра эта ровно ни къ какимъ положительнымъ результатамъ не привела; повсюду слышались порицанія и ругательства; народъ точно предчувствовалъ, что этотъ богопротивный бракъ принесетъ съ собой несчастіе для всей страны, а святоши повсемѣстно и пуще прежняго стали громить хана названіемъ осквернителя религіи и богоотступника, давшаго новыя и яркія доказательства своего невѣрія.

Мадали отлично зналъ все это и отъ доносчиковъ, и изъ нескончаемыхъ гаремныхъ сплетенъ, но былъ и глухъ, и нѣмъ.

Въ 1250 (1834) году пришло извѣстіе, что сыновья Алимъ-хана, Ибраимъ-бекъ (Аталыкъ-ханъ) и Мурадъ-бекъ (изгнанные Омаромъ) пришли изъ Шахрисябза въ Каратегинъ, хорошо знакомы съ положеніемъ дѣлъ въ Ферганѣ и ждутъ только случая, чтобы спихнуть Мадали съ трона.

Крайне встревоженный этой вѣстью, Мадали-ханъ послалъ въ Каратегинъ отрядъ подъ начальствомъ Ма-Шерифъ-Аталыка. Узнавъ объ этомъ движеніи, оба бека снова ушли въ Бухару; говорятъ даже, что ихъ выслали туда сами каратегинцы, опасаясь результатовъ войны и надѣясь избѣжать ея изгнаніемъ изъ своей страны обоихъ претендентовъ. Ничего не зная о вышесказанномъ, Ма-Шерифъ-Аталыкъ продолжалъ наступать съ возможной въ этой гористой мѣстности быстротою. Столкновеніе произошло около Сары-пула. Въ самый разгаръ боя на помощь Ма-Шерифу явился

маргеланскій хакимъ Мухамедъ-Кули-бекъ. Каратегинцы были разбиты и бѣжали въ сторону Дарваза, а Каратегинъ экспромптомъ, совершенно случайно, былъ завоеванъ и присоединенъ къ кокандскому ханству. Хакимомъ здѣсь былъ оставленъ Мухамедъ-Кули-бекъ, а Ма-Шерифъ-Аталыкъ съ частью войскъ возвратился въ Коканъ.

Вскорѣ было получено донесеніе о томъ, что во вновь присоединенной провинціи затѣвается возстаніе, что на Кулябѣ начинаютъ уже собираться партіи вооруженныхъ людей и что необходима помощь изъ Кокана. Ма-Шерифъ снова былъ посланъ въ Каратегинъ, но на этотъ разъ дѣло не дошло уже до кровопролитія, такъ какъ съ появленіемъ здѣсь Ма-Шерифа возстаніе утихло само собой, а кулябскій правитель Катта-бій, знавшій о наклонностяхъ Мадали, не только принесъ повинную, но привелъ даже въ подарокъ для хана свою дочь, славившуюся тогда красотой. Всѣ эти событія временно заняли народные умы, но тѣмъ не менѣе положеніе Мадали-хана отъ этого ничуть не улучшилось, ибо придворныя безобразія и безпощадныя казни [1]) съ одной стороны, а ропотъ народа и подстрекательства святошъ съ другой, не только не прекращались, но привели даже, какъ говорятъ, къ заговору противъ хана.

Тогда судьба послала Мадали еще одну соломинку спасенія, но онъ не съумѣлъ или не захотѣлъ воспользоваться и сю.

Дѣло въ томъ, что въ Коканъ пріѣхалъ какой-то шейхъ, который явился къ хану и заявилъ, что у него есть чудотворный *муй-мубаракъ* (благословенный, чудотворный волосъ; волосъ изъ бороды пророка).

Мадали-ханъ, который самъ по себѣ былъ не чуждъ нѣкоторой доли ханжества и суевѣрія и на котораго вмѣстѣ съ тѣмъ отовсюду сыпались обвиненія въ отступничествѣ отъ религіи, принялъ шейха съ большими почестями и отправился къ нему на квартиру, дабы поклониться тамъ чу-

---

[1]) *Примѣчаніе.* Такъ напр. около этого же времени Азимъ-Джанъ-бай по наговорамъ былъ изгнанъ въ Ташкентъ, дорогой зарѣзанъ, а имущество его конфисковано въ пользу хана.

дотворной святынѣ. Вслѣдъ за ханомъ повалилъ народъ. За нѣкоторое вознагражденіе святыня была отчуждена ханомъ отъ ея обладателя и съ большимъ торжествомъ перенесена въ Кара-тепё, которое съ этой поры стало именоваться тоже *Муй-Мубаракъ*. Около постройки, въ которой былъ помѣщенъ священный волосъ, водрузили нѣсколько бунчуковъ, а также канаусныя и атласныя знамена всевозможныхъ цвѣтовъ. Это былъ наиудобнѣйшій моментъ для примиренія народа съ ханомъ, но вѣчно пьяный Мадали не съумѣлъ имъ воспользоваться.

Богомольцы массами шли въ Кара-тепё съ разныхъ сторонъ и вскорѣ же здѣсь образовался цѣлый лѣсъ разноцвѣтныхъ знаменъ; ихъ насчитывали до 4000; древки многихъ изъ нихъ были украшены серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными камнями, а шейха, привезшаго въ Фергану священную диковинку завалили разнаго рода приношеніями.

Вскорѣ однако-же у него нашлись завистники и конкуренты; въ Маргеланѣ объявился какой-то хаджи, обладавшій, по его словамъ такою-же святыней, а черезъ нѣсколько времени пронесся слухъ о третьемъ волосѣ изъ бороды Пророка. Народъ увидѣлъ, что его обманываютъ, и Каратепинскій кумиръ палъ. Увѣряютъ даже, что будто бы впослѣдствіи часть дорогихъ знаменъ была разграблена; тѣмъ не менѣе названіе *Муй-Мубарака* такъ и до сихъ поръ осталось за урочищемъ Кара-тепё.

Когда религіозныя волненія поулеглись, народъ снова принялся за Мадали.

Утверждаютъ, что между людьми наиболѣе ожесточенными противъ хана, но не рѣшавшимися дѣйствовать прямо и непосредственно, составился заговоръ, и въ Бухару, къ эмиру, который считался старшимъ представителемъ мусульманства въ Туранѣ, была отправлена жалоба на Мадали и просьба укротить такъ или иначе кровожаднаго богоотступника. Существованіе этого заговора, равно какъ и отправка заговорщиками челобитной къ эмиру достовѣрно не доказаны, но тѣмъ не менѣе въ 1256. (1840) году въ Коканъ, къ Мадали-хану явился посланный эмира Насруллы, Раимъ Калмакъ съ *риваятомъ* (постановленіе; толкованіе статьи закона), въ которомъ Мадали-ханъ на основаніи статей шаріата

признавался кафиромъ (невѣрнымъ) за незаконный бракъ съ женою своего отца. Взбѣшенный Мадали арестовалъ посла и отобралъ у него все его имущество.

Черезъ нѣсколько дней Раимъ-Калмакъ былъ выпущенъ изъ подъ ареста, получивъ приказаніе отправиться въ Бухару и передать тамъ своему повелителю, что онъ *дуракъ*; посолъ эмира выѣхалъ изъ Кокана, а Мадали-ханъ немедленно же собралъ войска и двинулся съ ними на Джизакъ. (По поводу этихъ событій мнѣ не разъ приходилось слышать, что будто бы Мадали не былъ сыномъ Омаръ-хана, а прижитъ яко-бы ханьшею, Маглярь-Аимъ, съ однимъ изъ придворныхъ и что мать сознавалась въ этомъ Мадали-хану послѣ смерти Омара. Обстоятельство это очень мало вѣроятно, но тѣмъ не менѣе имъ объясняютъ нѣкоторые того *дурака*, котораго Мадали послалъ эмиру будто бы за то именно, что Насрулла брался судить о дѣлѣ, истинныхъ обстоятельствъ котораго не зналъ).

Прійдя въ Пейшагаръ, Мадали-ханъ укрѣпилъ его, оставилъ въ немъ Гадай-бая съ 1000 человѣкъ, а самъ бросивъ остальныя войска на большой джизакской дорогѣ, со 100 нукерами двинулся на Джизакъ. Одни говорятъ, что, отправляясь въ эту экспедицію, ханъ былъ пьянъ; другіе объясняютъ это сумасбродство тѣмъ, что всевозможныя излишества въ значительной степени разстроили и безъ того небогатыя умственныя способности Мадали-хана. Ляшкеръ-Кушбегі и Ма-Шерифъ-Аталыкъ съ трудомъ догоняютъ его, стараются отклонить отъ рискованнаго предпріятія и говорятъ такъ: „если вы хотите позабавиться осадой Джизака, то ведите туда весь отрядъ, а не 100 человѣкъ, ибо въ Джизакѣ стоитъ никакъ не менѣе 3000. Во первыхъ, нельзя, не слѣдуетъ такъ рисковать ни собой, ни людьми, а во вторыхъ, такіе поступки совершенно неприличны хану“. При этихъ словахъ Мадали слѣзаетъ съ лошади, садится на землю, не слушаетъ и не смотритъ на говорящихъ, словомъ, ведетъ себя какъ капризный пяти-лѣтній ребенокъ, а за тѣмъ, ни говоря ни слова, снова вскакиваетъ на коня и съ двумя нукерами летитъ въ Ура-тюбе. Всѣхъ, кто его догоняетъ и уговариваетъ, онъ поноситъ самой площадной бранью. Съ 17-ю человѣками, приставшими къ нему дорогой, бросивъ

войска на границѣ, Мадали пріѣзжаетъ въ Ходжентъ, а отсюда съ тою же быстротою направляется въ Коканъ.

Брошенныя ханомъ войска не знаютъ, что имъ дѣлать, такъ какъ возвратиться въ Коканъ, не получивъ на то разрѣшенія или приказанія, боятся, а идти далѣе, противъ Джизака и Самарканда, не имѣютъ ровно никакого желанія. Въ теченіи цѣлой недѣли представители войскъ шлютъ къ раскапризничавшемуся хану до 40 рапортовъ, въ которыхъ просятъ его указать, что имъ дѣлать. Получая эти рапорты, ханъ ругается, но отвѣта всетаки не даетъ. Тогда войска нѣсколько отступаютъ и становятся между Ямомъ и Заминомъ.

Тѣмъ временемъ эмиръ, получивъ свѣденія о движеніи кокандскихъ войскъ къ Джизаку, двинулся съ многочисленнымъ отрядомъ на Пейшагаръ. Гадай-бай-Датха, оставленный здѣсь ханомъ съ 1000 человѣкъ, опрокинулъ авангардъ эмира, но на другой же день былъ обложенъ всѣмъ бухарскимъ отрядомъ и вскорѣ же былъ вынужденъ сдаться, выговоривъ себѣ, однакоже, право съ оружіемъ присоединиться къ своимъ главнымъ силамъ, все еще стоявшимъ между Ямомъ и Заминомъ.

Узнавъ о паденіи Пейшагара, кокандскіе войска отступили въ Ура-тюбе, а эмиръ двинулся вслѣдъ за ними, занявъ одновременно съ этимъ Ямъ и Заминъ. Желая хоть что либо противупоставить наступательному движенію бухарскихъ войскъ, Ма-Шерифъ-Аталыкъ выслалъ противъ нихъ Гадай-бая съ 3000 конницы; Гадай-бай былъ разбитъ на урочищѣ Абъ-Джумакъ и тогда всѣ вообще кокандскія войска бросились въ Ходжентъ. Дорогой они наткнулись на ставку Мадали-хана, который, получивъ извѣстія о пораженіи его войскъ въ Пейшагарѣ и ихъ отступленіи, успѣлъ уже пріѣхать сюда, надѣясь поправить всѣ сдѣланныя имъ безразсудства однимъ лишь присутствіемъ своимъ въ войскахъ. Ночью онъ былъ разбуженъ шумомъ въ безпорядкѣ отступавшихъ дружинъ. Онъ вскакиваетъ съ постели, гонитъ войска назадъ, въ Ура-тюбе, но его никто уже не слушаетъ; всѣ идутъ въ Ходжентъ, куда волей неволей отправляется и онъ вслѣдъ за прочими.

Изъ Ходжента большая часть какъ сарба́зовъ, такъ равно и сипа̀евъ самовольно бѣжитъ въ Коканъ. Мадали-ханъ

остается еще на нѣкоторое время въ Ходжентѣ, и здѣсь къ нему является посолъ эмира, джизакскій хакимъ Астана-Кулъ-Токсаба, съ нижеслѣдующими словами: „Ура-тюбе занято нами безъ труда. Туда назначенъ вашъ младшій братъ, Султанъ-Махмудъ-бекъ. Ма-Шерифъ-Аталыкъ, Карымъ-Кулъ-Датха и Махмудъ-ходжа въ плѣну. Эмиръ предлагаетъ вамъ немедленно же сдать ему Ходжентъ, Кураму и Ташкентъ". Мадали передалъ послу ходжентскіе ключи и сказалъ, что вслѣдъ за этимъ пришлетъ къ эмиру своего сына. Мадъ-Аминъ-бекъ (сынъ Мадали-хана), Махмудъ-Дастарханчи и Мирза-Эюбъ-Китабдаръ (ханскій библіотекарь) были отправлены на поклонъ къ эмиру. Мадали уѣхалъ въ Коканъ, а эмиръ занялъ Ходжентъ.

Вмѣстѣ съ возвратившимся Мадъ-Аминъ-бекомъ въ Коканъ, къ хану явились вторичные послы эмира съ предложеніемъ или немедленно же самому явиться къ эмиру, или лишиться ханства, которое будетъ занято бухарскими войсками. Посольство это было помѣщено въ домѣ Махмуда-Дастарханчи. Мадали-ханъ перетрусивъ, растерялся и совершенно не зналъ, что ему предпринять. Ѣхать къ эмиру, значитъ рисковать быть зарѣзаннымъ въ его ставкѣ, не ѣхать — навѣрное потерять все.

Большинство совѣтуетъ не ѣхать, скорѣе собирать разбѣжавшіяся войска и идти на Ходжентъ. Махмудъ-Дастарханчи, искренно боявшійся и за государство, и за его злополучнаго хана, возстаетъ противъ этого плана, доказываетъ невозможность въ данную минуту вполнѣ надежнаго сопротивленія бухарцамъ, умоляетъ хана ѣхать на поклонъ и спасаться путемъ хотя бы напускнаго смиренія, увѣряя, что по обстоятельствамъ времени это лучшее и вѣрнѣйшее средство для того, чтобы спасти и себя и народъ.

Діаметральная противуположность этихъ двухъ мнѣній еще болѣе сбиваетъ хана съ толку, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ нему является какой-то проходимецъ, ходжа Календеръ, который увѣряетъ Мадали, что если тотъ сейчасъ же дастъ ему гдѣ либо въ Ферганѣ мѣсто хакима, то онъ обязуется избавить и хана, и ханство отъ бухарцевъ. Мадали-ханъ, совсѣмъ уже растерявшійся, имѣлъ неосторожность согласиться на это ни съ чѣмъ несообразное предложеніе. Ходжа-

Календеръ выходитъ изъ урды и объявляетъ, что Мадали передалъ ему на одинъ день управленіе ханствомъ, а потому онъ созываетъ народъ на совѣтъ. Громадная толпа мужичья, мастеровыхъ, только что разбѣжавшихся изъ своихъ частей солдатъ и другаго, тому подобнаго, люда бросается грабить городъ. Ограбляютъ, между прочимъ бухарское посольство и убиваютъ Махмуда-Достарханчи за его преданность хану и за совѣтъ ѣхать на поклонъ къ эмиру въ Ходжентъ.

Придворные бросаются къ Мадали, сообщаютъ ему о всѣхъ этихъ безобразіяхъ и упрекаютъ въ томъ, что онъ допустилъ ихъ, вступая въ обязательства съ какимъ-то мошенникомъ. Мадали-ханъ еще болѣе теряется, посылаетъ уговаривать народъ и ловить ходжу-Календера. Народъ кое-какъ разогнали, а ходжа-Календеръ былъ схваченъ и въ эту же ночь казненъ.

Тогда приходитъ грозная вѣсть о томъ, что эмиръ пришелъ съ главными силами на урочище Каракчи-Кумъ, а Султанъ-Махмудъ-бекъ съ бухарскимъ авангардомъ занялъ уже Патаръ (около Канибадама) и что слѣдовательно бухарцы всего въ какихъ нибудь 50-ти верстахъ отъ Кокана.

Мадали-ханъ пришелъ въ совершенное отчаяніе; кто-то подсказалъ ему, и онъ, набравъ на скорую руку разныхъ драгоцѣнностей, отправилъ къ эмиру Сулейманъ-ходжу— Шейхъ-уль-Ислама и Хали-бека-Кушбегі съ подарками и и просьбой о заключеніи мира.

Что заставило эмира согласиться на эту просьбу— сказать трудно. Онъ отозвалъ свои войска, бывшія уже чуть не въ центрѣ Ферганы и ушелъ, заключилъ миръ на условіи признанія кокандскимъ ханомъ вассальной зависимости отъ Бухары.

Въ Ходжентъ, оставшійся за эмиромъ, былъ назначенъ Султанъ-Махмудъ-бекъ (братъ Мадали), по прежнему остававшійся во враждебныхъ отношеніяхъ съ Мадали-ханомъ.

Съ уходомъ эмира, Мадали вздохнулъ легче и по немногу сталъ приходить въ себя. Въ урдѣ пошли разговоры о необходимости помирить братьевъ (Мадали и Султанъ-Махмуда), дабы общими силами отдѣлаться отъ эмира Насруллы. Самое дѣятельное участіе въ этомъ примиреніи приняла мать Мадали и Султанъ-Махмуда, Магляръ-Аимъ.

Уступая настояніямъ старухи, Султанъ-Махмудъ-бекъ пріѣхалъ въ Коканъ. Примиреніе братьевъ состоялось и это сочли уже вполнѣ достаточнымъ для того, чтобы болѣе не церемониться съ Бухарою. По просьбѣ брата Султанъ-Махмудъ-бекъ бросаетъ Ходжентъ, ввѣренный ему эмиромъ, и ѣдетъ въ Ташкентъ, дабы удержать его за Ферганой, такъ какъ эмиру онъ былъ переданъ на словахъ только, и бухарскія власти не успѣли еще водвориться тамъ фактически.

Благодаря тому, что всѣ эти позднѣйшія событія не вызвали со стороны эмира сейчасъ же не только военныхъ движеній, но даже и переговоровъ, Мадали-ханъ окончательно успокоился и съ необычайнымъ легкомысліемъ принялся за свои старыя дѣла.

Въ началѣ 1258 (1842) года хану донесли, что будто бы Нарь-Кузы-Датха и Сеидъ-Кушбегй состоятъ въ перепискѣ съ Бухарой. Нарь-Кузы былъ немедленно же зарѣзанъ, а съ Сеидъ-Кушбегй Мадали-ханъ распорядился такъ: имущество его велѣлъ разграбить, самого Сеида сдѣлать муэдзиномъ въ одной изъ мечетей, а въ домѣ его помѣстить свою уратюбинскую супругу, Ханъ-Падша-Аимъ, которая проживала въ это время въ Маргеланѣ и имѣла уже отъ Мадалихана (а можетъ быть и не отъ него) двухъ дѣтей. Народъ, до крайности возмущенный этими новыми безобразіями, собрался около урды и поднялъ гвалтъ. Мадали перетрусилъ, выслалъ на площадь Ляшкеръ-Кушбеги и Гадай-бая сказать собравшимся, что всѣ ихъ требованія будутъ исполнены, а самъ черезъ боковые ворота урды удралъ въ Иръ-Мечеть (селеніе верстахъ въ 4 хъ отъ Кокана). Народъ заявилъ посланнымъ, что онъ не желаетъ болѣе терпѣть ни жестокости, ни безобразій хана. Толпу насилу успокоили разными обѣщаніями.

Вскорѣ пришла вѣсть, что эмиръ Насрулла снова идетъ на Фергану, узнавъ о раздорѣ, происшедшемъ между народомъ и ханомъ. Получивъ это извѣстіе, Мадали-ханъ послалъ Гадай-бая занять Ходжентъ, въ которомъ бухарскихъ войскъ уже не было. Эмиръ подошелъ къ Ходженту. Народъ хотѣлъ защищаться въ стѣнахъ, но Гадай-бай не принялъ этого совѣта и вышелъ навстрѣчу бухарцамъ. На урочищѣ

Тангй кокандцы были разбиты; часть бѣжала въ Коканъ, часть бросилась и погибла въ Дарьѣ.

Гадай-бай, Хали-бекъ, Ибніаминъ-бекъ и нѣсколько другихъ попали въ плѣнъ у самыхъ стѣнъ Ходжента. Хали-бекъ и Ибніаминъ были зарѣзаны, а Гадай-бай и др. посажены въ яму.

Мадали-ханъ, растерявшійся и незнавшій что ему дѣлать при одномъ извѣстіи о наступленіи эмира, послалъ гонцовъ въ Ташкентъ, прося Султанъ-Махмудъ-бека спѣшить въ Коканъ, дабы принять на себя управленіе ханствомъ. (Говорятъ, что на эту мѣру онъ рѣшился, узнавъ о существовавшемъ уже, будтобы, заговорѣ въ пользу Султанъ-Махмуда).

Когда Султанъ-Махмудъ-бекъ прискакалъ въ Коканъ, эмиръ пришелъ уже въ Бёшь-арыкъ (верстахъ въ 35 отъ Кокана), вездѣ оставляя за собой ужасные слѣды своего побѣдоноснаго шествія. (Такъ напр. около Патара имъ было зарѣзано 400 человѣкъ плѣнныхъ, мирныхъ жителей, захваченныхъ авангардомъ. Окружному населенію былъ отданъ приказъ, запрещавшій хоронить эти трупы, которые видомъ своимъ должны были свидѣтельствовать всѣмъ и каждому о могуществѣ эмира Насруллы. Долгое время вороны, собаки, а также лисы и волки, во множествѣ водившіеся въ заросляхъ, которыя росли еще тогда по сѣверной окраинѣ этой мѣстности, питались гніющимъ человѣческимъ мясомъ. Лишь послѣ изгнанія бухарцевъ изъ Ферганы, кости несчастныхъ были собраны и погребены. Надъ ними построили мазаръ, а впослѣдствіи около него образовался поселокъ, и понынѣ существующій подъ именемъ *Шейдъ-Мазара*, что значитъ — могила св. мучениковъ).

Узнавъ о приближеніи эмира къ Бёшь-арыку и расчитывая отдѣлаться отъ него также дешево, какъ и въ предшествовавшую войну, Мадали-ханъ выслалъ къ Насруллѣ своего сына Мадъ-Аминъ-бека, Ляшкеръ-Кушбеги, Мумынъ-Инака и Сулейманъ-ходжу (Шейхъ-уль-Ислама) съ подарками и просьбой о мирѣ.

Насрулла на миръ не согласился, арестовалъ при себѣ Мадъ-Аминъ-бека и Ляшкеръ-Кушбеги, а остальныхъ отпустилъ. Въ это же время, или нѣсколько раньше, получивъ извѣстіе о движеніи Султана-Махмудъ-бека изъ Ташкента въ

Кокан, эмиръ выслалъ легкій кавалерійскій отрядъ перерѣзать ему дорогу, но бекъ раньше этого успѣлъ благополучно доскакать до Кокана, вступилъ въ управленіе дѣлами ханства и началъ съ наградъ служащимъ. Но было уже поздно, ибо среди той паники и сумятицы, которыя царили въ Коканѣ, никто не хотѣлъ слушать хановъ, ни новаго, ни стараго.

За приготовленія къ оборонѣ города, не обнесеннаго крѣпостной стѣной, ханы принялись тогда только, когда бухарцы были только въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кокана.

Въ тотъ самый моментъ, когда войска эмира пошли на штурмъ предмѣстій, прилегающихъ къ ходжентской дорогѣ, кокандская чернь бросилась грабить городъ.

Въ среду, 5-го числа мѣсяца Саўра (соотвѣтствуетъ апрѣлю) 1258 (1842) года, бухарцы заняли Коканъ и предали его разграбленію.

Столица кокандскаго ханства, не укрѣпленная, не окруженная даже и самой ничтожной стѣнкой, въ первый разъ увидѣла внутри себя своихъ внѣшнихъ враговъ.

Мадали-ханъ бѣжалъ, оставивъ гаремъ, а въ томъ числѣ и старуху мать, въ рукахъ бухарцевъ. Онъ бѣжалъ сначала въ сторону Андижана, а затѣмъ повернулъ на Маргеланъ. Одни говорятъ, что онъ ночью сбился съ дороги, другіе—что онъ надѣялся укрыться у Ханъ-Падша-Аимъ. (Говорятъ, что когда Мадали достигъ Маргелана, то онъ не рѣшился въѣхать въ городъ, а послалъ туда одного изъ бывшихъ при немъ людей, предупредить Ханъ-Падшу-Аимъ о его пріѣздѣ. Дама эта прогнала посланнаго, сказавъ, что она болѣе не жена хану).

Здѣсь его выдалъ бухарцамъ Махмудъ-ходжа, которому въ свое время Мадали оказывалъ не мало ханскихъ милостей.

Въ это же самое время Султанъ-Махмудъ-бекъ былъ выданъ бухарцамъ въ Шарихáнѣ. Оба были зарѣзаны по приказанію эмира въ урдѣ, въ такъ называемой *имаратъ-заргинъ*, комнатѣ, въ которой Мадали-ханъ ежедневно принималъ *селямъ*—придворное поздравленіе съ добрымъ утромъ. Вслѣдъ за этимъ были зарѣзаны: юный Мадъ-Аминъ-бекъ, старуха Маглярь-Аимъ и еще двѣ какія-то женщины изъ гарема. (Старшая жена Мадали-хана, Мирза-Аимъ, дочь Ма-Шерифъ-Аталыка, умерла значительно раньше даннаго времени).

Послѣ этихъ казней эмиръ собралъ всѣхъ проживавшихъ въ Коканѣ и его окрестностяхъ бухарскихъ эмигрантовъ, выпроводилъ ихъ обратно въ Бухару, а затѣмъ вслѣдъ за ними туда же отправился и самъ, пробывъ въ Коканѣ 13 дней.

Столь безславно погибъ одинъ изъ безславныхъ правителей кокандскаго ханства. Говорятъ, что гласъ народа, гласъ Божій. Быть можетъ это и такъ, но тогда тѣмъ болѣе странно, что въ народной памяти такъ и до сихъ поръ осталось прозвище *Алима залима* (тирана), тогда какъ въ отношеніи Мадали-хана та же самая память не сохранила, по видимому, никакихъ злобныхъ воспоминаній. Это странно, ибо изъ сравненія обоихъ должно бы, казалось, получиться что-либо обратное. Если, напр., судить о жестокости обоихъ по числу зарѣзанныхъ ими вѣрныхъ и не вѣрныхъ слугъ, то кровавая пальма первенства должна принадлежать, конечно, Мадали-хану, а никакъ не Алиму. Если Алима народъ не взлюбилъ за частовременность его войнъ и походовъ, то можно безъ преувеличенія сказать, что Мадали погубилъ еще большее число людей одною только послѣднею войной съ эмиромъ, которая была прямымъ послѣдствіемъ его безпутства и безобразія.

Хотя въ народной памяти и врѣзалось это прозвище *залима*, тѣмъ не менѣе историкъ, сравнивая Алима съ предъидущимъ и послѣдующимъ, врядъ ли будетъ имѣть право назвать его тираномъ. Это не тиранъ, а скорѣе не признанный чернью герой; это объединитель кокандскаго ханства, мечтавшій и стремившійся къ созданію сильнаго и вполнѣ обособленнаго государства. Беззавѣтно-храбрый и энергичный, суровый и требовательный, онъ *надоѣлъ* народу, который только что осѣлъ большей частью своей массы и устраивался среди новаго, вполнѣ осѣдлаго быта. Алимъ-ханъ надоѣлъ народу своими войнами и замашками единовластнаго деспота, а народъ за это не призналъ его героемъ и позволилъ его преемникамъ, Омару, который умѣлъ только меценатствовать и увлекаться наружнымъ блескомъ и Мадали, который всю жизнь только развратничалъ и рѣзалъ, расточить то, что было создано ихъ суровымъ предшественникомъ и называется государственной силою.

Глава IV.

Уходя съ большею частью своихъ войскъ изъ Кокана, эмиръ оставилъ здѣсь въ качествѣ своего намѣстника Ибрагимъ-Хаяль-Парваначи, который былъ родомъ мангытъ. Во всѣ вилаеты завоеваннаго ханства были назначены бухарскіе же чиновники, для поддержанія власти которыхъ здѣсь эмиръ оставилъ крайне незначительное и совершенно недостаточное для этой цѣли число войскъ.

Говорятъ, что Ибраимъ-Хаяль началъ свое управленіе Ферганой съ поборовъ и всяческихъ притѣснительствъ народа, который немедленно же порѣшилъ провозгласить ханомъ кого-либо изъ своей кокандской династіи *Мингъ* и затѣмъ свергнуть иноземное владычество мангытовъ. Взоры всѣхъ обратились на Таласъ, гдѣ въ теченіи послѣднихъ 35 лѣтъ, въ качествѣ частнаго человѣка, среди кочевой, киргизской обстановки проживалъ Ширъ-Али-бекъ, сынъ Хаджи-бія, племянникъ Нарбуты и двоюродный братъ Алима и Омара.

(Прошу читателя припомнить, что, по вступленіи на кокандскій престолъ, Алимъ ханъ зарѣзалъ въ 1223 (1808) году своего дядю Хаджи-бія, два старшія сына котораго, Улугъ-бекъ и Ширъ-Али вслѣдъ за смертью ихъ отца бѣжали на Чаткалъ. Здѣсь Улугъ-бекъ случайно былъ задавленъ развалившеюся старою сводчатой постройкой, а Ширъ-Али, которому въ это время было 14 лѣтъ, бѣжалъ дальше, на Таласъ, женился тамъ и зажилъ частной жизнью состоятельнаго киргиза).

Кромѣ Ширъ-Али-бека претендентами на кокандскій престолъ могли считаться еще и сыновья Алимъ-хана, Ибраимъ-бекъ (Аталыкъ-ханъ) и Мурадъ-бекъ, но со времени изгнанія ихъ Омаромъ, они постоянно проживали внѣ непосредственныхъ сношеній съ населеніемъ кокандскаго хан-

ства, то въ Бухарѣ, то въ Шахрисябзѣ, то въ Каратегинѣ, вслѣдствіе чего народъ о нихъ почти забылъ; ихъ хорошо помнили тѣ только, для кого претензіи обоихъ бековъ на ханство могли казаться почему-либо опасными.

Совершенно иныя соотношенія существовали между народомъ и Ширъ-Али-бекомъ. Большая часть наманганскихъ и чустскихъ киргизъ родственники и свойственники киргизъ таласскихъ; часто посѣщая Таласъ, они почти каждый разъ или видѣли Ширъ-Али, или слышали о немъ, а потому народъ всегда имѣлъ свѣденія объ этомъ бекѣ. Кромѣ того, всѣ тѣ, кто зналъ сыновей Алимъ-хана и помнилъ о нихъ, опасались излишняго сходства между ими и ихъ отцомъ, тогда какъ Ширъ-Али слылъ за человѣка смирнаго и покладистаго.

Вотъ причины, почему выборъ большинства остановился на послѣднемъ.

Въ началѣ апрѣля 1258 (1842) года бухарцы овладѣли Коканомъ, а въ маѣ посланные народа, имѣя во главѣ нѣкоего Юсупа, одного изъ вліятельнѣйшихъ тогда представителей киргизъ наманганскаго вилаета (изъ колѣна Кыркъ-Огулъ), отправились уже на Таласъ за Ширъ-Али-бекомъ. Въ началѣ іюня Ширъ-Али со всѣмъ своимъ семействомъ [1]) перевалилъ черезъ горы и временно помѣстился у Юсупа въ горахъ, на р. Кара-су. Сюда, между прочимъ, былъ вызванъ изъ Нанàя нѣкій Мулла-Ташъ-бай, которому временно было поручено обучать грамотѣ сыновей Ширъ-Али, Худояра и Суфи-бека (Мулла-Ташъ-бай и по нынѣ существуетъ въ кишлакѣ-Нанай, наманганскаго уѣзда).

На Кара-су стали собираться приверженцы—главнымъ образомъ киргизы. Когда ихъ набралось нѣсколько сотъ человѣкъ, Ширъ-Али въ концѣ іюня тронулся съ этой вооруженной свитой на мазаръ Сафитъ-булянъ. Здѣсь были зарѣзаны (жертвенные) бѣлый верблюдъ и бѣлая лошадь, а 50-ти лѣтній ШиръАли былъ поднятъ на бѣломъ войлокѣ и провозглашенъ ханомъ. Толпы вооруженнаго люда стали быстро сте-

---

[1]) 1) Двѣ жены; обѣ киргизки—Яркынъ-Аимъ и Суна-Аимъ. 2) Пять сыновей; отъ Яркынъ-Аимъ: — Сарымсакъ, Худояръ и Султанъ-Мурадъ; отъ Суна-Аимъ: Малля и Суфи-бекъ.

каться изъ всѣхъ окружныхъ селеній; военныя силы Ширъ-Али оказались на столько значительными, что онъ немедленно двинулся на Тюря-Курганъ, который былъ взятъ послѣ самой незначительной перестрѣлки. Отсюда, переправившись черезъ Дарью и прослѣдовавъ черезъ мазаръ Султанъ-Баязетъ, двинулись на Коканъ. Ибраимъ-Хаяль бѣжалъ въ Бухару, а Ширъ-Али вступилъ въ столицу, гдѣ былъ окончательно признанъ ханомъ.

Ибраимъ-Хаяль бѣжалъ изъ Кокана съ крайней поспѣшностью, въ сопровожденіи лишь нѣсколькихъ слугъ, не давъ знать ни объ опасности, ни о своемъ бѣгствѣ остальнымъ своимъ сослуживцамъ. Большая часть мангытовъ не успѣла послѣдовать его примѣру и поплатилась за это жизнью. Какъ только народъ узналъ въ Коканѣ, что Ширъ-Али уже близко, а Ибраимъ-Хаяль бѣжалъ, всѣ почти вооружились, и началось избіеніе недавнихъ еще побѣдителей. Вѣсть объ этомъ быстро облетѣла Фергану и избіеніе бухарцевъ сдѣлалось повсемѣстнымъ.

Одинъ изъ бухарскихъ сановниковъ, Махмудъ-ходжа-Батыръ-баши, пробовалъ бѣжать въ женскомъ платьѣ (женщины ходятъ здѣсь съ закрытымъ лицомъ). Тѣлосложеніе показалось подозрительнымъ; съ него сорвали *паранджи*, узнали и изрубили въ куски. Говорятъ, что въ этой рѣзнѣ бухарцевъ погибло не менѣе 3000 человѣкъ.

Какъ только Ширъ-Али вошелъ въ Коканъ, Ма-Назаръ-бекъ былъ посланъ ловить мангытовъ. Вскорѣ же ихъ было привлечено въ Коканъ около 1500 человѣкъ. Всѣ они были объявлены рабами и временно размѣщены по тюрьмамъ (ямы). Затѣмъ ихъ цѣлыми толпами начали выводить на базаръ; никто не покупаетъ; тогда народъ сталъ ихъ избивать. Такъ продолжалось 2 — 3 недѣли, пока общими силами не водворили въ Коканѣ тишины и порядка.

Отнюдь не будучи знакомъ съ Ферганою и сильно опасаясь возможности новой войны съ Бухарой, Ширъ-Али-ханъ,вслѣдъ за его вступленіемъ на престолъ, пожелалъ объѣздить всѣ города, показать себя народу, а главное лично убѣдиться въ томъ, на сколько способны къ оборонѣ главнѣйшіе пункты ханства. Онъ началъ съ Намангана, который миновалъ, а потому и не видѣлъ во время своего движенія

изъ Сафитъ-буляна въ Тюря-Курганъ. По возвращеніи изъ этой поѣздки, Ширъ-Али рѣшилъ немедленно же, и прежде всего, приступить къ обнесенію стѣной столицы, которая не имѣла не только цитадели, но даже и какихъ-либо внѣшнихъ укрѣпленій. Работа эта была поручена Мумынъ-Кулу и Мирзѣ-Исмаилу.

Каждому вилаету ханства было предписано тотчасъ же выслать въ Коканъ извѣстное число рабочихъ съ *кетменями* [1]).

Тѣмъ временемъ пришло извѣстіе, что эмиръ, желая наказать избіеніе бухарцевъ и возстановить свою власть завоевателя, снова идетъ войною на Фергану и что въ качествѣ начальниковъ отдѣльныхъ отрядовъ въ бухарской арміи присутствуютъ: Ма-шерифъ-Аталыкъ и Гадай-бай (первый во время первой, а второй во время второй войны съ Бухарою были взяты въ плѣнъ. Уважая ихъ военные таланты, эмиръ пощадилъ ихъ жизнь, послѣ чего они добровольно остались на бухарской службѣ).

Мумынъ-Кулъ и Мирза-Исмаилъ, узнавъ объ этомъ новомъ движеніи эмира на Коканъ, усумнились въ возможности благопріятнаго для кокандцевъ исхода предстоящей борьбы, почему желая заблаговременно выслужиться передъ эмиромъ, согласились помѣшать возведенію крѣпостныхъ стѣнъ.

Рабочіе собрались, но не были допущены къ постройкѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что стѣна не раздѣлена еще на участки между вилаетами. Оба строителя ежедневно пріѣзжали на мѣсто работъ, совѣщались, измѣряли длину стѣнъ, считали рабочихъ, для вида спорили и уѣзжали, ничего не сдѣлавъ и ничего не рѣшивъ.

На восьмой день этихъ проволочекъ кто-то объяснилъ народу, въ чемъ дѣло. Рабочіе схватили обоихъ распорядителей, умертвили ихъ на мѣстѣ, избивъ камнями, палками и кетменями, сами раздѣлились на артели и немедленно же принялись за сооруженіе мѣстами глинобитной, а мѣстами сложенной изъ дерна стѣны. Черезъ нѣсколько (около 15)

---

[1]) Родъ мотыки, которой здѣсь производятся всѣ вообще земляныя работы.

дней низенькая стѣнка окружала уже три стороны города; четвертая, обращенная къ Маргелану, за очевиднымъ для всѣхъ недостаткомъ времени, баррикадировалась только самими кокандскими жителями.

Въ Кокан дали знать, что эмиръ идетъ къ Махраму, а на правомъ берегу Дарьи, около Камышъ-кургана, съ бухарскими же войсками стоятъ Ма-Шерифъ-Аталыкъ и Гадай-бай. (Они пришли изъ Ташкента, который былъ занятъ бухарцами вслѣдъ за паденіемъ Мадали-хана).

Въ виду этихъ извѣстій Ширъ-Али-ханъ шлетъ противъ эмира своего старшаго сына, Сарымсакъ-бека, а на правый берегъ Дарьи Мапазаръ-бека и Иса-Датху.

Узнавъ, что Сарымсакъ-бекъ подходитъ къ Канибадаму, эмиръ шлетъ противъ него отрядъ. Сарымсакъ бьетъ бухарцевъ и гонитъ ихъ уже къ Махраму, но въ это время ургутцы обходятъ его съ лѣваго фланга, атакуютъ и въ свою очередь преслѣдуютъ до Канибадама, захвативъ 190 человѣкъ плѣнныхъ. (Всѣ они, по приказанію самого эмира были зарѣзаны). Сарымсакъ отступаетъ въ Коканъ, послѣ чего Ширъ-Али шлетъ противъ эмира новый отрядъ подъ начальствомъ Кучàра, бывшаго передъ этимъ хакимомъ въ Тюря-курганѣ.

Въ это же самое время на правомъ берегу дерутся около Кырчùнъ-кургáна. Кокандцы разбиты и бѣгутъ въ Намангапъ, а Ма-Шерифъ и Гадай-бай занимаютъ весь правый берегъ до Тюря-кургана включительно, послѣ чего Ма-Шерифъ оставляетъ въ Тюря-курганѣ съ небольшимъ отрядомъ своего сына, Хасанъ-бека, а самъ съ Гадай-баемъ и остальными войсками переправлятся черезъ Дарью и идетъ на присоединеніе къ эмиру.

Тогда Ма-Назаръ-бекъ, разбитый у Кырчинъ-кургана, собираетъ въ Наманганѣ и Касанѣ новый отрядъ изъ кипчаковъ и киргизъ, ночью нападаетъ на Тюря-курганъ, беретъ его, ловитъ здѣсь сына Ма-Шерифа, Хасанъ-бека и отправляетъ его къ Ширъ-Али-хану; затѣмъ онъ снова очищаетъ весь правый берегъ отъ бухарцевъ (небольшіе гарнизоны ихъ стояли въ Чустѣ, Гурумъ-сараѣ и др.). занимаетъ со своимъ отрядомъ Гурумъ-сарай и озабочивается доставленіемъ провіанта въ Коканъ, который осажденъ уже бухарцами.

Послѣ пораженія, понесеннаго Сарымсакъ-бекомъ у Кабидама, противъ эмира былъ посланъ Кучàръ. Сдѣлавъ

одинъ или два перехода, онъ усумнился въ возможности заслонить собою дорогу въ Коканъ и перешелъ въ отступленіе. Такимъ образомъ эмиръ совершенно безпрепятственно подошелъ къ столицѣ и расположилъ свой лагерь въ Муймубаракѣ. Въ теченіи первыхъ двухъ дней кокандцы производятъ сильныя вылазки; народъ присоединяется къ войскамъ; эмиръ несетъ большія потери, но тѣмъ не менѣе на третій день его прихода сюда, на разсвѣтѣ, бухарцы идутъ на штурмъ со стороны Ходжента. Штурмъ этотъ былъ отбитъ. Эмиръ перевелъ большую часть своихъ войскъ противъ сѣверной части города и восточной, обращенной къ Маргелану, не прикрытой еще стѣной, а лишь баррикадированной.

Уже послѣ этихъ передвиженій къ кокандцамъ пришла, нѣсколько запоздавшая, помощь изъ Андижана. Юлчи-бекъ пытался было прорваться къ своимъ, въ Коканъ, но былъ принужденъ отступить къ Анны-арыку. Второй штурмъ повелъ Ма-Шерифъ на сѣверную часть стѣны, которая защищалась, главнымъ образомъ, народомъ, такъ какъ въ данный моментъ большая часть войскъ была сосредоточена на баррикадахъ. Бухарцы были отбиты и здѣсь, оставивъ у стѣнъ около 2000 труповъ. Кокандцы не только отразили штурмъ, но еще и пошли на вылазку, долго преслѣдовали непріятеля и возвратились въ городъ съ лошадьми, плѣнными, оружіемъ и головами убитыхъ.

Въ теченіи 40 дней Коканъ отразилъ 9 штурмовъ.

Терпя неудачу за неудачей, эмиръ выслалъ наконецъ парламентера, Хальфà-Абу-Сатàра, которому поручено было начать переговоры лично съ Ширъ-Али. Когда Хальфа подъѣхалъ къ стѣнѣ, народъ отказался впустить его въ городъ, грозя смертью. Ширъ-Али высалалъ ему прикрытіе, допустилъ къ себѣ, но отъ всякихъ переговоровъ отказался.

На слѣдующій день явился второй посолъ. Ханъ принялъ его въ урдѣ и отдалъ какія-то приказанія. Через нѣсколько времени посла повели на площадь. Здѣсь его помѣстили въ кругъ, образованный изъ нѣсколькихъ десятковъ бухарскихъ труповъ и навели на него 2 или 3 пушки, около которыхъ прислуга стояла съ зажженными фителями. Просидѣвъ нѣсколько часовъ въ этой ужасной обстановкѣ, посолъ эмира удалился, не добившись отъ Ширъ-Али никако-

го другаго отвѣта. Тогда Насрулла, получившій кромѣ того свѣдѣнія о непріязненныхъ движеніяхъ хивинскаго хана, снялъ осаду и ушелъ въ Бухару.

Эта война, которой всѣ боялись, въ благополучный исходъ которой большинство не вѣрило, на первыхъ же порахъ правленія дала Ширъ-Али-хану народныя симпатіи и довѣріе.

Всѣ находили, что онъ съ честью носитъ свое имя (Ширълевъ).

Ширъ-Али заслужилъ это, конечно, ибо своей распорядительностью и своимъ хладнокровіемъ во время осады онъ много способствовалъ отраженію такого сильнаго врага, какимъ былъ эмиръ по отношенію къ Ферганѣ.

Въ слѣдъ за уходомъ Насруллы, оставленный имъ въ Ходжентѣ Худояръ-бекъ, опасаясь новаго побѣдоноснаго кокандскаго хана, поспѣшилъ послать къ нему челобитную, въ которой просилъ принять подъ свою власть Ходжентъ, издавна принадлежавшій Ферганѣ и утраченный лишь Мадали-ханомъ. Туда былъ посланъ Сарымсакъ-бекъ (старшій сынъ Ширъ-Али) со значительнымъ отрядомъ, на половину состоявшимъ изъ кипчаковъ. Ходжентъ былъ возсоединенъ.

Сарымсакъ и Худояръ обложили Нау, которое немедленно-же сдалось и тоже было присоединено къ Ферганѣ. Сарымсакъ-бекъ вернулся въ Коканъ, а Худояръ желая окончательно попасть въ разрядъ вѣрныхъ слугъ кокандскаго хана, задумалъ воспользоваться удобнымъ моментомъ для овладѣнія Ура-тюбе и Джизакомъ.

Онъ выступилъ уже, но былъ брошенъ войсками, знавшими, что Ура-тюбе легко не дается, и былъ вынужденъ вернуться въ Ходжентъ. (Первыми воспротивились этому дальнѣйшему движенію кипчаки, приведенные въ Ходжентъ Сарымсакъ-бекомъ, а за ними не пошли уже и сарты).

Въ 1259 (1843) году Ширъ-Али-ханъ, озабочиваясь возстановленіемъ прежнихъ границъ государства, послалъ войска подъ начальствомъ втораго своего сына, Малля-бека, и Юсупа-мингбаши [1]) противъ Ташкента, которымъ въ то вре-

[1]) Тотъ самый, который привезъ Ширъ-Али съ Таласа; по воцареніи послѣдняго онъ получилъ мѣсто *мингбаши*.

мя, отъ имени бухарскаго эмира, управлялъ Ма-шерифъ-Аталыкъ.

Киреучй было взято штурмомъ; Гадай-бай, раненный, бѣжалъ отсюда въ Ташкентъ.

Ма-Шерифъ, узнавъ о движеніи коканцевъ, обратился къ эмиру съ просьбой о помощи. Къ нему былъ высланъ изъ Джизака Абдурахманъ-Метинъ, но большая часть его людей, побывавшихъ подъ Коканомъ, дорогой разбѣжалась. Онъ пришелъ въ Ташкентъ лишъ съ 200 нукеровъ. Тѣмъ не менѣе Ма-Шерифъ выступилъ на встрѣчу кокандцамъ. Въ сраженіи на Шуръ-тепе бухарскія войска были разбиты.

Малля-бекъ занялъ Ташкентъ. Гадай-бай и Абдурахманъ Метинъ успѣли бѣжать, а Ма Шерифъ, со своимъ братомъ Абдуллъ-Али, попался въ плѣнъ.

Ташкенскимъ хакимомъ былъ назначенъ Сарымсакъбекъ.

Когда войска вернулись изъ Ташкента въ Коканъ, и плѣнные были представлены хану, онъ ограничился тѣмъ, что велѣлъ арестовать Ма-Шерифа и Абдуллъ-Али. (Ма-Шерифъ— тесть Мадали хана; въ первую войну съ Бухарой былъ взятъ бухарцами въ плѣнъ и добровольно остался на ихъ службѣ).

Придворные, услышавъ такое рѣшеніе хана, пришли сначала въ удивленіе, а за тѣмъ и въ негодованіе, „Это государственные преступники; это измѣнники своему отечеству; ихъ надо казнить, а не арестовать."

Удивленіе и негодованіе придворныхъ тотъ часъ же перенеслось и въ народъ, который сталъ *требовать* этой казни. Ширъ-Али, въ дѣтствѣ еще напуганный ножемъ ханскаго палача, Ширъ-Али, 35 лѣтъ прожившій среди мирной пастушеской жизни, гдѣ казнь, какъ и всякое убійство, считается убійствомъ же, [1]) Ширъ-Али, не умѣвшій повелѣвать людьми, получившій власть уже въ преклонномъ возрастѣ, всегда трепетавшій за эту власть, трепетавшій заговоровъ и тайныхъ убійцъ и знавшій, наконецъ, что однимъ изъ поводовъ народной ненависти къ Мадали-хану были казни, спа-

---

[1]) У киргизъ, особенно въ послѣднее время ихъ автономіи, смертная казнь почти не практиковалась. Такъ напр. убійца наказывался обязательствомъ уплатить *хунъ* или *кунъ*, цѣну крови.

чала наотрѣзъ отказался произнести смертный приговоръ надъ плѣнными.

Однако-же, когда требованія народа, а главнымъ образомъ придворныхъ, стали дѣлаться все настойчивѣй и настойчивѣй, Ширъ-Али-ханъ струсилъ и уступилъ. Ма-Шерифа привязали къ хвосту лошади, а Абдуллъ-Али зарѣзали (въ Чустѣ).

Всѣ долгое время ходили съ разинутыми отъ удивленія ртами и наконецъ порѣшили потомъ, что Ширъ-Али *бушъ* (слабъ).

На бѣду *слабаго* хана пришли вѣсти о томъ, что сынъ Алимъ-хана, Ибраимъ-бекъ (иначе Аталыкъ-ханъ), поощряемый эмиромъ, пришелъ въ Ляйлякъ и затѣваетъ что-то неладное. Ширъ-Али-ханъ шлетъ къ Ибраиму пословъ съ предложеніемъ пріѣхать въ Коканъ, переговорить и покончить многолѣтнія скитанія, занявъ одну изъ высшихъ должностей ханства.

Аталыкъ не соглашается, дѣятельно собираетъ вооруженныхъ людей и укрѣпляетъ занятую имъ позицію. Тогда Ширъ-Али шлетъ противъ него отрядъ подъ начальствомъ Сеидъ-Али-бека, киргиза, пришедшаго вмѣстѣ съ Ширъ-Али съ Таласа. Послѣ нѣсколькихъ перестрѣлокъ Аталыкъ былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ въ Коканъ.

Помня исторію съ Ма-Шерифомъ, Ширъ-Али совсѣмъ не зналъ, что ему дѣлать съ этой новой обузой, но рѣшился ни въ какомъ случаѣ не казнить плѣннаго, на что считалъ себя въ правѣ, ибо Аталыкъ, по его мнѣнію былъ не столько государственный преступникъ, сколько личный его врагъ, покушавшійся на его же личныя права. Эти отношенія Ширъ-Али къ Аталыку хотя и невызвали негодованія, но за то безусловно всѣхъ и удивили, и разсмѣшили. Повсюду стали раздаваться такія восклицанія, какъ: „Ширъ-Али—*аталя*!“ (кисель) „Ширъ-Али—*шавля*!“ (размазня) „Ширъ-Али—*пустакъ*!“ (дубленая шкура) (этимъ послѣднимъ названіемъ напоминалось о жизни хана среди киргизъ, большинство которыхъ зимой ходитъ въ нагольныхъ тулупахъ). Придворные опять полѣзли къ хану съ увѣщаніями *казнить*, стали запугивать старика, и безъ того пугливаго, не на войнѣ, впрочемъ, а среди придворной челяди, и запугали. Старикъ снова пере-

трусилъ, и снова уступилъ, прося, какъ милости, что-бы эта казнь были совершена гдѣ либо подальше, а не въ Коканѣ. Азизъ-Мехтеръ взялся устроить это дѣло и Аталыкъ былъ зарѣзанъ въ кишлакѣ Япа́нъ.

Казнь совершилась, общественное мнѣніе было удовлетворено, но *аталй*, *шавлй* и *пустакъ* казались столь мѣткими, что забыть ихъ уже не было никакой возможности. Поэты стали писать эпиграммы. Одинъ изъ нихъ (нынѣ престарѣлый уже Джаляль-ходжа, проживающій въ кишлакѣ Караскапъ наманганскаго уѣзда) изобразилъ хана такъ: въ одѣяніи самаго заурядпаго киргиза, верхомъ на быкѣ Ширъ-Али трусцой спѣшитъ въ Коканъ, дабы сѣсть тамъ въ своемъ тулупѣ на ханскій престолъ.

Народъ, развращенный своими ханами, привыкшій видѣть въ нихъ нѣчто близкое къ палачамъ, привыкшій думать, что власть хана можетъ держаться только страхомъ производимыхъ имъ убійствъ, привыкшій смотрѣть на эти quasi легальныя убійства какъ на явленіе почти обыденное, народъ этотъ не понималъ, что такое гуманность; онъ называлъ её *слабостью*.

Нельзя, конечно, вполнѣ отрицать того что Ширъ-Али былъ слабъ. 35 лѣтъ частной жизни не могли пріучить его повелѣвать людьми. Кромѣ того, попавъ въ урду, съ правами которой онъ былъ знакомъ лишь по наслышкѣ, и имѣя всѣ причины опасаться заговоровъ и крамолы, Ширъ-Али пересолилъ; онъ боялся быть строгимъ и требовательнымъ, сначала боялся даже дѣлать выговоры старшимъ чинамъ, которые обладали большимъ чѣмъ онъ лоскомъ, были не то что онъ—*пустакъ*. Въ этомъ отношеніи онъ былъ *бушъ*. Но за то во время осады онъ былъ не *аталй*, не *шавлй*, а *ширъ*.

Къ сожалѣнію эти заслуги хана были забыты. Его доброта, простота и въ обращеніи, и въ образѣ жизни, все что прежде плѣняло въ немъ многихъ, теперь стало служить пунктами къ его обвиненію.

Ширъ-Али-ханъ палъ въ общественномъ мнѣніи. (Въ Ферганѣ можно слышать устный разсказ о томъ, буто-бы Ширъ-Али, вѣчно боявшійся потерять тронъ, велѣлъ зарѣзать того богатыря-сарта, который пошелъ на тигра одинъ на одинъ и убилъ его пикой гдѣ-то около Балыкчи или Мингбулака.

Говорятъ, что Ширъ-Али сдѣлалъ это, заподозривъ въ богатырѣ возможность явиться соперникомъ. Мнѣ лично разсказъ этотъ представляется вымышленнымъ, ибо онъ не согласуется съ другими поступками этого слабаго, быть можетъ, но во всякомъ случаѣ наиболѣе гуманнаго изо всѣхъ кокандскихъ хановъ).

Прежде чѣмъ продолжать изложеніе дальнѣйшихъ событій, необходимо сдѣлать небольшое отступленіе и сказать нѣсколько словъ о кипчакахъ.

Въ первой главѣ я упоминалъ уже о томъ, что оставивъ исключительно кочевой образъ жизни, перейдя отъ него къ полукочевому и связавъ свое скотоводство съ земледѣліемъ, кипчаки упрочили этимъ самымъ свое матеріальное благосостояніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ то самое время какъ киргизскіе роды стали все больше и больше дробиться на *колѣна*, между которыми нравственная связь замѣтно уже слабѣла, всѣ вообще ферганскіе кипчаки попрежнему оставались *родомъ*. Отдѣльныя колѣна разсѣлись въ разныхъ пунктахъ долины, но самая тѣсная нравственная и политическая связь не порывалась между ними до тѣхъ поръ, пока излишнее честолюбіе ихъ вожаковъ, вмѣстѣ со старой ненавистью къ кипчакамъ сартовъ, не погубили ихъ нѣсколько позже, въ 1268 (1851) году.

И такъ въ тотъ моментъ, на которомъ мы остановились, кипчаки были сравнительно съ другими сильны и въ матеріальномъ, и въ политическомъ отношеніяхъ. Среди ханскихъ войскъ лучшими дружинами считались тѣ, которыя состояли изъ кипчаковъ. Кипчаки знали это и гордились своимъ сравнительнымъ превосходствомъ, что въ свою очередь служило главнѣйшею помѣхою для сліянія ихъ съ другими фракціями государства. Изъ ферганскихъ колѣнъ рода Кипчакъ главнѣйшихъ насчитывается пять: *Кулáнъ*, *Ульмáсъ*, *Илятáнъ*, *Яшúкъ* и *Иты-Кашкà*. Представилями ихъ въ данное время считались: Мусульманъ-Кулъ, Хатамъ-Кулъ, Утамъ-бай, Мирзàтъ и Ма́-Назаръ-Гуръ-Оглы (иначе Санджàръ).

Читатель помнитъ, конечно, что послѣ того, какъ эмиръ ушелъ изъ подъ Кокана, а Ходжентъ снова присоединился къ Ферганѣ, Худояръ-бекъ (ходжентскій хакимъ) думалъ было воспользоваться удобнымъ моментомъ для занятія Ура-

тюбе и Джизака, но войска не пошли. Первыми не пошли кипчаки, а за ними отказались идти и сарты. Большая часть этого отряда самовольно вернулась въ Коканъ.

Вслѣдствіе ли своего миролюбія, или боясь раздражить всѣхъ вообще кипчаковъ, Ширъ-Али-ханъ пожурилъ тѣхъ, которые отказали въ повиновеніи Худояру, а затѣмъ поспѣшилъ съ ними помириться. . . . .

Вскорѣ среди кипчакскихъ дружинъ снова стали проявляться выраженія какихъ-то неопредѣленныхъ неудовольствій; кипчакскіе сипаи стали отказываться отъ несенія разнаго рода служебныхъ обязанностей.

Причиною этихъ смутъ, не извѣстной, впрочемъ, сначала ни Ширъ-Али-хану, ни большинству его приближенныхъ, было слѣдующее. До этого времени всѣ почти главнѣйшія должности въ ханствѣ замѣщались сартами. Теперь, сознавъ значеніе кипчакскаго рода въ Ферганѣ и руководясь исключительно своими личными цѣлями, перечисленные выше представители мѣстныхъ кипчакскихъ колѣнъ пожелали попасть въ число высшихъ сановниковъ, дабы быть властными тѣмъ болѣе, что за ниxъ стояла бы сила всего рода, который они дѣятельно мутили, увѣряя, что добиваются высшихъ должностей не ради личныхъ своихъ интересовъ, а для того, чтобы поднять и безъ того высокое политическое значеніе кипчаковъ въ Ферганѣ. . . . .

Поселяя смуту среди кипчакскихъ дружинъ, Мусульманъ-Кулъ и др. его сотоварищи расчитывали на то, что Ширъ-Али, пожелавъ покончить миромъ и въ этомъ случаѣ, предложитъ представителямъ рода тѣ или другія высшія должности ханства. Однако же на этотъ разъ они ошиблись. Когда Ширъ-Али-хану доложили объ этихъ новыхъ безпорядкахъ среди кипчакскихъ сипаевъ, онъ объявилъ, что если такъ, то онъ съумѣетъ проучить ихъ и прибрать къ рукамъ. Озлобленные этимъ отвѣтомъ, котораго они никакъ не ожидали, вожаки стали сзывать вооруженныхъ кипчаковъ въ Ики-су-арасы.

Малля-бекъ и Юсупъ-мингбаши были посланы туда съ войсками. . . . .

Изъ Маргелана, на основаніи инструкцій, данныхъ имъ ханомъ, который отнюдь не желалъ доводить дѣла до кро-

вопролитія, они послали кипчакамъ предложеніе одуматься и идти къ хану съ повинной, чего будетъ достаточно для ихъ прощенія.

Предложеніе это по настоянію вожаковъ принято не было. Ханскія войска, числомъ значительно большія тѣхъ бандъ, которыя удалось собрать въ Ики-су-арасӹ и снабженныя артиллеріей, которой у кипчаковъ не было, двинулись впередъ.

Кипчаки, мало надѣясь на успѣхъ и опасаясь за участь брошенныхъ ими семей, призадумались, стали колебаться и выслали наконецъ, къ Малля-беку, Мусульманъ-Кула съ 40 старшинами и съ просьбой о помилованіи.

Юсупъ-мингбашӣ проситъ у Малля-бека позволенія немедленно же перерѣзать всѣхъ челобитчиковъ, не исключая и Мусульманъ-Кула, дабы сразу осадить кипчаковъ, наведя на нихъ страхъ. Тогда на сцену выступаетъ Шадӹ, сартъ-таджикъ, занимавшій до этого времени незначительныя придворныя должности, но давно уже мечтавшій о мѣстѣ мингбаши и ждавшій только удобнаго случая для того, чтобы спихнуть Юсупа.

Подобострастный, хитрый и пронырливый, за что всѣ звали его *Шадӹ-Шумъ* (Шады-проныра), онъ прекрасно зналъ хана и отлично понималъ, чѣмъ можно и должно добиваться своей цѣли. Онъ возсталъ противъ Юсупа и сталъ доказывать, что требуемая имъ казнь кипчакской депутаціи не входитъ въ планы хана, не можетъ быть имъ одобрена и въ довершеніе всего навѣрное поведетъ къ возстанію не нѣсколькихъ уже бандъ, а всего рода, что легко можетъ кончиться паденіемъ возлюбленнаго монарха. Юсупъ продолжалъ настаивать на казни, но большинство приняло сторону Шады.

Малля-бекъ съ войсками и депутаціей вернулся въ Коканъ. Юсупъ былъ смѣщенъ и получилъ мѣсто хакима въ Маргеланѣ, а Шады добился таки своего и былъ назначенъ на должность мингбаши. Однако же этимъ онъ не ограничился. Боясь, чтобы Ширъ-Али не раздумалъ и не вернулъ бы канцлерства Юсупу, онъ не переставалъ вслухъ возмущаться поступкомъ Юсупа; онъ сталъ доказывать, что Юсупъ, очевидно, имѣлъ замыселъ противъ хана и что его слѣдуетъ

казнить. Стали перебирать разные случаи изъ дѣятельности Юсупа; разворошили цѣлую клоаку прежнихъ придворныхъ сплетенъ и рѣшили: „казнить!“ Черезъ нѣсколько времени Мадъ-Керимъ-Ясаулъ былъ посланъ въ Маргеланъ и Юсупа не стало (въ началѣ 1260 (1844) года).

Тогда Шады, какъ говорится, окончательно влѣзъ въ душу хана и сталъ вертѣть имъ, разыгрывая роль беззавѣтно преданнаго слуги. Прикрываясь этой маскою, онъ произвелъ цѣлый рядъ отставокъ, послѣ которыхъ должности замѣщались по большей части таджиками. Затѣмъ онъ, желая уяснить всѣмъ свое могущество, добился даже нѣсколькихъ казней; это удалось ему, благодаря, между прочимъ, и тому, что Ширъ Али успѣлъ уже пріобыкнуть къ прерогативамъ ханской власти и увидѣлъ, что произнесеніе смертнаго приговора далеко не такъ ужасно, какъ это казалось ему прежде. Ширъ-Али-ханъ, незамѣтно для себя, начиналъ развращаться.

Къ нему стали поступать жалобы на Шады, котораго начинали уже ненавидѣть также, какъ и большинство его креатуръ; но ханъ, этихъ жалобъ или не принималъ вовсе, или не разбиралъ. Главными ненавистниками Шады явились опять тѣже кипчаки, среди которыхъ смуты, поддерживаемыя Мусульманъ-Куломъ и другими родовичами, почти не прекращались. Однако же, не смотря на все вышесказанное, въ общемъ характеръ внутренней политики хана продолжалъ оставаться прежнимъ.

Такъ, желая покончить съ кипчакскими недоразумѣніями и понимая, что нужно для этого въ данную минуту, онъ назначилъ Мусульманъ-Кула въ Шарихапъ, а Карымъ-Кула (тоже кипчакъ) въ Андижанъ.

Зная, что Мусульманъ-Кулъ отнюдь не удовлетворенъ мѣстомъ шариханскаго хакима и боясь увидѣть въ немъ однажды своего соперника, Шады началъ склонять хана въ пользу казни того, вліяніе котораго на кипчаковъ было болѣе, чѣмъ очевиднымъ.

Послѣ долгихъ преній Хаджи-Матъ-бій съ ханскимъ приказомъ или, вѣрнѣе, со смертнымъ приговоромъ, былъ отправленъ въ Шарихапъ, гдѣ жертвы своей не нашелъ, такъ какъ Мусульманъ-Кулъ былъ въ это время въ Анди-

жанѣ. Пріѣхавъ въ Андижанъ, Хаджи-Матъ показалъ врученный ему *буйрукъ* (приказъ) Карымъ-Кулу и предложилъ ему, какъ мѣстному губернатору, арестовать осужденнаго, дабы немедленно же привести ханскій приговоръ въ исполненіе.

Карымъ Кулъ даетъ знать Мусульманъ-Кулу объ опасности; оба бѣгутъ изъ Андижана, собираютъ кипчаковъ въ Ики-су-арасы около Намангана спускаются внизъ по правому берегу Дарьи, берутъ Тюря-Курганъ, гдѣ ими же былъ зарѣзанъ хакимъ этого виласта Миръ-Хаджи-Датха (сартъ) и затѣмъ овладѣваютъ Касаномъ. Ширъ-Али пораженъ событіями.

Онъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено вызвать изъ Ташкента съ тамошнимъ отрядомъ Сарымсакъ-бека (старшій сынъ Ширъ-Али-хана), а противъ мятежниковъ немедленно же послать кокандскія войска подъ начальствомъ Шады, при которомъ долженъ былъ находиться и несовершеннолѣтній еще тогда третій (по возрасту) сынъ Ширъ-Али-хана, Худояръ-бекъ. Это было въ іюнѣ 1260 (1845) года.

Шады двинулся черезъ Сангскую переправу и Чустъ къ Тюря-Кургану.

Ханскія войска были встрѣчены кипчаками между Тюря-Курганомъ и Чустомъ. Зная о присутствіи въ войскахъ Худояръ-бека, кипчаки выслали парламентеровъ, которые заявили, что повстанцы не имѣютъ ровно ничего противъ хана, но не положатъ оружія до тѣхъ поръ, пока не будетъ смѣщенъ Шады.

Услышавъ это заявленіе, Шады бросился со своей кавалеріей въ атаку, не поддержавъ и не подготовивъ её артиллерійскимъ огнемъ. Онъ былъ разбитъ и убитъ. Ханскія войска бѣжали; кипчаки, захвативъ Худояръ-бека, двинулись къ Кокану, производя по пути страшные грабежи осѣдлаго населенія.

Сарымсакъ-бекъ, вызванный ханомъ изъ Ташкента, былъ уже недалеко отъ Чуста, когда узналъ о пораженіи и смерти Шады. Вручивъ свой отрядъ Давранъ-беку, который вслѣдъ за этимъ былъ тоже разбитъ кипчаками и бѣжалъ обратно въ Ташкентъ, Сарымсакъ полетѣлъ въ Коканъ, а

оттуда, увидѣвъ ту сумятицу, которая шла въ урдѣ, поскакалъ въ Бухару и явился къ эмиру (изъ предосторожности) въ качествѣ бѣглеца.

До паденія Шады въ урдѣ начинались было толки о поголовномъ истребленіи кипчаковъ; Ширъ-Али-ханъ собралъ было уже лагерь на урочищѣ Токай-тюбё, но кипчакскія волны хлынули и залили собой смятенную столицу.

Совѣтъ, собранный кипчаками изъ кипчаковъ же, разумѣется, постановилъ: Ширъ-Али оставить ханомъ, а на мѣсто убитаго Шады посадить Мусульманъ-Кула.

Едва успѣвъ занять мѣсто мингбаши, Мусульманъ-Кулъ замѣстилъ всѣ важнѣйшія должности кипчаками, измѣнилъ составъ кокандскаго гарнизона, сдѣлавъ его почти исключительно кипчакскимъ же и забралъ въ свои руки безусловно всѣ государственныя дѣла, при чемъ Ширъ-Али остался ханомъ номинально только и молча, повидимому, покорился этой участи, ибо не нашелъ вокругъ себя ровно ничего такого, что онъ могъ бы противупоставить столь дерзкой узурпаціи Мусульманъ-Кула.

Въ Ташкентъ, остававшійся вакантнымъ послѣ Сарымсакъ-бека, уѣхавшаго въ Бухару, былъ назначенъ Мулла-халь-бекъ (кипчакъ). Узнавъ объ этомъ назначеніи, о томъ, что и Ташкентъ переходитъ такимъ образомъ въ руки кипчаковъ, Сарымсакъ-бекъ обращается къ эмиру съ просьбой о помощи, получаетъ отрядъ, спѣшитъ съ нимъ къ Ташкенту и беретъ его, захвативъ въ плѣнъ Мулла-халь-бека и еще нѣсколькихъ кипчакскихъ старшинъ. Мулла-халь-бекъ былъ отправленъ къ эмиру, а остальные немедленно же зарѣзаны.

(Эмиръ, не имѣвшій причинъ рѣзать ферганскихъ инсургентовъ, лично ему бывшихъ даже на руку, отпустилъ Мулла-халь-бека, который благополучно возвратился въ Фергану).

Получивъ свѣдѣнія объ этихъ происшествіяхъ, Мусульманъ-Кулъ собралъ войска и повелъ ихъ на Ташкентъ, противъ Сарымсакъ-бека, не признавшаго въ немъ мингбаши. На помощь Сарымсакъ-беку эмиръ въ свою очередь выслалъ отрядъ подъ камандой Ляшкеръ-Кушбеги.

Послѣ неудачной осады Ташкента, зимою, въ сильные холода, Мусульманъ-Кулъ былъ вынужденъ вернуться въ Коканъ.

Наступилъ новый 1261 (1845) годъ. Произошли какіе-то безпорядки за Ошемъ, между киргизами. Мусульманъ-Кулъ отправился туда съ отрядомъ, разогналъ киргизъ, захватилъ плѣнныхъ и отослалъ ихъ съ большимъ конвоемъ въ Коканъ, а самъ остался въ Ошѣ, дабы окончательно водворить здѣсь порядокъ и повиновеніе властямъ.

Тѣмъ временемъ въ Коканѣ составилась немногочисленная сначала анти-кипчакская партія, члены которой одинаково недолюбливали и кипчаковъ и самого Ширъ-Али. Коноводъ этой партіи, исфаринскій хакимъ Сатубъ-Алды-Датха, послалъ отъ имени народа пригласительное письмо къ Мурадъ-беку (сынъ Алимъ-хана), который временно проживалъ въ Ура-тюбе.

Мурадъ-бекъ пріѣхалъ сначала въ Исфару, а затѣмъ вмѣстѣ съ Сатубъ-Алды и исфаринскими сипаями направился въ Коканъ.

Была среда. Въ Коканѣ базарный день; кромѣ того масса народа собралась около урды поглазѣть на плѣнныхъ, только что приведенныхъ изъ Оша. Въ это самое время и около урды, и въ нѣсколькихъ концахъ базара, глашатые, заблаговременно высланные изъ Исфары, возвѣстили народу о воцареніи *Мурадъ-хана*, вслѣдъ за чѣмъ самъ Мурадъ и вся его исфаринская свита проскакали по городу и верхами влетѣли въ урду.

Изумленіе и смятеніе всеобщія. Народъ, что называется, ошалѣлъ. Одни, по выраженію лѣтописца, изумились, другіе призадумались, третьи переполошились, четвертые тотчасъ же присоединились къ Мураду.

Ворвавшись въ урду, конвой новаго хана принялся первымъ дѣломъ за грабежъ. Нѣсколькимъ лицамъ, оставшимся при Мурадѣ велѣно было: арестовать Ширъ-Али-хана съ сыновьями, а всѣхъ другихъ обитателей урды изгнать.

О Ширъ-Али говорятъ различно. Одни увѣряютъ, что онъ бѣжалъ въ садъ, гдѣ его розыскали и привели къ Мураду, другіе—что онъ засѣлъ въ одной изъ комнатъ урды и тамъ ждалъ своей участи.

На третій день царствованія Мурадъ-хана, Ширъ-Али былъ зарѣзанъ въ урдѣ, послѣ чего Мурадъ велѣлъ исподволь отравить Малля, Суфи и Султанъ-Мурадъ-бека, давая

имъ опіумъ. Худояръ-бекъ былъ въ это время въ Намапганѣ.

(Приказъ, касавшійся бековъ не былъ исполненъ немедленно же и они остались невредимыми, просидѣвъ 11 дней подъ арестомъ гдѣ-то внѣ урды).

Изъ Ходжента и Нау, Мурадъ ханъ вызвалъ Мадъ-Керима и Ахунъ-Датху и поручилъ имъ охрану Кокана.

Узнавъ о воцареніи Мурада, Мирзадъ-Кушбеги и Азизъ-Парваначи (оба кипчаки), бывшіе при Худоярѣ, шлютъ гонцовъ къ Мусульманъ-Кулу, сзываютъ кипчаковъ и увозятъ Худояра изъ Намангана на хуторъ, принадлежавшій Мирзаду и находившійся верстахъ въ 14 отъ Намангана, около кишлака Киргизъ—Курганъ, на большой кокандской дорогѣ. Мусульманъ-Кулъ летитъ сюда-же.

Кипчаки собираются на правомъ берегу Дарьи, около киргизъ-курганской переправы, провозглашаютъ несовершеннолѣтняго Худояра ханомъ и идутъ, предводимые Мусульманъ-Куломъ—регентомъ, на Коканъ, охрана котораго была поручена Мурадомъ Мадъ-Кериму и Ахунъ-Датхѣ. Ахунъ пробуетъ обороняться, но Мадъ-Керимъ отворяетъ городскіе ворота кипчакамъ; часть ихъ устремляется къ урдѣ, а другая разбредается по городу, грабитъ и рѣжетъ сартовъ.— Мурадъ-ханъ отстрѣливается сначала изъ оконъ урды, потомъ бросается наружу, рубитъ шашкой нѣсколькихъ кипчаковъ и скрывается въ саду. Пролежавъ здѣсь до ночи, онъ ушелъ отсюда подъ прикрытіемъ темноты и скрылся въ домѣ какого-то сарта (по имени Турунъ), который вскорѣ же выдалъ его Мусульманъ-Кулу. Мурадъ-ханъ былъ зарѣзанъ, процарствовавъ всего 11 дней. Люди, знавшіе его раньше, говорятъ, что при жизни завѣтнымъ его желаніемъ было *„поцарствовать хотя бы два дня“*.

Вмѣстѣ съ Мурадъ-ханомъ были зарѣзаны Сатубъ-Алды и Ахунъ-Датха. Вслѣдъ за этимъ кипчаки же зарѣзали въ Коканѣ Маназаръ-бека, Сулейманъ-ходжу Шейхъ-уль-ислама, Дамулла-ходжамъ-кули-Казй-келяна и Мулла-халь-Матъ-Ахунъ-Агляма.

(Послѣдніе трое пользовались громадной популярностью среди кокандцевъ и пали по нижеслѣдующей причинѣ. Когда Мурадъ объявилъ себя ханомъ, а Ширъ-Али былъ

зарѣзанъ, въ Кокандѣ переворотъ этотъ сарты приписали кипчакамъ; тогда Сулейманъ-ходжа по праву шейхъ-ульислама составилъ *Риваятъ* (постановленіе), которымъ кипчаки обвинялись въ попраніи шаріата и государственной измѣнѣ. Остальные двое приложили свои печати къ этому документу и обнародовали его).

Худояръ-ханъ былъ помѣщенъ въ урдѣ; ему отдавались тѣ почести, которыя приличествовали его сану, но вся власть была въ рукахъ Мусульманъ-Кула регента и кипчаковъ. Насиліямъ не было конца и описывать всѣ ихъ было бы слишкомъ долго, а потому упомянемъ лишь о нѣкоторыхъ. По большей части безграмотные, далекіе даже и отъ здѣшней, средне-азіатской образованности, кипчаки разгоняли учениковъ изъ медрессэ, жгли книги и на каждомъ шагу старались унизить муллъ, по большей части сартовъ.

Масса кипчаковъ по обстоятельствамъ того времени должны были переселиться изъ своихъ хуторовъ въ Кокандъ; домовладѣльцы сарты изгонялись изъ своихъ домовъ; свободные участки земли отбирались отъ ихъ хозяевъ, а тополя, необходимые для возводимыхъ на этихъ участкахъ построекъ, рубились въ первомъ встрѣчномъ сартовскомъ саду.

Женясь на сартянкѣ, кипчакъ не платилъ ея родителямъ *калыма*, который обѣщалъ уплатить во время заключенія брачнаго договора. Арыки сдѣлались частной собственностью кипчаковъ; имѣя надобность оросить свое поле, сартъ получалъ воду тогда только, когда уплачивалъ нѣкоторую дань тому кипчаку, который объявилъ себя хозяиномъ даннаго арыка. И т. д. безъ конца и безъ всякой возможности для сарта найти правосудіе, ибо и оно было въ рукахъ тѣхъ же кипчаковъ.

Понятно, какая ненависть должна была присоединиться къ той злобѣ, которая давно уже легла между сартами и кипчаками.

Разсказываютъ, что будто бы Мусульманъ-Кулъ, упоенный успѣхомъ и ослѣпленный властью, началъ уже было недовольствоваться ролью регента, сталъ подумывать и даже заговаривать съ нѣкоторыми кипчаками о низложеніи Худояра, но встрѣтилъ сильную оппозицію среди кипчаковъ же, а именно въ лицѣ Мирзàда; послѣдній, во первыхъ, и зави-

довалъ, и не довѣрялъ всесильному временщику, а во вторыхъ, симпатизировалъ юному хану, при которомъ находился почти безотлучно со времени паденія Шады [1]).

Лѣтомъ того же 1261 (1845) года Мусульманъ-Кулъ выступилъ въ походъ, намѣреваясь возвратить Ура-тюбе, утраченное Мадали-ханомъ во время его первой войны съ Бухарой. Для вида Мусульманъ-Кулъ захватилъ съ собой и Худояръ-хана. По приходѣ въ Хальта-кишлакъ (около Канибадама) нѣсколько человѣкъ было послано въ Ходжентъ, привести (оттуда) тамошняго хакима Мадъ-Керима-Датху, который по прибытіи сюда былъ зарѣзанъ за его сношенія съ Мурадомъ. Вмѣстѣ съ нимъ былъ зарѣзанъ и *аминъ* кишлака Хальта, по какой именно причинѣ—неизвѣстно. Въ Ходжентъ былъ назначенъ кипчакъ, Турды-бай. Далѣе Мусульманъ-Кулъ попробовалъ штурмовать Ура-тюбе, не взялъ его и возвратился въ Коканъ.

Ташкентъ, управлявшійся Сарымсакъ-бекомъ, по прежнему не признавалъ ни Мусульманъ-Кула, ни хана, ибо последній, во первыхъ, былъ во власти кипчаковъ, а во вторыхъ, былъ избранъ не законно, такъ какъ при этомъ избраніи обошли обоихъ старшихъ братьевъ Худояра.

(Послѣдній вслѣдствіе своего несовершеннолѣтія былъ какъ нельзя болѣе выгоденъ для кипчаковъ, ибо давалъ мѣсто существованію регента).

Надѣясь быть въ Ташкентѣ счастливѣе, чѣмъ въ Ура-тюбе, Мусульманъ-Кулъ двинулся туда зимою въ концѣ 1261 или въ началѣ 1262 года. Послѣ тщетной 40 дневной осады онъ и отсюда долженъ былъ ни съ чѣмъ возвратится въ Коканъ.

---

[1]) Здѣсь мнѣ пришелъ на память одинъ фактъ, умолчать о которомъ я не желалъ бы, такъ какъ онъ прекрасно рисуетъ то, до какихъ степеней доходила и доходитъ казуистика мѣстныхъ муллъ. Провозгласивъ ханомъ Худояра, обошли двухъ старшихъ его братьевъ: Сарымсака и Маллл-бека. Впослѣдствіи, когда Худояръ овладѣлъ уже всѣми прерогативами власти, муллы, желая нравственно, такъ сказать, укрѣпить Худояра въ сознаніи своихъ правъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чѣмъ либо санкціонировать этотъ выборъ, отрыли въ книгѣ *Хадисъ* указаніе на то, что *среднее есть наилучшее.* (Худояръ былъ среднимъ, третьимъ изъ пяти братьевъ).

Весной въ Ташкентъ былъ посланъ Міанъ-Халилъ, склонить Сарымсакъ-бека къ добровольному признанію власти хана. Послѣ нѣкоторыхъ увѣщаній Сарымсакъ пріѣхалъ въ Коканъ. Здѣсь онъ видѣлся съ ханомъ и Мусульманъ-Куломъ, получилъ назначеніе въ Балыкчи и вскорѣ же былъ тамъ зарѣзанъ.

Большинство приписываетъ смерть Сарымсакъ-бека хану, но на самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ вѣрно, ибо въ то время въ рукахъ Худояра не было буквально никакой власти; очень возможно, что Худояръ и выразилъ свое согласіе, но если бы онъ его и не выражалъ, то Мусульманъ-Кулъ все равно зарѣзалъ бы или отравилъ Сарымсака, который имѣлъ не мало сторонниковъ, а потому былъ для регента очень и очень опаснымъ. На мѣсто Сарымсакъ-бека въ Ташкентъ былъ назначенъ Мулла-халь-бекъ (кипчакъ), но черезъ три мѣсяца его замѣнилъ почему-то Азизъ-Парваначи (тоже кипчакъ). Это смѣщеніе послужило причиною вражды между обоими, вмѣстѣ съ чѣмъ въ среду кипчаковъ стали проникать раздоры и несогласія.

Въ 1263 (1846) году Мусульманъ-Кулъ надумалъ попытать счастья въ Ура-тюбе, двинулся туда, разграбилъ окрѣстности, пробовалъ было осаждать, но отступилъ, не добившись ровно никакихъ результатовъ. Тогда между кипчаками произошелъ полный разладъ. Дорогою же, во время отступленія отъ Ура-тюбе, они собрали совѣтъ, на которомъ большинство признало Мусульманъ-Кула неспособнымъ какъ полководца и изгнало его хакимомъ въ Аблыкъ; на мѣсто мингбаши былъ возведенъ Мулла-халь-бекъ (кипчакъ). Эти событія поселили еще большій раздоръ между кипчаками и могли способствовать перевороту въ пользу установленія единоличной власти Худояра, но большинство окружавшихъ послѣдняго по прежнему были кипчаки и онъ пока равно ничего еще не могъ подѣлать, тѣмъ болѣе, что народу или, вѣрнѣе, сартамъ было не до Худояръ-хана и его прерогативъ, такъ какъ въ Ферганѣ свирѣпствовала въ это время холера.

Нѣсколько ранѣе только что описанныхъ событій въ Ташкентѣ происходило слѣдующее. Во время назначенія сюда Азизъ-Парваначи, Туркестанъ, которымъ управлялъ

Канаатъ-Ша (таджикъ, старшій братъ Доврапъ-бека, одна изъ креатуръ павшаго въ свое время Шады-мингбаши) отложился.

Азизъ Парванчи двинулся туда съ войсками, осаждалъ городъ, не взялъ его и возвратился въ Ташкентъ, оставивъ въ Иканѣ 1200 человѣкъ подъ начальствомъ Умешъ-бія.

Вскорѣ-же Умешъ-бій тѣснимый туркестанцами, принужденъ былъ бѣжать. На мѣсто Умешъ-бія былъ посланъ его братъ, но и онъ не удержался въ Иканѣ. Тогда Азизъ-Парванчи снова самъ двинулся на Туркестанъ. Осада продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіи которыхъ осаждающими была выстроена небольшая крѣпостца и даже произведены посѣвы хлѣбныхъ растеній.

Канаатъ-Ша, запертый въ городѣ и отрѣзанный со всѣхъ сторонъ, сдался наконецъ, выговоривъ себѣ право безпрепятственно уйти въ Бухару. Оставивъ въ Туркестанѣ свой гарнизонъ, Азизъ-Парванчи отправился было въ Ташкентъ, но на дорогѣ получилъ извѣстіе о замѣнѣ Мусульманъ-Кула Мулла-халъ-бекомъ, съ которымъ онъ давно уже былъ въ личныхъ враждебныхъ отношеніяхъ.

Азизъ въ негодованіи; онъ возвращается въ Туркестанъ и укрѣпляетъ его; затѣмъ идетъ въ Ташкентъ, тоже укрѣпляется и ни отъ кого не скрываетъ своего намѣренія отложиться отъ Ферганы.

Вскорѣ въ Коканѣ пошли новые раздоры между кипчаками, большая часть которыхъ начала уже раскаяваться въ назначеніи на должность мингбаши Мулла-халъ-бека. Одновременно съ этимъ образуется небольшая (кипчакская же) секція, которая подаетъ голосъ за низверженіе Худояра и возведеніе на его мѣсто Падша-ходжа-Турё, приходившагося по женской линіи родственникомъ Нарбута-бію. Узнавъ объ этой затѣѣ, остальныя кипчаки начинаютъ рѣзать заговорщиковъ а изъ Ташкента приходятъ вѣсти о томъ, что тамошній хакимъ Азизъ-Парванчи намѣренъ отложиться. Это извѣстіе поражаетъ кипчаковъ; они боятся окончательно ослабѣть, благодаря внутреннимъ своимъ раздорамъ и шлютъ въ Ташкентъ старшинъ, уговорить мятежнаго Азиза. Тотъ и слушать не хочетъ.

Тогда Худояръ-ханъ, пользуясь обстоятельствами, временно приподымаетъ голову и лично отдаетъ приказъ о выступленіи противъ Ташкента. Послѣ неудачной осады этого города войска Худояра отступаютъ. По прибытіи ихъ въ Тиляу кипчаки снова собираются на совѣтъ; сторонники Мусульманъ-Кула стараются приписать только что понесенную неудачу отсутствію въ войскахъ бывшаго регента; Муллахаль-бекъ изгоняется изъ мингбашей, а на его мѣсто опять водворяютъ Мусульманъ-Кула, не смотря на то, что авторитетъ его среди кипчаковъ былъ уже въ значительной степени подорванъ.

Къ нему обращались на этотъ разъ больше по старой памяти и потому, что не находили другаго такого, который могъ бы замѣнить собою прежняго Мусульманъ-Кула, всесильнаго регента—временщика.

Послѣ ухода кокандцевъ изъ подъ Ташкента, Азизъ-Парваначи къ крайнему своему неудовольствію замѣтилъ, что денегъ у него слишкомъ мало. Тогда онъ установилъ нѣсколько добавочныхъ, экстраординарныхъ налоговъ, вродѣ *тилля-пули*, *мисъ-пули*, *улау-пули* и иныхъ. (Тилля-золото, мисъ-мѣдь; улау—вьючное животное). Налогами этими облагались золотыя и мѣдныя монеты, вьючныя и упряжныя животныя и т. п. Каждый, обладавшій данными предметами, долженъ былъ оплачивать право обладанія ими нѣкоторой частью ихъ стоимости [1]).

По существу своему большая часть этихъ экстраординарныхъ налоговъ вызывала необходимость повальныхъ обысковъ; кромѣ того всякій вообще новый налогъ, какъ извѣстно, въ большинствѣ случаевъ ведетъ къ неудовольствіямъ плательщиковъ. Натурально, что и тѣ налоги, которыми Азизъ-Парваначи обложилъ новыхъ своихъ подданныхъ въ Ташкентѣ, тоже вызвали ропотъ. Ропотъ этотъ немедленно же перешелъ въ вооруженное возстаніе, которымъ руково-

[1]) Этого рода налоги очень часто практиковались и въ кокандскомъ ханствѣ. Такъ напр. *мисъ-пули* взимались съ народа каждый разъ, когда хану требовалось отлить одно или нѣсколько новыхъ артиллерійскихъ орудій,

дилъ однпъ изъ очень вліятельныхъ ташкентскихъ граждапъ, Ма-Юсупъ-бай (ткачъ шелковыхъ матерій, имѣвшій свою большую мастерскую).

На баррикадированныхъ улицахъ Ташкента шла рѣзня между народомъ и нукерами Азіза; народъ уже начиналъ одолѣвать, но удалось пустить въ дѣло артиллерію, и возстаніе было подавлено.

Черезъ нѣсколько дней народъ снова вооружился, и снова началась рѣзня.

Тѣмъ временемъ, узнавъ объ этихъ безпорядкахъ, кокандскія войска спѣшили уже къ Ташкенту, который послѣ непродолжительной осады былъ взятъ. Азизъ былъ отправленъ въ Коканъ и тамъ зарѣзанъ, а въ Ташкентѣ назначенъ (кипчакъ) Норъ-Матъ-Датха.

Въ 1264 (1847) году одинъ изъ ходжей, претендентовъ на кашгарскій престолъ, по имени Катта-Турё (иначе Ходжа-Турё или Ишанъ-ханъ-Турё), имѣя нѣсколько сообщниковъ изъ ходжей-же, собралъ въ Ферганѣ отрядъ волонтеровъ и двинулся съ нимъ въ Кашгаръ. За Ошемъ къ нему присоединились Алимъ-бій и Хыдыръ-бій со своими киргизами.

Кашгаръ былъ снова отнятъ у китайцевъ, но ходжи здѣсь не удержались. Мусульманъ-Кулъ (чѣмъ онъ руководствовался въ данномъ случаѣ, неизвѣстно) писалъ обоимъ біямъ, прося ихъ разстроить войска ходжей; Алимъ и Хыдыръ увели своихъ киргизъ и разошлись по домамъ, Катта-Турё долженъ былъ бѣжать. Дѣло было зимой. Вслѣдъ за Турёй въ Фергану двинулась новая масса кашгарскихъ эмигрантовъ. Множество дѣтей замерзло при переходѣ черезъ Терекъ-Дованъ; взрослые отмораживали себѣ руки и ноги; многіе умерли отъ голода, такъ какъ припасовъ почти не было. По приходѣ въ Ошь кашгарцы продавали своихъ дочерей по 2—4 руб., дабы добыть денегъ на покупку хлѣба.

Катта-Турё съ остатками своихъ войскъ былъ арестованъ и обезоруженъ, а вывезенное имъ изъ Кашгара имущество было конфисковано въ пользу хана, который, не ограничиваясь этимъ, весной послалъ людей на Терекъ-Дованъ, подобрать все брошенное тамъ прошлогодними бѣглецами изъ Кашгара (мѣдныя деньги, посуда, сбруя, оружіе и т. п.).

Между тѣмъ въ Ферганѣ несогласія между кипчаками не прекращались. Кипчаки раздѣлились на двѣ партіи: сторонниковъ и противниковъ Мусульманъ-Кула. Къ послѣднимъ принадлежали Норъ-Матъ-Датха (ташкентскій хакимъ) Хатàмъ-Кулъ (тюря-курганскій), Утамъ-бай (маргеланскій), Мингбай, убитый впослѣдствіи въ сраженіи съ русскими подъ Чимкентомъ, Хальматъ-Датха и Ходжа-Мергенъ, старшій братъ Мирзàда. Между Норъ-Матъ-Датхой, проживавшимъ въ Ташкентѣ и кокандскими кипчаками шла самая дѣятельная переписка о новомъ смѣщеніи Мусульманъ-Кула.

Въ 1265 (1848) году поводъ къ этому представился въ видѣ новаго и опять таки неудачнаго похода на Ура-тюбе. Мусульманъ-Кулъ снова былъ смѣщенъ и назначенъ въ Чустъ, а его мѣсто занялъ Мадіаръ-Датха (кипчакъ).

Въ этомъ же году Худояръ-ханъ снова пошелъ на Ура-тюбе и на этотъ разъ уже взялъ его. Была воздвигнута *Каллà-Минарà* (башня изъ головъ), а хакимомъ Ура-тюбе былъ назначенъ Абду-Гафаръ-бекъ (рода Юзъ), послѣ чего Худояръ не сталъ уже упускать ни одного благопріятнаго случая для замѣщенія тѣхъ или другихъ должностей помимо кипчаковъ.

Вскорѣ Мусульманъ-Кулъ, желая опять занять мѣсто мингбаши, собираетъ въ Чустѣ вооруженныхъ кипчаковъ и входитъ въ Коканъ. Мадіаръ-мингбаши вступаетъ съ нимъ въ переговоры, послѣ которыхъ Мусульманъ-Кулъ получаетъ Андижанъ, а одинъ изъ его соратниковъ, Рахманчà-Датха, Чустъ. На этомъ пока и примиряются (андижанскій вилаетъ давалъ значительно больше чусткаго).

Въ Коканѣ проживалъ бухарецъ, Хальфà-Сафà-Ишàнъ, пользовавшійся репутаціей человѣка святой жизни и имѣвшій большое число мюрйдовъ къ которымъ принадлежалъ и Мадіаръ-мингабаши. Однажды Мадіаръ зашелъ къ своему духовнику и наставнику въ вѣрѣ. Подали *дастархàнъ* (угощеніе). Ишàнъ долго говорилъ о душѣ, о Богѣ, объ обязанностяхъ человѣка и т. п.

Потолковавъ такимъ образомъ и закусивъ, разошлись. Прійдя домой, Мадіаръ почувствовалъ себя нехорошо и послалъ за докторами. Тѣ увѣрили его въ томъ, что онъ отравленъ. Тогда отдается приказъ: немедленно же схватить

Ишана, отвезти его въ Ошь и тамъ зарѣзать. Приказъ этотъ былъ въ точности исполненъ не смотря на то, что Мадіаръ, не принимая никакихъ лекарствъ, проснулся на другое утро совершенно здоровымъ.

Кипчаки сторонники Мусульманъ-Кула, можетъ быть дѣйствительно возмущенные казнью святаго по ихъ мнѣнію человѣка, а вѣрнѣе, пользуясь удобнымъ случаемъ, шлютъ за своимъ патрономъ въ Андижанъ. Онъ собираетъ нукеровъ, скачетъ съ ними въ Коканъ и занимаетъ ханскую урду. Худояръ-ханъ переполашивается и немедленно же возвращаетъ Мусульманъ-Кулу мѣсто мингбаши. Узнавъ объ этомъ, Мадіаръ бѣжитъ въ урду съ намѣреніемъ поколотить своего обидчика. Его съ трудомъ уговариваютъ и уводятъ въ домъ Кази-Келяна.

Мулла-халь-бекъ и Рахманча пріѣзжаютъ, дабы поддержать Мусульманъ-Кула, а вслѣдъ за этимъ противники послѣдняго тоже собираются и начинаютъ перестрѣлку съ урдой. Порядокъ удалось возстановить лишь съ очень большимъ трудомъ, послѣ чего Мадіаръ былъ сосланъ на житье въ Ики-су-арасы.

Однажды, во время полудня, Мадіаръ, Мулла-халь-бекъ, Рахманча и Джума-бай съ 500 кипчаковъ ворвались въ урду съ явнымъ намѣреніемъ убить хана. Нападеніе это было отражено; Мулла-халь-бекъ съ нѣсколькими кипчаками былъ схваченъ и тутъ же зарѣзанъ, а остальные разбѣжались.

Черезъ нѣсколько времени Мулла-Карымъ-Кулъ-Дастарханчи поѣхалъ изъ Кокана въ Падакъ (кишлакъ чустскаго вилаета), куда онъ былъ приглашенъ кѣмъ-то на свадьбу. Возвращаясь съ этого праздества, Дастарханчи узналъ стороной, что Мусульманъ-Кулъ выслалъ убійцъ, которымъ велѣно покончить съ нимъ дорогой. Онъ бросился въ Ташкентъ, къ Норъ-Матъ-Датхѣ, съ которымъ былъ въ дружбѣ.

Насталъ 1268 (1851) годъ. Изъ Ташкента пришли слухи о томъ, что тамошніе кипчаки дѣятельно готовятся къ войнѣ съ Мусульманъ-Куломъ. Ранней весной, желая предупредить своихъ враговъ, Мусульманъ-Кулъ выступилъ противъ Ташкента, но вскорѣ же возвратился, ограничившись нѣсколькими перестрѣлками на р. Саларѣ.

Въ маѣ онъ снова собралъ войска, забралъ съ собой Худояръ-хана и двинулся на Ташкентъ. Халь-Матъ-Датха былъ посланъ произвести нападеніе на Чимкентъ, дабы отвлечь вниманіе противника отъ главныхъ силъ. Дорогой Халь-Матъ передался Норъ-Матъ-Датхѣ и вмѣсто Чимкента ушелъ въ Ташкентъ. Кокандцы обложили городъ, сдѣлали подкопъ и взорвали часть стѣны; черезъ эту брешь въ городъ долженъ былъ ворваться Утамбай, но вмѣсто штурма онъ повелъ своихъ нукеровъ обратно въ лагерь. Мусульманъ-Кулъ въ замѣшательствѣ; Утамбай обѣщаетъ ему штурамовать городъ на завтра. На завтра онъ дѣйствительно выступаетъ, но вмѣсто штурма мирно входитъ въ Ташкентъ и соединяется съ тамошними кипчаками. Видя эту измѣну, Мусульманъ-Кулъ отступаетъ на Чирчикъ, гдѣ на слѣдующій день утромъ его атакуютъ ташкентцы. Онъ разбитъ, всѣми брошенъ и бѣжитъ на Чаткалъ. Тогда ташкенцы окружаютъ Худояра, съ почестями вводятъ его въ городъ и просятъ взять въ свои руки отнятыя у него временщикомъ прерогативы ханской власти.

Утамбай назначается на должность мингбаши и немедленно же отсылается въ Коканъ. Въ Ташкентѣ былъ оставленъ Норъ-Матъ-Датха, но въ помощники къ нему (батыръ-баши) назначенъ сартъ, Касымъ.

Въ это самое время въ Коканѣ одинъ изъ дальнихъ родственниковъ Худояръ-хана, Абдулла-бекъ,собралъ около 1000 человѣкъ разнаго сброда, овладѣлъ урдой и провозгласилъ себя ханомъ.

Вслѣдъ за этимъ провозглашеніемъ въ Коканъ пришелъ авангардъ ханскихъ войскъ подъ начальствомъ Карымъ-Кула Достарханчи. Утамбай-мингбаши и Карымъ-Кулъ бросаются въ урду и рѣжутъ тамъ самозваннаго Абдулла-хана, послѣ чего Утамбай, пользуясь случаемъ, обвиняетъ своего заклятаго врага, Мирзàда [1]), въ сообщничествѣ съ Абдул-

---

[1]) Во время управленія маргеланскимъ вилаетомъ Утамбай возвелъ на Саунъ-булакѣ какія-то постройки. Мирзадъ, на правахъ человѣка близкаго къ хану, а потому сильнаго, постройки эти разрушилъ и большую часть строительнаго матеріала увезъ къ себѣ, въ Коканъ. Это послужило поводомъ къ самой лютой, непримиримой враждѣ между обоими сановниками.

лой и тоже казнить. (Мирзадъ только что передъ этимъ пріѣхалъ въ Коканъ; онъ бѣжалъ изъ подъ Ташкента одновременно съ Мусульманъ-Куломъ).

По возвращеніи въ Коканъ, Худояръ-ханъ фактически вступилъ въ управленіе дѣлами. Малля-бекъ (старшій братъ хана), бывшій до сихъ поръ не у дѣлъ, былъ назначенъ въ Маргеланъ. Утамбай-мингбаши далъ торжественное обѣщаніе не держаться политики Мусульманъ-Кула и одинаково относиться какъ къ кипчакамъ, такъ и къ сартамъ. Нѣкоторое относительное спокойствіе водворялось было въ ханствѣ, но не прошло и мѣсяца, какъ вновь начались смуты.

Кипчаки завели переговоры съ Мусульманъ-Куломъ, скрывавшимся на Чаткалѣ, и стали звать его въ Фергану, а Худояръ рѣшилъ во чтобы то ни стало покончить съ *„чертовымъ племенемъ"*. Въ началѣ осени всѣмъ было извѣстно, что кипчаки затѣваютъ что то такое, но не поднимаются потому только, что имъ не удается уговорить Мусульманъ-Кула вернуться въ Фергану. На всѣ предложенія и призывы онъ отвѣчалъ упреками за то, что его бросили подъ Ташкентомъ.

Ради предосторожности Худояръ вызвалъ изъ Ташкента Норъ-Матъ-Датху съ его отрядомъ, а вслѣдъ за гонцами, посланными къ Норъ-Мату, полетѣли другіе съ секретнымъ ханскимъ письмомъ къ Касыму. Въ этомъ письмѣ Худояръ просилъ Касыма (помощникъ Норъ-Мата по военной части) двинуть изъ Ташкента главнымъ образомъ сартовскія дружины и быть въ Коканѣ непремѣнно *во вторникъ, 27 числа мѣсяца Курбана.*

Узнавъ о томъ, что ханъ вызвалъ ташкенскія войска на подмогу, кипчаки послали къ Норъ-Мату письмо съ просьбою не торопиться и дать время Мусульманъ-Кулу пріѣхать въ Фергану.

Это письмо, тайно переданное Датхѣ, застало его уже въ дорогѣ; онъ обѣщалъ посланнымъ не торопиться и остановилъ свой отрядъ у кишлака Чарвàкъ-Турангỳ, на лѣвомъ берегу Дарьи, неподалеку отъ чильмахрамской переправы.

Остановка эта была мотивирована необходимостью раздать нѣкоторымъ чинамъ наградные халаты, дабы поощрить

нхъ къ предстоящей защитѣ правъ хана Однакоже уловка эта не удалась. Касымъ-бытыръ-баши, Якубъ-бекъ (бывшій впослѣдствіи въ Кашгарѣ, и тогда имѣвшій чинъ и должность Пансата), Пазыль-бекъ, Камбаръ-бекъ и Миръ-Зарифъ-Ясаулъ, всё сарты, арестовали Норъ-Мата въ Чарвакъ-Турангу, отобрали нѣсколько сотъ человѣкъ наиболѣе надежныхъ сипаевъ—сартовъ и подъ начальствомъ Касыма форсированнымъ маршемъ двинулись въ Коканъ. Дорогою ихъ встрѣтили ханскіе гонцы съ просьбою и приказаніемъ торопиться.

Утромъ 27-го Курбана, Худояръ принималъ въ урдѣ обычный селямъ. По окончаніи этой непродолжительной церемоніи кипчаки окружили хана и стали упрекать его въ очевидныхъ замыслахъ противъ нихъ, въ вызовѣ войскъ изъ Ташкента. Упреки мало по малу стали переходить въ крики и брань; нѣкоторые начали уже грозить Худояру смертью; въ этотъ самый моментъ ташкентцы на галопѣ врываются въ урду верхами, съ обнаженными шашками, съ зажженными фитилями у ружей и съ мѣста начинаютъ рубить кипчаковъ. Нѣкоторымъ удается выскочить на улицу; ихъ преслѣдуютъ, догоняютъ и рубятъ.

Кокандцы сарты, узнавъ, что ханъ началъ уже избіеніе кипчаковъ, вооружаются чѣмъ попало, разсыпаются по городу и тоже начинаютъ душить своихъ давнихъ притѣснителей.

„*Чортову племени*“ припоминаются и тополя, срубленные въ садахъ, и силою отнятые дома, и невѣсты, неоплаченныя калымомъ, и вода сартовскихъ арыковъ, которой приходилось пользоваться ея же хозяевамъ за деньги, словомъ, все то, въ чемъ проявлялись кипчакскія насилія въ теченіи послѣднихъ семи лѣтъ.

Кипчаковъ стали избивать на улицахъ, на площадяхъ, въ домахъ, въ мечетяхъ, въ садахъ, вездѣ тамъ, гдѣ ихъ находили сарты, поднявшіеся на мщеніе.

Хатамъ-Кулъ, бывшій въ это время уже не у дѣлъ, спасаясь отъ убійцъ, ворвавшихся во дворъ, вскочилъ на крышу, оттуда спрыгнулъ въ садъ, долго бѣжалъ садами же, перелѣзая черезъ встрѣчные глинобитные заборы, поймалъ гдѣ-то по дорогѣ лошадь и ускакалъ на ней въ Тюря-Курганъ,

къ тамошнему хакиму и его пріятелю, Кай-Мурадъ, кипчаку. На другой же день Хатамъ-Кулъ и Кай-Мурадъ, собравъ все, что можно было собрать въ этотъ короткій промежутокъ времени, двинулись въ андижанскій вилаетъ, сзывая всѣхъ своихъ сородичей на урочище Былкылламу, гдѣ вскорѣ же собралось около 2000 вооруженныхъ кипчаковъ.

Въ Коканѣ трупы валялись по всюду и ихъ никто не убиралъ въ теченіи первыхъ 3—4 дней. Это было въ началѣ октября, когда на днѣ ферганской долины солнце припекаетъ еще очень чувствительно. Трупы начали разлагаться; по всему Кокану стоялъ смрадъ. Велѣли собирать убитыхъ, вывозить за городъ и зарывать.

Тѣ кипчаки, которымъ удалось бѣжать, скакали во всѣ концы Ферганы, разнося по всюду вѣсть о кокандской катастрофѣ.

Возвратимся въ урду. Какъ только въ ней не осталось болѣе ни одного живаго кипчака, Худояръ назначилъ на должность мингбаши Касыма. Малля-бекъ, находившійся въ данную минуту при ханѣ, временно былъ сдѣланъ главнокомандующимъ всѣми вообще войсками ханства и поскакалъ въ Маргеланъ, гдѣ онъ числился уже хакимомъ. Онъ пріѣхалъ сюда вечеромъ (того же дня) и сейчасъ же потребовалъ къ себѣ знатнѣйшихъ маргеланскихъ кипчаковъ. Отъ 20 до 30 старшинъ собрались въ урдѣ. Изъ пріемной компаты ихъ по одному уводили на внутренній дворъ урды и тамъ рѣзали.

Въ пятницу 1-го числа мѣсяца Ашура 1269 (3-го октября 1852) года Худояръ-ханъ выступилъ въ походъ во главѣ большаго отряда. Арріергардъ состоялъ, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, изъ нѣсколькихъ тысячь такъ называемыхъ *Кара̀-Кальта̀къ* (въ переводѣ — черная палка; иначе это называлось также и *Кълъ-Куйрю̀къ*), за которыми потянулась цѣлая масса празднаго народа, сартовъ, жаждавшихъ въ очію видѣть кипчакскій погромъ [1]).

---

[1]) Именемъ *Кара̀-Кальта̀къ* или *Кълъ-Куйрю̀къ* называлось нѣчто вродѣ народнаго ополченія, вооруженнаго палками, топорами и другому подобными же орудіями. Этотъ сбродъ шелъ обыкновенно въ ар-

На каждомъ почлегѣ (а ханъ шелъ очень небольшими переходами, давая время собраться отрядамъ разныхъ городовъ) въ лагерѣ открывался цѣлый базаръ. По вечерамъ слышались бубны, пѣсни; плясали батчй, словомъ, все веселилось въ ожиданіи несомнѣнной гибели всего вообще *„чертова племени“*.

Въ Маргеланѣ къ Худояръ-хану присоединился Малля-бекъ. Султанъ-Мурадъ и Суфи-бекъ (младшіе братья) выступили изъ Кокана одновременно съ ханомъ.

Тѣмъ временемъ кипчаки съ нетерпѣніемъ ждали Мусульманъ-Кула на Былкылламѣ и упрекали другъ друга въ томъ, что заблаговременно, въ пору ихъ безусловнаго владычества и силы, никто изъ нихъ не догадался возвести гдѣ либо своего, кипчакскаго укрѣпленія и образовать свою, кипчакскую же артиллерію, которой у нихъ въ данный моментъ не было.

Пріѣхалъ наконецъ Мусульманъ-Кулъ и началъ съ упрековъ въ томъ, что кипчаки бросили его подъ Ташкентомъ.

Вслѣдъ за нимъ изъ Маргелана (или изъ Шарахана) явились ханскіе послы съ предложеніемъ выдать главныхъ зачинщиковъ и коноводовъ, за что обѣщалось безусловное прощеніе остальнымъ. Кипчаки отвѣтили, что они рѣшились драться, драться не на животъ, а на смерть.

Лишь 8-го числа Ашўра (10-го октября) вечеромъ ханъ пришелъ къ Былкылламѣ и остановился въ виду кипчаковъ. На разсвѣтѣ стали выстраиваться. Малля-бекъ стоялъ на правомъ флангѣ; остальные два бека въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ. Большая часть ханскихъ войскъ расположилась на невоздѣланной почвѣ, на сухомъ въ то время лёссѣ, легко обращающемся съ поверхности въ пыль; меньшая часть стояла на обсохшихъ уже и сжатыхъ рисовыхъ поляхъ.

Кипчаки съ повязками на головахъ, дабы имѣть возможность отличать своихъ отъ чужихъ, образовали три ко-

---

аріергардѣ войскъ и имѣлъ на своей обязанности удерживать послѣднія своимъ дубьемъ въ случаѣ ихъ бѣгства; кромѣ того на Кара-Кальтаковъ же возлагалась поправка дорогъ и черная, такъ сказать, часть фортификаціонныхъ работъ въ случаяхъ поправки или возведенія укрѣпленій.

лопны и подошли къ сартамъ шаговъ на 600 (имѣя фронтъ обращеннымъ къ востоку). Тогда только Малля-бекъ открылъ у себя, на правомъ флангѣ, орудійный огонь, который былъ принятъ въ центрѣ и далѣе.

Кипчаки съ неистовымъ гикомъ и воемъ пошли въ атаку, въ результатѣ которой получилась удивительная, почти невѣроятная кутерьма. Прежде всего моментально же поднялось такое облако пыли, смѣшанной съ пороховымъ дымомъ, среди котораго разсмотрѣть что либо было почти невозможно. Лѣвая колонна кипчаковъ, не доходя до Малля-бека, свернула въ сторону, обогнула бека слѣва, изрубила въ тылу у него нѣсколько сотъ Кара̀-Кальта̀ковъ и погнала народъ, который бѣжалъ, разнося вѣсть о пораженіи хана.

Часть ханскаго праваго фланга перемѣнила фронтъ, схватилась съ обошедшими этотъ флангъ кипчаками, смяла ихъ и погнала на сѣверъ; другая часть этого же фланга, тѣснимая средней кипчакской колонной, бѣжала; центръ выдержалъ атаку, отбилъ её и погналъ кипчаковъ къ Намангану; лѣвый флангъ бѣжалъ. Кипчаки бѣжали, увѣренные въ томъ, что они разбиты; сарты неслись въ разныя стороны, крича, что ха̀нъ разбитъ.

Насколько бѣшено, насколько неудержимо было это всеобщее бѣгство другъ отъ друга, можно судить изъ слѣдующаго. Одинъ мирный гражданинъ, старательно утекавшій съ поля сраженія, разсказывалъ мнѣ, что его *унесла* толпа такихъ же какъ и онъ зѣвакъ въ тотъ самый моментъ, когда лѣвая колонна кипчаковъ пошла въ обходъ Малля-бека. Онъ скакалъ вмѣстѣ съ прочими на протяженіи нѣсколькихъ верстъ въ такой пыли, что, по его словамъ, не различалъ даже головы своей лошади.

Ніазъ-Кушбеги, совершенно увѣренный въ побѣдѣ кипчаковъ, бѣжалъ, нигдѣ почти не останавливаясь, въ Джизакъ.

Карымъ-Кулъ-Датха былъ пойманъ народомъ на урочищѣ Язы, за Чустомъ, около Камышъ-Кургана и убитъ за то, что бросилъ хана на произволъ судьбы.

Все это бѣжало, крича о томъ, что ханъ разбитъ. Въ это же самое время большая часть кипчаковъ неслась къ Намангану и Касану, отнюдь не сомнѣваясь въ своемъ пораженіи.

Когда на мѣстѣ сраженія пыль разсѣялась и улеглась, здѣсь не оставалось никого, кромѣ труповъ и раненныхъ. Ханъ тоже бѣжалъ, но скрылся не подалеку между поросшими камышемъ озерами Тўренъ-Кўль. При немъ оставалось по однимъ 15, а по другимъ 200 человѣкъ.

Первымъ объявился Малля-бекъ. Возвратившись на поле сраженія, онъ нашелъ здѣсь, среди массы труповъ, между прочимъ и трупъ Казàнъ-ходжа-хаджй-Келяна, бывшаго ишаномъ (духовникомъ) Худояра. Сипаи и сарбазы столпились у трупа и подняли вой. Тѣмъ временемъ Малля-бекъ и Худояръ-ханъ взаимно отыскались. Первымъ долгомъ сообща принялись хоронить ишана, оглашая Былкылламу воплями нѣсколькихъ сотъ голосовъ. Затѣмъ стали трубить, возвѣщая о побѣдѣ, но этимъ трубнымъ гласамъ сначала никто не хотѣлъ вѣрить. Многіе скрывались по близости, слышали ханскія трубы, но тѣмъ не менѣе не рѣшались выходить изъ своихъ убѣжищь.

За Малля-бекомъ отыскался и Суфи-бекъ, который бѣжалъ было куда-то далеко. Ханъ остался въ кишлакѣ Байтокъ; сюда же мало по малу стали собираться разбѣжавшіяся войска и ихъ начальники.

Курбанъ-бекъ-Датха былъ посланъ въ Коканъ успокоить народъ, а въ другіе города разосланы прокламаціи, извѣщавшія вѣрныхъ подданныхъ о побѣдѣ надъ кипчаками, которыхъ народъ сталъ повсюду частью избивать, частью же ловить и препровождать въ Байтокъ къ хану. Привели, наконецъ, и Мусульманъ-Кула, пойманнаго около кишлака Уйчи (наманганскаго вилаета).

Мусульманъ-Кулъ вмѣстѣ съ захваченными по данный моментъ кипчаками былъ отправленъ въ Коканъ. Когда ихъ привели къ окраинѣ столицы, начались ужасныя сцены. Черезъ каждыя 150—200 саженей поѣздъ останавливался и палачи рѣзали на дорогѣ нѣсколькихъ плѣнныхъ. Съ этой ужасной церемоніей, невообразимой для людей иныхъ понятій о человѣчности и законности, потрясающая процессія дошла до большой площади. Здѣсь былъ врытъ столбъ съ небольшой досчатой площадкой наверху; на эту площадку былъ посаженъ Мусульманъ-Кулъ; его приковали цѣпями къ столбу и приставили сильный караулъ.

Остальные плѣнные кипчаки были заточены въ ямы; черезъ каждые 2—3 часа, голодныхъ и жаждавшихъ, ихъ приводили сюда по 2, по 3 и рѣзали у подножія позорнаго столба.

Эти неистовыя, кровавыя безобразія продолжались три дня. Нельзя не удивляться безчеловѣчію, изувѣрству и кровожадности тѣхъ, кто въ теченіи цѣлыхъ трехъ дней не могъ потушить огня своей мести въ потокахъ лившейся тогда человѣческой крови.

Наконецъ ханъ вернулся въ столицу и Мусульманъ-Кулъ былъ торжественно повѣшенъ на бараньемъ базарѣ.

Мусульманъ-Кулъ палъ; при жизни онъ опуталъ кипчаковъ сѣтями своего чрезмѣрнаго честолюбія; когда онъ палъ, эти самыя сѣти повлекли за нимъ его народъ въ бездну ужасовъ, въ бездну воплей безпріютныхъ сиротъ и вдовъ, въ бездну матеріальнаго раззоренія всего того, что успѣло спастись отъ шашекъ и ножей убійцъ.

Какъ ни сильна была ненависть сартовъ къ кипчакамъ, какъ ни кровожаденъ былъ этотъ народъ въ первые моменты побѣды надъ своими бывшими притѣснителями, онъ скоро успокоился, увидѣвъ паденія врага и пересталъ его избивать. Ханъ оказался кровожаднѣе толпы; онъ не успокоился, не счелъ себя ни достаточно отмщеннымъ, ни достаточно гарантированнымъ отъ новыхъ узурпацій со стороны кипчаковъ.

Всюду, гдѣ имѣлись кипчакскія поселенія, были посланы небольшіе отряды войскъ; Фергана была подраздѣлена въ этомъ отношеніи на участки; довѣренныя лица хана были посланы съ приказаніемъ озаботиться, каждому въ порученномъ ему участкѣ, поголовнымъ истребленіемъ кипчаковъ мужчинъ.

Ужасы, повсемѣстно распространенные исполнителями этого приказа, слишкомъ грандіозны для того, чтобы мое слабое, неповоротливое перо въ состояніи было бы описать ихъ. Говорятъ, что въ одномъ только г. Балыкчи погибло не менѣе 1500 кипчаковъ, трупы которыхъ были брошены въ Дарью.

Многихъ не убивали на мѣстѣ, а ловили и отводили въ ближайшіе города для совершенія тамъ надъ ними казни.

Нѣкоторые изъ этихъ плѣнныхъ приводились ранеными и искалеченными.

Въ Намаганѣ, лишь только успѣла начаться эта безчеловѣчная рѣзня, громадная яма, находившаяся около одной изъ общественныхъ бань, въ самомъ же непродолжительномъ времени была верхомъ завалена трупами.

Кипчаковъ вели изо всѣхъ окрестностей города и предварительно арестовывали, затѣмъ по 10, по 15 человѣкъ ихъ выводили на такъ наз. *гузáры* (маленькіе базарчики на уличныхъ перекресткахъ) и рѣзали здѣсь, приводя этой бойней въ неописанный ужасъ мирныхъ жителей города.

Одинъ намаганскій житель, бывшій въ то время мальчикомъ, разсказывалъ мнѣ, что долгое время онъ не рѣшался выходить на улицу и не спалъ нѣсколько ночей, ибо ему мерещились судорожныя, конвульсивныя движенія зарѣзанныхъ, вытаращенные, тусклые глаза, лужи крови, словомъ, все то, что онъ случайно увидѣлъ на базарчикѣ, не подалеку отъ своего дома.

Ужасъ овладѣлъ сартами почти настолько же, на сколько и самыми жертвами ханскаго гнѣва.

Многіе изъ кипчаковъ успѣли, конечно, спастись бѣгствомъ, побольшей части въ горы, къ киргизамъ, но участь ихъ была поистинѣ печальной. Наступила зима. Боясь быть выданными своими укрывателями, что не разъ и случалось, кипчаки ставились въ необходимость перебѣгать изъ одного мѣста въ другое до тѣхъ поръ, пока лютый ханъ не напился таки наконецъ ихъ крови и сталъ сквозь пальцы смотрѣть на существованіе тѣхъ, которые, избѣжавъ ножа или шашки, стали понемногу выползать изъ временныхъ пристанищъ и потихоньку, неслашно проползать на свои пепелища. Увѣряютъ, что во время этихъ зимнихъ перекочевокъ и перебѣганій, изъ одного мѣста въ другое, отъ голода и холода погибла масса кипчакскихъ дѣтей.

Проявивъ крайнюю жестокость послѣ сраженія на Быккыламѣ, Худояръ-ханъ пошелъ далѣе и окончательно опозорился своими послѣдующими дѣяніями.

Увидѣвъ себя властнымъ, крайне жадный на деньги, онъ надумалъ воспользоваться кипчакскимъ разгромомъ для пріумноженія собственныхъ своихъ капиталовъ. Земли всѣхъ

вообще кипчаковъ были конфискованы въ пользу хана, а такъ какъ земли эти Худояръ пожелалъ обратить въ деньги, то и велѣно было продать ихъ по половинной цѣнѣ сартамъ.

Несмотря на значительную дешевизну этого аукціона, большая часть сартовъ отказалась отъ пріобрѣтенія кипчакскихъ земель, ибо была увѣрена, что однажды кипчаки оправятся и тогда имъ, сартамъ, скупившимъ эти земли, не сдобровать.

Видя, что дѣло не клеится, Худояръ-ханъ отдалъ приказъ о принудительной продажѣ, въ силу чего наиболѣе упорные, въ буквальномъ смыслѣ слова,* палками поощрялись къ пріобрѣтенію отъ хана только что конфискованныхъ имъ участковъ.

Понятно, что эта операція отнюдь не могла служить къ упроченію популярности Худояръ-хана среди осѣдлаго, земледѣльческаго населенія; народъ воочію увидѣлъ и понялъ, что онъ попалъ изъ огня да въ полымя, что на мѣсто безправія кипчакскаго водворилось безправіе хана, того недобросовѣстнаго торгаша, какимъ до конца оставался Худояръ.

Однако же ужасъ, наведенный кипчакскими казнями былъ еще такъ свѣжъ въ памяти всѣхъ, что никто не пикнулъ и подневольное пріобрѣтеніе конфискованныхъ земель сартами сошло вполнѣ благополучно.

Покончивъ съ кипчаками, Худояръ-ханъ далъ новыя назначенія своимъ братьямъ:

Малля былъ назначенъ въ Ташкентъ, Султанъ-Мурадъ въ Маргеланъ, а Суфи-бекъ въ Тюря-Курганъ. Одновременно съ этимъ всѣ должности ханства были замѣщены почти исключительно сартами. Въ Андижанъ, напр., былъ назначенъ Иса-бекъ, сартъ.

Глава V.

Напомню читателю, что весной 1269 (1853) года должность мингбаши занималъ Касымъ; въ Ташкентѣ былъ Малля-бекъ, а въ Ура-тюбе Абду-Гафаръ, уратюбинецъ-же изъ рода Юзъ.

Въ концѣ весны, узнавъ о томъ, что русскія войска идутъ въ Акъ-Мечеть (Перовскъ) и что, слѣдовательно, вниманіе Малля-бека будетъ отвлечено отъ Ташкента на сѣверо-западъ, Абду-Гафаръ велѣлъ своей милиціи собираться въ походъ, предполагая сдѣлать набѣгъ на Кураму единственно съ цѣлью грабежа. Когда въ Коканъ пришли вѣсти объ этихъ приготовленіяхъ, тамъ рѣшили, что, вѣроятно, между Абду-Гафаромъ и Малля-бекомъ существуетъ какой-то заговоръ и что необходимо помѣшать ихъ соединенію. Худояръ-ханъ вкупѣ съ Касымомъ наскоро собрали войска, тронулись и пришли въ Махрамъ. Здѣсь Худояру доложили, что изъ Ташкента пріѣхалъ Куркалдашъ съ какимъ-то донесеніемъ отъ Малля-бека. Ханъ, вполнѣ уже увѣренный въ измѣнѣ своего брата, не пожелалъ болѣе принимать никакихъ донесеній отъ воображаемаго измѣнника и велѣлъ Куркалдаша зарѣзать, что тотчасъ же и было исполнено. (Впослѣдствіи оказалось, что Куркалдашъ пріѣзжалъ съ донесеніемъ о движеніи русскихъ съ одной стороны, а Абду-Гафара съ другой и съ просьбою отъ имени Малля-бека о помощи).

Въ Махрамѣ войска раздѣлились; Худояръ направился къ Ташкенту, а Касымъ въ Ура-тюбе.

Ура-тюбе было обложено и уже несомнѣнно близко къ необходимости сдаться, когда Касымъ-мингбаши получилъ приказаніе присоединиться къ хану. Тѣмъ временемъ послѣдній пришелъ въ Кирсучи.

Услышавъ объ этомъ прибытіи хана, Малля-бекъ совсѣмъ не зналъ, чѣмъ объяснить его; онъ самъ только что выступилъ съ отрядомъ изъ Ташкента, намѣреваясь не до-

пустить Абду-Гафара до вторженія въ Кураму. Малля-бекъ возвратился въ Ташкентъ и выслалъ къ хану встрѣчу съ подарками.

Получивъ ихъ, Худояръ, повидимому успокоился, но тѣмъ не менѣе послалъ передать Малля-беку на словахъ нѣчто среднее между выговоромъ и приказаніемъ: „смотрѣть въ оба и знать, что дѣлается у него подъ носомъ".

Разсерженный Малля-бекъ, не зная о томъ, что его донесеніе не принято, а Куркалдашъ зарѣзанъ, отвѣтилъ очень рѣзко; онъ велѣлъ передать хану: „посмотримъ, коли такъ, кто кого притиснетъ въ случаѣ надобности". Отвѣтъ этотъ былъ переданъ дословно; ханъ молчалъ; черезъ нѣсколько времени пришелъ Касымъ со своимъ отрядомъ, Худояръ разгнѣвался на Малля-бека и обложилъ Ташкентъ.

Малля-бекъ сдѣлалъ вылазку, потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ въ Бухару.

Ташкентъ былъ занятъ ханомъ и порученъ Шадманъ-ходжѣ. Затѣмъ Шадманъ, Сарымсакъ и Матъ-Керимъ-Шейхъ были посланы въ Акъ-Мечеть противъ русскихъ, а Худояръ пошелъ на Ура-тюбе.

Послѣ непродолжительной осады Ура-тюбе сдалось, а Абду-Гафаръ вышелъ съ повинной. Худояръ помиловалъ его и пошелъ въ Ямъ, который выслалъ подарки. Ханъ простоялъ здѣсь нѣсколько дней, мирнымъ путемъ присоединилъ, къ Ферганѣ, Заминъ, оставилъ здѣсь Рустемъ-бека и возвратился въ Коканъ.

Въ теченіи этого же промежутка времени, а именно 28 іюля 1853 года, Акъ-Мечеть была взята Перовскимъ. Шадманъ-ходжа, Сарымсакъ и Матъ-Керимъ-Шейхъ бѣжали въ Ташкентъ. Разсерженный этимъ пораженіемъ Худояръ вызвалъ всѣхъ трехъ въ Коканъ. Когда они явились къ хану, ихъ переодѣли въ женское платье и посадили посреди наружнаго двора урды, поставивъ около каждаго по прялкѣ. Опозоривъ такимъ образомъ трехъ своихъ военно-начальниковъ, ханъ долгое время держалъ ихъ въ опалѣ [1]).

---

[1]) Сарымсакъ впослѣдствіи былъ одно время хакимомъ въ Наманганѣ, его родинѣ, гдѣ онъ проживаетъ и до сихъ поръ, достигнувъ преклоннаго уже возраста. Забитый, робкій, онъ никогда, повидимому, не

Послѣ пораженія Шадманъ-ходжи подъ Акъ-Мечетью въ Ташкентъ былъ назначенъ Суфи-бекъ, сынъ Давранъ-бека, такъ какъ ханъ началъ сильно недовѣрять своимъ братьямъ. Около этого же времени былъ казненъ бывшій андижанскій хакимъ Иса-бекъ. Причиною его гибели было слѣдующее. Онъ утаилъ изъ податей 3000 тиллей и отдалъ ихъ на сохраненіе зятю ханскаго ишана, Хальфа-Алтмыша. Иса-бекъ былъ по какому то случаю отставленъ отъ должности и сталъ требовать возвращенія ему этихъ денегъ. Зять посовѣтовался съ ишаномъ; оба рѣшили не отдавать, расчитывая на то, что оффиціально искать Иса-бекъ не рѣшится, такъ какъ деньги были краденныя. Когда же Иса-бекъ началъ снова требовать, ишанъ донесъ Худояру о какихъ то вымышленныхъ замыслахъ Иса-бека, который былъ вызванъ въ урду и тамъ зарѣзанъ.

отличался ни военными, ни другими какими либо способностями, являя собою совершенную противуположность своей матери, женщинѣ, по здѣшнему, безусловно исторической. Мужъ ея (отецъ Сарымсака) былъ наманганскимъ *мирâбъ башей*, начальникомъ надъ *мирâбами*, распредѣляющими арычную воду между населеніемъ.

Достигнувъ зрѣлаго возраста, энергичная, бойкая и смѣтливая, Халь-биби стала принимать самое дѣятельное участіе въ служебныхъ дѣлахъ своего мужа. Затѣмъ, вопреки народнымъ обычаямъ, освященнымъ религіей, она перестала прятаться отъ мужчинъ, перестала закрывать лицо при выходѣ на улицу, надѣла чалму и мужскіе сапоги и начала лично исправлять большую часть обязанностей крайне недалекаго супруга. Говорятъ, что зачастую она изъ собственныхъ рукъ била его неисправныхъ подчиненныхъ.

Когда мужъ умеръ, Халь-биби сама, собственной своей властью назначила себя наманганскимъ мирâбомъ почему и до сихъ поръ живетъ въ памяти наманганцевъ подъ именемъ *халь-мирâба*.

Замѣчательно, что этому самоназначенію никто не воспротивился; во первыхъ, всѣ боялись палки и языка Халь-биби; во вторыхъ, всѣ отдавали ей должное за ея практическій умъ и за громадное знаніе не только народнаго быта и обычнаго ирригаціоннаго права, но даже и наманганскихъ арычныхъ системъ.

Впослѣдствіи наманганскіе хакимы совѣтовались съ ней также, какъ и съ другими своими чиновниками съ тою только разницею, что ея они побаивались гораздо больше, чѣмъ послѣднихъ.

Зимою того же 1270 (1853) года Касымъ-мингбаши былъ посланъ въ Акъ-Мечеть противъ русскихъ. Прійдя въ Ташкентъ, онъ писалъ хану, что вслѣдствіе сильныхъ холодовъ, недостатка въ провіантѣ и боевыхъ припасахъ идти въ Акъ-Мечеть не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что нѣтъ ровно никакихъ причинъ торопиться. Онъ просилъ отложить эту экспедицію до весны, но Худояръ не согласился и велѣлъ идти.

Касымъ сталъ собираться, но большая часть войскъ отказалась исполнить ханскій приказъ. Кое-какъ, гдѣ угрозой, а гдѣ лаской, мингбаши урезонилъ войска и тронулся.

Въ Туркестанѣ простояли долго. Во время выступленія отсюда Мирза-ходжа (Кулябй), поэтъ и комикъ, ёжась и кутаясь въ шубу, воскликнулъ: „О, русскіе, уходите, не то будетъ худо!".

Касымъ улыбнулся и спросилъ, въ чемъ же это *худо*. „Помилуйте, отвѣчалъ Мирза-ходжа, зима; всѣ мы изображаемъ промерзшихъ перепелокъ; провіанта у насъ нѣтъ; это ли еще не худо. То ли бы дѣло стоять теперь въ Туркестанѣ и издали грозить врагамъ отечества".

Не доходя до Акъ-Мечети Касымъ былъ разбитъ, бѣжалъ въ Туркестанъ и послалъ къ хану донесеніе о происшедшемъ съ киреучинскимъ хакимомъ Мирза-Ахматомъ.

Худояръ-ханъ призадумался, пожалѣлъ о томъ, что опозорилъ Шадманъ-ходжу, который, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ возможности бороться съ новымъ, неизвѣстнымъ дотолѣ врагомъ, и рѣшилъ въ отношеніи Касыма не выражать никакихъ знаковъ неудовольствія, дабы не лишиться и этого человѣка.

Когда мингбаши вернулся въ Коканъ, ханъ обнялъ его; надѣлъ на него дорогой халатъ и благодарилъ за то, что онъ сдѣлалъ все, оказавшееся возможнымъ.

Въ 1273 (1856) году Вали-ханъ-Турё, одинъ изъ кашгарскихъ претендентовъ, тайно составилъ себѣ партію волонтеровъ и бѣжалъ съ ними на кашгарскую границу [1]).

---

[1]) Раньше, въ 1268 (1851) году, онъ ходилъ вмѣстѣ съ Таваккуль-Турё на Кашгаръ, но эта попытка была совершенно неудачной, ибо оба

За Вали-ханомъ была послана погоня, которая однако же его не догнала, а онъ, прослѣдовавъ далѣе, занялъ города Кашгаръ и Янги-Хиссаръ. Здѣсь онъ подержался всего 4 мѣсяца; китайцы заставили его бѣжать обратно въ Фергану, куда за Вали-ханомъ опять пришло около 15000 эмигрантовъ. Вскорѣ по прибытіи въ Коканъ, Вали-ханъ скончался.

Къ тому же 1273 (1856) году относятся два немаловажныхъ событія: ремонтъ одного *медресэ* (высшая мусульманская школа) и возстаніе Рустемъ-ханъ-ходжи.

Въ 1231 (1815) году Омаръ-ханъ построилъ на свои личныя средства *Медресэ-и-Джамгй* и снабдилъ его *вакфомъ*, имуществомъ, на доходы съ котораго медресэ это содержалось.

Такъ какъ каждый ханъ при жизни своей сооружалъ одно или нѣсколько подобныхъ же общественныхъ учрежденій, то примѣру этому пожелалъ послѣдовать и Худояръ. Однакоже по скупости онъ рѣшилъ не воздвигать ничего новаго, а ограничиться лишь нѣкоторыми пристройками и ремонтомъ вышеназваннаго медресэ, для чего и велѣлъ составить приблизительную смѣту.

Когда смѣта была ему представлена, онъ нахмурился при видѣ итога и повелѣлъ такъ: частями, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, отобрать у медресэ сумму равную двухлѣтнему доходу съ вакфа и ремонтировать зданіе на эти средства постепенно.

Врядъ-ли нужно говорить о томъ, насколько прославился Худояръ-ханъ этимъ ремонтомъ Медресэ-и-Джамй.

Прибравъ къ рукамъ кипчаковъ, Худояръ вознамѣрился также поступить и съ большинствомъ ходжей и турей, изъ которыхъ многіе пользовались большой популярностью среди народа. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ, между прочимъ, и одинъ изъ дальнихъ родственниковъ хана (по женской линіи) Рустемъ-ханъ-ходжа (потомокъ Махдумъ-Азама), проживавшій въ Касанѣ.

пріятеля рассорились, и должны были бѣжать. Таваккуль-Турё (собственно Ахмать-ходжа) былъ авганецъ, родомъ изъ Пешавера, но долгое время проживалъ въ Коканѣ и Ташкентѣ.

Узнавъ о замыслахъ хана противъ ходжей, Рустемъ созвалъ къ себѣ главныхъ изъ представителей того времени, указалъ на предстоящія опасности и предложилъ имъ провозгласить его ханомъ. Сторонники у него нашлись, но въ числѣ столь ограниченномъ, что не представлялось никакой возможности предпринять что-либо рѣшительное.

Въ это самое время младшій братъ хана, Суфи-бекъ, не задолго передъ тѣмъ назначенный въ Андижанъ, пригласилъ Худояра къ себѣ на празднество по случаю обрѣзанія своего сына. . . . . .

Ханъ со всѣмъ гаремомъ отправился въ Андижанъ. Тогда Рустемъ-ханъ-ходжа собираетъ своихъ немногочисленныхъ приверженцевъ и ѣдетъ въ Коканъ. Въ Андижанѣ узнаютъ объ этомъ и шлютъ въ Коканъ Касыма-мингбаши, Душа-бая и Камбаръ-Пансата.

Камбаръ-Пансатъ ловитъ Рустема и приводитъ въ урду къ Касыму, но кокандская чернь возстаетъ, принимаетъ сторону самозванца и изгоняетъ изъ столицы всѣхъ присланныхъ сюда ханомъ. Нѣсколько ханскихъ чиновниковъ было повѣшено народомъ, начинавшимъ уже и раньше этого довольно громко выражать свои неудовольствія, первымъ поводомъ къ которымъ послужила исторія съ распродажей кипчакскихъ земель. Возстаніемъ этимъ руководилъ нѣкій Мирза-Мунавваръ. (Впослѣдствіи онъ служилъ одно время у Худояръ-хана въ должности мирза-баши, а затѣмъ былъ повѣшенъ въ Ташкентѣ).

На защиту правъ хана явились войска; Мирза-Мунавваръ бѣжалъ, а Рустемъ-ханъ-ходжа былъ схваченъ и отправленъ къ хану, все еще остававшемуся въ Андижанѣ.

Рустемъ былъ изгнанъ въ Каратегинъ, откуда бѣжалъ въ Бухару къ эмиру. Впослѣдствіи, по воцареніи Малляхана, онъ снова вернулся въ Коканъ.

Послѣ паденія Акъ-Мечети, въ Ташкентѣ былъ назначенъ Мирза-Ахматъ, тотъ самый, съ которымъ Касымъ посылалъ хану донесеніе о печальномъ исходѣ своей зимней экспедиціи противъ русскихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ Бухары вернулся Малля-бекъ, успѣвшій помириться съ Худояромъ. По своей жестокости и алчности Мирза-Ахматъ оказался слугою вполнѣ достойнымъ своего господина. Такъ напр., со-

бирая съ киргизъ недоимки, онъ продавалъ ихъ малолѣтнихъ дѣтей въ рабство сартамъ. Киргизы сначала взвыли, а затѣмъ, въ 1274 (1857) году возстали и начали собираться около Ауліэ-ата.

Мирза-Ахматъ пришелъ сюда, разсѣялъ киргизскія банды и послалъ въ Пишпекъ 5 папсатовъ, разогнать собравшихся и тамъ.

Папсаты были разбиты киргизами (казáкъ) и бѣжали въ Ауліэ-ата, понеся громадныя потери. Въ это же самое время племянникъ Мирзы-Ахмата, Мирза-бій, собиралъ зякéтъ (подать) въ окрестностяхъ Чимкента. Мирза-бій былъ схваченъ народомъ, послѣ чего киргизы осадили и самаго Мирзу-Ахмата въ Ауліэ-ата. Видя себя въ крайней опасности, онъ послалъ Миръ-Сабыръ-бія къ хану (прямой дорогой, черезъ Наманганъ) съ донесеніемъ и просьбой о помощи.

На выручку были посланы Малля-бекъ и Шадманъ-ходжа ([1]). По приходѣ Малля-бека въ Чимкентъ, киргизы сняли осаду съ Ауліэ-ата и разбрелись. Нѣсколько киргизскихъ старшинъ были захвачены и казнены, послѣ чего всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ.

Въ концѣ того-же года Рустемъ-ханъ-ходжа, изгнанный въ Каратегинъ послѣ мятежа, произведеннаго имъ въ Кокапѣ годъ тому назадъ, появился въ Ура-тюбе, гдѣ началъ дѣятельно собирать вокругъ себя волонтеровъ, все еще не оставляя прежняго своего намѣренія сдѣлаться кокандскимъ ханомъ.

Худояръ двинулся туда, вручивъ свои войска Назыль-беку-Дастарханчи (каракалпакъ).

Послѣ непродолжительной и крайне неудачной осады Ура-тюбе Худояръ отступилъ.

Рустемъ-ханъ-ходжа преслѣдовалъ и нанесъ ему окончательное пораженіе на урочище Акъ-су. Кокандцы съ ханомъ во главѣ бѣжали. Разсказываютъ, что въ Нау ночью нѣсколько сотъ человѣкъ бѣжавшихъ въ переполохѣ свалились съ обрыва; часть убилась, часть искалѣчилась.

---

[1]) Не задолго передъ этимъ Малля-бекъ вернулся изъ Бухары, куда онъ бѣжалъ въ 1269 (1853) году.

Пазыль-бекъ съ 600 человѣкъ попалъ въ плѣнъ. Рустемъ отослалъ его въ Бухару, гдѣ онъ былъ повѣшенъ эмиромъ, протежировавшимъ Рустемъ-ханъ-ходжѣ.

Вернувшись въ Коканъ, Худояръ вызвалъ изъ Ташкента Мирзу-Ахмата и сдѣлалъ его мингбашей. Вслѣдъ за этимъ эмиръ Насрулла пришелъ въ Ура-тюбе, взялъ его и обложилъ Ходжентъ, а Малля-бекъ, пользуясь начинавшейся сумятицей, затѣялъ сверженіе Худояра.

Мирза-Ахматъ донесъ хану о заговорѣ, но Малля-бекъ успѣлъ своевременно бѣжать по маргеланской дорогѣ. Ханская погоня тщетно гналась за нимъ почти до Оша. Малля-бекъ пріѣхалъ въ Гульчу и обратился къ Хасанъ-бію съ просьбой о помощи противъ Худояра.

Хасанъ-бій, бывшій въ то время въ большой силѣ среди всѣхъ ближайшихъ киргизъ, выразилъ полную готовность и немедленно же собралъ Малля-беку нѣсколько сотъ нукеровъ, съ которыми тотъ двинулся на урочище Кара-су, обратился здѣсь съ воззваніемъ къ народу и пошелъ дальше въ Андижанъ, гдѣ къ нему стали стекаться кипчаки, заклятые враги Худояръ-хана.

Стоя во главѣ значительныхъ уже вооруженныхъ силъ, въ началѣ 1275 (1858) года, Малля-бекъ пришелъ въ Риштанъ и расположился лагеремъ на урочище Ходжà-Ильгàръ.

Въ это же самое время эмиръ снялъ по какой то причинѣ осаду съ Ходжента и возвратился въ Бухару. Благополучно избавившись отъ одного врага, Худояръ-ханъ съ тѣмъ большею надеждою на успѣхъ двинулся противъ другого.

Воюющіе братья сошлись около кишлака Кашгàръ. Худояръ-ханъ былъ разбитъ и бѣжалъ въ Коканъ. По его пятамъ Малля-бекъ пришелъ въ Соры-тылъ и приступилъ къ осадѣ столицы. Осада эта продолжалась около 20 дней, въ теченіи которыхъ къ Малля-беку присоединялось все большее и большее число вооруженныхъ людей, рѣшившихся замѣнить одного брата другимъ.

Подъ конецъ положеніе Худояра сдѣлалось безусловно критическимъ и онъ выслалъ къ осаждающимъ парламентеровъ. Въ самый разгаръ этихъ переговоровъ радостные крики въ лагерѣ Малля-бека возвѣстили о томъ, что Султанъ-Мурадъ и Суфи-бекъ бѣжали, а за ними оставилъ столицу и самъ Худояръ.

Догнавъ младшихъ братьевъ, онъ присоединился къ нимъ и направился вмѣстѣ съ ними сначала въ Ходжентъ, а затѣмъ въ Бухару [1]).

На другой день утромъ *Малля-ханъ* торжественно вступилъ въ столицу своихъ предковъ.

Почти вслѣдъ за воцареніемъ онъ пожелалъ чѣмъ либо отблагодарить кипчаковъ, которымъ былъ безусловно много обязанъ. Ханъ отдалъ приказъ о томъ, что сарты, пріобрѣтшіе при Худоярѣ кипчакскія земли, обязуются безвозмездно возвратить *половину* ихъ прежнимъ хозяевамъ, или ихъ наслѣдникамъ, на томъ основаніи, что земли эти распродавались въ свое время по половинной цѣнѣ; остальную половину сарты обязывались продать кипчакамъ по первому требованію и по той же самой цѣнѣ, по которой раньше они пріобрѣли её отъ Худояра.

Часть земли, послѣ нѣкоторыхъ препирательствъ, вскорѣ же перешла къ ея старымъ хозяевамъ; переходъ другой части изъ однихъ рукъ въ другія затянулся, а вмѣстѣ съ тѣмъ кипчаки, пользуясь своею близостью къ новому хану, при возвращеніи себѣ своихъ прежнихъ земель, не упускали случая прихватить и клочекъ чужой, сартовской.

Какую массу самыхъ запутанныхъ тяжбъ породила эта операція, можно судить изъ того, что почти 20 лѣтъ спустя, по занятіи Ферганы русскими, жалобы и тяжбы этого рода все еще продолжали поступать на имя новыхъ уѣздныхъ начальниковъ и другихъ служебныхъ лицъ русской администраціи.

Уходя изъ подъ Ходжента, Эмиръ оставилъ въ Нау Канаатъ-Ша, того самаго таджика, который при Шады-Мингбаши былъ назначенъ хакимомъ въ Туркестанъ, откуда впослѣдствіи долженъ былъ бѣжать въ Бухару.

Услышавъ о воцареніи Малля-хана, Канаатъ-Ша оставилъ въ Нау Абду-Гафаръ-бека (Уратюбинскаго), а самъ съ подарками отправился въ Коканъ.

Представившись новому хану, онъ получилъ назначеніе въ Маргеланъ.

---

[1]) Вскорѣ послѣ этого, въ 1276 (1859) году, Суфи-бекъ умеръ.

Вслѣдъ за этимъ Малля-хану донесли, что Худояръ и Султанъ-Мурадъ-бекъ появились въ Каратегинѣ. Туда немедленно же былъ посланъ Канаатъ-Ша. Переваливъ черезъ горы, онъ осадилъ Хаитъ-Кишлакъ; хакимъ этого вилаета, Музафаръ-ханъ, сдался и принялъ подданство Малля-хана. Худояръ бѣжалъ въ Гармъ, а весь Каратегинъ перешелъ въ руки Канаатъ-Ша, который, оставивъ здѣсь правителемъ Музафаръ-хана, возвратился въ Коканъ.

Въ 1276 (1859) году Малля-ханъ посылалъ Душа-бай-Пансата съ отрядомъ на Джизакъ. Гдѣ-то въ Мурза-рабатской степи произошло столкновеніе; джизакцы были разбиты, потеряли 70—80 человѣкъ убитыми и ранеными, а кокапцы, вполнѣ удовлетворясь этими результатами, ушли обратно въ Фергану.

Въ томъ же году Малля-ханъ отправилъ посла, маргеланца Абду-Фатта̀-Магду̀ма, къ китайцамъ.

Благополучно прибывъ въ Яркентъ, посолъ намѣревался идти и далѣе, въ Пекинъ, но его не пустили; онъ сталъ настаивать; его сначала арестовали, а затѣмъ, не долго думая, зарѣзали. Когда дѣло было уже сдѣлано, китайскій правитель Яркента спохватился и послалъ въ Коканъ подарки. Малля-ханъ подарковъ этихъ не принялъ и отослалъ китайцевъ назадъ, отправивъ съ ними въ Яркентъ другаго Магду̀ма, Канибадамскаго, съ порученіемъ разслѣдовать дѣло объ убійствѣ посла и заключить трактатъ, сущность котораго (мнѣ) неизвѣстна. Магдумъ прожилъ въ Яркентѣ очень долго, ничего, по видимому, не устроилъ, по тѣмъ не менѣе возвратился съ богатыми подарками хану отъ правителей Кашгара и Яркента.

Въ концѣ того же года Малля-ханъ посылалъ Утамбая и Сеидъ-бека противъ Уратюбе. Они были разбиты и бѣжали въ Коканъ.

Тѣмъ временемъ русскіе заняли Алматы (г. Вѣрное), а въ началѣ 1277 (1860) года Малля-ханъ послѣдовательно, одно за другимъ, получилъ извѣстія о взятіи русскими Токмака (26 Августа) и о разгромѣ Пишпека (4 Сентября); послѣдній былъ взятъ, разрушенъ и затѣмъ снова оставленъ русскими.

Ханскія войска были собраны и отправлены на сѣверъ. Прійдя въ Пишпекъ, они укрѣпили его и остались здѣсь

зимовать, не имѣя для большинства достаточнаго количества теплой одежды, провіанта и фуража.

Наступили зимніе холода. Сарты стали мерзнуть, гибнуть отъ холода и голода, кони стали падать отъ безкормицы. Начались побѣги. Алимъ-бій ушелъ въ Андижанъ. На мѣстѣ съ остатками войскъ удержался одинъ только Канаатъ-Ша.

Въ томъ же 1277 (1860) году умеръ Эмиръ-Насрулла. Узнавъ объ его смерти, Абду-Гафаръ, проживавшій въ это время въ Нау, собралъ своихъ киргизовъ (Юзъ) и осадилъ Ура-тюбе, которымъ отъ имени Эмира правилъ Базаръ-бай-Токсаба.

Базаръ-бай сдался и Абду-Гафаръ занялъ городъ. Тогда Малля-ханъ собралъ войска и въ свою очередь осадилъ исконное яблоко раздора. Осада продолжалась три мѣсяца, зимою, въ то самое время, какъ Канаатъ-Ша мерзъ въ Пишпекѣ.

Не добившись никакихъ результатовъ, Малля-ханъ вернулся въ Коканъ, вслѣдъ за чѣмъ, по приказу новаго Эмира, Музафара, Абду-Гафаръ-бекъ былъ схваченъ и сосланъ на житье въ Шахрисябзъ, а на его мѣсто былъ назначенъ Баратъ-бекъ.

Лишь только послѣдній вступилъ въ должность, жители Ура-тюбе обратились къ нему съ такимъ заявленіемъ: „мы раззорены войной; наступаетъ весна; мы принимаемся за полевыя работы; въ случаѣ прихода Малля-хана, если можешь защищать насъ, защищай; если не можешь, немедленно же мирись съ нимъ, не то мы сами тебя выгонимъ и передадимся Ферганѣ“.

Не расчитывая на свои силы, Баратъ-бекъ передался Малля-хану, просилъ прислать отрядъ для защиты Ура-тюбе на случай прихода сюда Эмира, а его самого взять въ Коканъ.

Отрядъ былъ присланъ подъ начальствомъ Норъ-Машъ-кипчака; хакимомъ Ура-тюбе былъ назначенъ Душа-бай-Нансатъ, а Баратъ-бекъ уѣхалъ въ Коканъ, гдѣ былъ принятъ ханомъ очень милостиво. (Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ снова вступилъ въ управленіе уратюбинскимъ вилаетомъ).

Между тѣмъ въ Шахрисябзѣ произошли безпорядки, и возставшіе противъ Эмира-Музафара стали звать Малля-хана на помощь.

Малля-ханъ собралъ войска и двинулся съ ними въ Заминъ. Отсюда Баратъ-бекъ, Ніазъ-Датха и Утамбай были посланы грабить окрестности Самарканда. На обратномъ пути они наткнулись на засаду около Пейшагара, но изрубили её и благополучно присоединились къ хану.

Получивъ свѣдѣнія о кокандцахъ, Эмиръ выступилъ въ Самаркандъ, а отсюда пришелъ въ Яны-Курганъ. Въ это самое время Малля-ханъ послалъ Баба-ходжу-Шейхъ-уль-Ислама въ Шахрисябзъ для совѣщанія съ тамошними инсургентами. Дорогою Баба-ходжа наткнулся на Эмира, который задержалъ его и не пустилъ далѣе. Присоединивъ къ Баба-ходжѣ своихъ людей, Эмиръ отправилъ его къ Малля-хану съ предложеніемъ не мѣшаться въ Шахрисябзскія дѣла и заключить миръ. Миръ былъ заключенъ; Музафаръ направился въ Бухару, а Малля въ Коканъ, оставивъ въ Ура-тюбе Баратъ-бека.

Зимою 1278 (1861) года Малля-ханъ надумалъ идти противъ русскихъ. Онъ двинулся съ войсками через Ходжентъ, пріійдя въ который потребовалъ, чтобы въ этотъ походъ отправился и Баратъ-бекъ. Послѣдній отказался на отрѣзъ. Ханъ послалъ ему подарки и увѣщанія. Получивъ ихъ, Баратъ-бекъ закочевряжился пуще прежняго. Тогда приближенные, тоже отнюдь не имѣвшіе желанія идти зимой да еще на русскихъ, стали доказывать хану, что уходить отсюда, не покончивъ съ Баратъ-бекомъ, нельзя.

Малля-ханъ согласился и пошелъ на Ура-тюбе. Прослышавъ объ этомъ, мирные жители города стали требовать, чтобы Баратъ немедленно же мирился съ ханомъ.

„Зима, говорили они; оружія у насъ нѣтъ; охоты къ войнѣ тоже не имѣется. Мирись или убирайся, не то сами выдадимъ тебя хану“.

Баратъ-бекъ бѣжалъ въ Матчу, а Малля-ханъ мирно вошелъ въ Ура-тюбе. Покончивъ съ Баратомъ, Малля сталъ собираться на русскихъ, но войска на отрѣзъ отказались отъ этого похода и ханъ былъ вынужденъ возвратиться во свояси.

Въ началѣ Февраля онъ предпринялъ поѣздку по ханству. Изъ Маргелана, которымъ управлялъ Алимъ-Кулъ, Малля-ханъ отправился въ Шарихань.

Здѣсь народъ подалъ ему массу жалобъ на всевозможныя притѣсненія и поборы тамошняго хакима Хаджи-Миліибая. Ханъ смѣнилъ его и велѣлъ возвратить народу все то, что было не законно присвоено себѣ хакимомъ. Кромѣ послѣдняго было смѣщено еще нѣсколько должностныхъ лицъ; нѣкоторымъ изъ нихъ были выщипаны бороды.

Отсюда Малля-ханъ отправился въ Андижанъ. Здѣсь, по наговорамъ придворнаго врача, Хакима-Кукнари, тоже былъ учиненъ разносъ, послѣ котораго ханъ вернулся въ свою столицу и отсюда уже послалъ Дивана-Пансата арестовать и привезти въ Коканъ андижанскаго хакима, Алимъбія. Пансатъ успѣлъ только конфисковать имущество опальнаго, ибо самъ Алимъ-бій бѣжалъ куда-то за Гульчу. За это Дивана-Пансатъ лишился чина и былъ посаженъ въ яму.

Малля-ханъ злобствовалъ на всѣхъ и на все, когда пришли вѣсти о томъ, что Худояръ, получивъ поддержку отъ эмира, стоитъ въ Заминѣ.

Мужду тѣмъ въ Ферганѣ снова шло такъ называемое броженіе умовъ. Среди народной массы шли дрязги изъ за кипчакскихъ земель; служилый людъ поносилъ хана за его возрастающую строгость, за постоянные походы и за желаніе сражаться съ новыми врагами, русскими; досужіе люди несли разную нелѣпицу о русскихъ, о Худоярѣ, объ эмирѣ и, наконецъ, о самомъ ханѣ.

25 Хута 1278 (въ первыхъ числахъ марта 1862) года Алимкулъ, Хыдыръ-бекъ, Шадманъ-Ходжа, Худай-Назаръ-Датха, Дустъ-Мехтаръ и Мадъ-Ибраимъ-Мирза-баши ночью вошли въ урду и убили Малля-хана во время сна.

На слѣдующій день, 26 Хута, ханомъ былъ провозглашенъ *Ша-Мурадъ*, племянникъ Малля-хана и сынъ Сарымсакъ-бека, умерщвленнаго при Мусульманкулѣ въ Балыкчахъ. Шадманъ-Ходжа занялъ мѣсто мингбаши.

Канаатъ-Ша, все еще находившійся въ Пишпекѣ, получивъ извѣстія о паденіи Малля-хана, послалъ девять человѣкъ звать Худояра въ Ташкентъ, куда вслѣдъ затѣмъ отправился и самъ.

Худояръ пріѣхалъ сюда въ сопровожденіи всего 200 человѣкъ и былъ провозглашенъ здѣсь ханомъ. Когда вѣсти объ этомъ достигли Кокана, Ша-Мурадъ-ханъ двинулся на Ташкентъ (черезъ Ходжентъ).

Ташкентъ былъ обложенъ; Ша-Мурадъ-ханъ расположился на берегу Салара. Здѣсь къ нему явились на поклоненіе хакимы вилаетовъ: туркестанскаго, сайрамскаго и чемкентскаго, а равно аміны и аксакалы ближайшихъ кишлаковъ. Осада Ташкента затянулась, а вмѣстѣ съ тѣмъ пришли слухи о томъ, что эмиръ, обѣщавшій Худояру поддержать его во всякомъ случаѣ, идетъ на Ходжентъ, дабы отвлечь Ша-Мурада отъ Ташкента. Послѣдній волей-неволей долженъ былъ спѣшить въ Фергану. (Онъ возвращался существовавшей уже тогда дорогой на Пскентъ и Каракчикумы).

Пройдя на Джамбулакъ, Ша-Мурадъ замѣтилъ въ войскахъ смуту. Въ Каракчикумахъ ему доложили о заговорѣ. Хыдыръ-бій былъ тотчасъ же разстрѣлянъ изъ артиллерійскаго орудія, а Ирисъ-Кулъ-Кипчаку и Худай-Назаръ-Датхѣ отрубили головы.

Ша-Мурадъ-ханъ, исполненный гнѣва, тревогъ и опасеній, возвратился въ Коканъ.

Тѣмъ временемъ эмиръ пришелъ въ Ура-тюбе. Въ Нау къ нему явился Худояръ съ отрядомъ, приведеннымъ имъ изъ Ташкента и былъ посланъ противъ Ходжента. Якубъ-бекъ вышелъ навстрѣчу съ подарками и сдалъ городъ. Худояръ вошелъ въ Ходжентъ и въ свою очередь послалъ подарки эмиру. Музафаръ пришелъ въ Ходжентъ и на четвертый день послѣ своего прибытія сюда, отправилъ Худояра на Коканъ, а самъ съ частью войскъ, переправившись черезъ Дарью, направился въ Каракчикумы и сталъ грабить тамошнихъ киргизъ.

Когда Худояръ подходилъ къ Кокану, въ столицѣ шла неописанная сумятица, кончившаяся тѣмъ, что народъ отворилъ ворота своему прежнему хану.

Ша-Мурадъ бѣжалъ прежде другихъ и никѣмъ не замѣченный. За нимъ съ 2000 человѣкъ Алимъ-Кулъ вышелъ изъ Кокана черезъ Наманганскіе ворота и потянулъ къ Андижану.

Обрадованный успѣхомъ, Худояръ позабылъ (а можетъ быть и не имѣлъ возможности) распорядиться погоней. Благодаря этому около Алимъ-Кула совершенно безпрепятственно собралось нѣсколько тысячь вооруженнаго народа.

Худояръ-ханъ, получивъ свѣдѣнія объ этомъ сборищѣ, отправилъ туда пословъ съ увѣщаніями. Послы эти были приняты очень любезно, но должны были уйти ни съ чѣмъ.

Инсургенты, подъ командою Алимъ-Кула и Сарымсакъ-бая [1]), пробовали взять Андижанъ, но это имъ не удалось и они направились къ Ассакѣ.

Тогда Худояръ, много расчитывавшій на поддержку со стороны эмира, собралъ кое-какія военныя силы и двинулся съ ними на инсургентовъ. Они сошлись гдѣ-то около Ассаке. Увѣряютъ, что Алимъ-Кулъ совсѣмъ уже было рѣшился идти на мировую, когда Худояровскіе нукера пошли въ атаку. Алимъ-Кулъ отвѣтилъ контръ-атакой и большая часть ханскихъ войскъ была обращена имъ въ бѣгство.

Около кишлака Кувà Худояръ-ханъ съ остатками своихъ, и безъ того немногочисленныхъ, дружинъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ непріятелемъ, на скорую руку построилъ изъ арбъ вагенбургъ и засѣлъ здѣсь въ ожиданіи помощи. Она пришла лишь черезъ нѣсколько дней въ лицѣ Султанъ-Мурадъ-бека, который собралъ въ Коканѣ сипаевъ, бѣжавшихъ отъ Алимъ-Кула и присоединился съ ними къ брату. Однако же помощь эта оказалась крайне мало дѣйствительной. Присоединясь къ Худояру въ Кувѣ, Султанъ-Мурадъ-бекъ тоже попалъ въ осадное положеніе, такъ какъ за послѣдніе дни Алимъ-Кулъ успѣлъ значительно усилиться на счетъ вновь прибывавшихъ къ нему кипчаковъ.

Такъ прошло около мѣсяца; осажденные терпѣли голодъ. Тѣмъ временемъ эмиръ занялъ Коканъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ своего прихода сюда, онъ собралъ Кокандскую знать въ одну изъ главныхъ мечетей столицы и очень долго говорилъ собравшимся о томъ, что онъ другъ и покровитель ихъ народа, а въ то же самое время его войска, заранѣе получившія приказаніе, бросились грабить беззащитный го-

---

[1]) Таласскій киргизъ изъ рода Найманъ.

родъ. Нѣсколько наиболѣе знатныхъ Кокандцевъ было схвачено и выслано въ Бухару.

Между тѣмъ Алимъ-Кулъ все еще держалъ Худояръ-хана и Султанъ-Мурадъ-бека въ осадѣ, въ Кувѣ, дѣлая постоянные набѣги на Маргеланъ и посылая время отъ времени сильные разъѣзды въ сторону Кокана. Получивъ преувеличенныя свѣдѣнія о силахъ Алимъ-Кула и начиная уже опасаться за самого себя, Эмиръ-Музафаръ бросилъ Коканъ и сталъ поспѣшно отступать къ Ура-тюбе, тѣмъ болѣе что въ Коканѣ народъ былъ сильно озлобленъ противъ бухарцевъ, позволявшихъ себѣ здѣсь на глазахъ ех-побѣдителей самыя разнообразныя насилія.

Вслѣдъ за уходомъ эмира, Алимъ-Кулъ вообразилъ себя безусловнымъ побѣдителемъ и занялъ Коканъ, уведя сюда изъ Кувы всѣ свои войска, состоявшія исключительно изъ киргизъ и кипчаковъ.

Освободясь такимъ образомъ отъ Алимъ-Кула, Худояръ-ханъ перешелъ изъ Кувы въ Маргеланъ и собралъ совѣтъ. Отъ 600 до 700 человѣкъ маргеланскихъ сартовъ, по знатнѣе, на коранѣ поклялись ему въ вѣрности; рѣшено было идти на Коканъ, гдѣ вслѣдъ за этимъ началась усобица и рѣзня. Клевреты Худояра стали запугивать народъ (сартовъ) Алимкуломъ съ его киргизами и кипчаками; они стращали сартовъ тѣмъ, что если Алимъ-Кулъ удержится въ столицѣ, то времена Мусульманкула могутъ вернуться и еще, пожалуй, въ новомъ, худшемъ видѣ.

Сарты сначала призадумались, а затѣмъ взялись за ножи и дубины и начали избивать тѣхъ кипчаковъ и киргизъ, которые пришли сюда изъ Кувы. Алимъ-Кулъ оказался вынужденнымъ бросить Коканъ, который тотчасъ же былъ занятъ Худояръ-ханомъ.

Въ теченіи первыхъ 16 дней объ Алимъ-Кулѣ, кипчакахъ и киргизахъ не было никакого слуха.

Затѣмъ хану донесли, что Алимъ-Кулъ бродитъ около Андижана, а Сарымсакъ-бай—между Намангапомъ и Касаномъ. Противъ послѣдняго были посланы Турё-ханъ-Турё и Махмудъ-ходжа. За Наманганомъ Сарымсакъ-бай былъ разбитъ. Туре-ханъ двинулся на другой день далѣе съ цѣлію преслѣдованія, но около Касана наткнулся на засаду и былъ

убитъ. Кипчаки заняли Касанъ, а Махмудъ ходжа бѣжалъ въ Тюря-Курганъ.

Затѣмъ инсургенты взяли Наманганъ, Тюря-Курганъ, Чустъ и всѣ ближайшія къ нимъ селенія. Въ это же время, по наущенію и настоянію Алимкула, поднялись исфаринскіе и сохскіе киргизы.

Худояръ-ханъ растерялся и послалъ къ эмиру за помощью.

Мингъ-бай-кипчакъ осадилъ Чартакъ (селеніе наманганскаго виласта). Ханъ послалъ противъ него четырехъ пансатовъ, но они были разбиты. Алимъ-Кулъ держалъ въ осадѣ Андижанъ. Банды инсургентовъ стали появляться по временамъ около самаго Кокана и грабить его ближайшія окрестности.

Ма-Назаръ-бекъ, посланный Худояромъ, съ трудомъ овладѣваетъ Наманганомъ и съ еще большимъ трудомъ держится здѣсь. Народъ жалуется ему на то, что при такихъ порядкахъ жить нельзя. Онъ старается успокоить жителей, увѣряя ихъ, что все это скоро кончится. На него доносятъ хану, будто бы онъ въ сношеніяхъ съ кипчаками. Ханъ его смѣняетъ. Тогда разсерженный Ма-Назаръ уходитъ къ Алимъ-Кулу.

Кипчаки и киргизы снова врываюся въ Наманганъ съ сѣверной его стороны, но доходятъ лишь до моста, что ниже большой янги-арыкской плотины. Здѣсь ханскіе нукера подъ начальствомъ Батыръ-Турё бьютъ инсургентовъ и гонятъ ихъ изъ города.

Тѣмъ временемъ киргизъ Тавалды, пріятель Алимъ-Кула, подымаетъ возстаніе около Учь-Кургана (маргеланскаго виласта), а около Чуста появляется новый претендентъ на Кокандскій престолъ.

Дѣло въ томъ, что при началѣ описываемыхъ безпорядковъ, инсургенты прослышали о существованіи въ Хивѣ нѣкоего Календеръ-бека, который выдавалъ себя за сына Мадали-хана.

Кипчаки послали за этимъ господиномъ въ Хиву. Вскорѣ онъ явился въ сопровожденіи посланныхъ за нимъ 14 человѣкъ.

Около Камышъ-Кургана его случайно встрѣтилъ одинъ изъ людей Худояръ-хана, Ходжа-Мурадъ. Узнавъ въ чемъ

дѣло, Ходжа-Мурадъ далъ знать въ Коканъ. Въ кишлакѣ Уйгуръ (чустскаго вилаета) Календеръ-бекъ былъ арестованъ, убитъ и брошенъ въ Дарью вмѣстѣ со своими спутниками (1279—1862 годъ).

Вслѣдъ за этимъ въ Коканъ пришло новое извѣстіе: около Андижана, все еще осаждаемаго Алимъ-Куломъ, Рустемъ-ханъ-ходжа (о немъ см. выше) провозглашенъ ханомъ.

Худояръ шлетъ Мирзу Ахмата съ отрядомъ въ Маргеланъ, дабы удержать за собой этотъ важный для него пунктъ.

Осажденные Алимъ-Куломъ андижанцы шлютъ къ Худояру просьбу за просьбою: или прогнать Алимъ-Кула, или вступить съ нимъ въ какія либо соглашенія, ибо далѣе держаться они не въ состояніи.

Ханъ гонитъ посланныхъ, ровно ничего не предпринимаетъ для немедленнаго же освобожденія Андижана и шлетъ свою мать, Яркынъ-Аимъ, къ эмиру съ подарками и просьбой о помощи. Эмиръ милостиво принимаетъ шкатулку съ золотомъ и нѣсколько десятковъ лошадей, долго не даетъ отвѣта и, наконецъ, отпускаетъ старуху ни съ чѣмъ.

Андижанъ сдается Алимъ-Кулу. Вслѣдъ за этимъ въ его же руки переходитъ Намангапъ, а за нимъ и весь правый берегъ Дарьи.

Алимъ-Кулъ идетъ на Маргеланъ и осаждаетъ его. Худояръ снова шлетъ свою мать къ эмиру за помощью. Та валится Музафару въ ноги и тогда только онъ шлетъ войска подъ начальствомъ Ала-яръ-бека (уратюбинскій хакимъ).

Послѣ шестидесяти-дневной осады, маргеланская знать собралась на совѣтъ у тамошняго Казй-Келяна и рѣшила сдать городъ Алимъ-Кулу. Мирза-Ахматъ просилъ подождать еще три четыре дня, расчитывая на помощь изъ Бухары, но народъ, не исключая и женщинъ, собрался и началъ кричать: „мы не можемъ больше терпѣть! бей ханскихъ солдатовъ!“.

Мирза-Ахматъ бѣжалъ въ Коканъ; въ Маргеланѣ произошло страшное побоище между народомъ и ханскими солдатами, послѣ чего сюда совершенно безпрепятственно вошелъ Алимъ-Кулъ, захватившій такимъ образомъ въ свои руки большую часть Ферганы. Занявъ Маргеланъ, онъ двинулся противъ Кокана, въ который успѣли уже войти бухарскія войска.

Въ самый разгаръ осады Алимъ-Кулу дали знать о томъ, что самъ эмиръ недалеко уже отъ столицы, куда онъ идетъ на выручку Худояръ-хана.

Алимъ-Кулъ усумнился въ своихъ силахъ и отступилъ въ Яръ-Мазаръ.

Лишь на 12-ый день послѣ своего прибытія въ Коканъ, эмиръ двинулся на Алимъ-Кула, который ушелъ тѣмъ временемъ въ горы.

Изъ Яръ-Мазара противъ инсургентовъ былъ посланъ отрядъ. Алимъ-Кулъ разбилъ его, но изъ предосторожности не преслѣдовалъ; на обратномъ пути этотъ разбитый бухарскій отрядъ разграбилъ попутныя селенія.

Простоявъ нѣсколько времени въ Яръ-Мазарѣ, эмиръ вернулся въ Коканъ, а вслѣдъ за нимъ Алимъ-Кулъ снова спустился съ горъ и занялъ Карасу. Музафаръ отправилъ къ нему пословъ съ увѣщаніями, но Алимъ-Кулъ въ отвѣтъ на предложенія эмира сталъ ругать Худояръ-хана, пересчиталъ всѣ его грѣшки и заявилъ, что такому хану онъ не подчинится и будетъ воевать съ нимъ до конца.

Эмиръ снова выступилъ изъ Кокана, пришелъ въ Мингъ-Тепе и снова отправилъ къ Алимъ-Кулу своихъ парламентеровъ, которые опять таки ни къ какимъ соглашеніямъ не пришли.

Тогда эмиръ пришелъ къ тому заключенію, что съ Алимъ-Куломъ ничего не подѣлаешь, что надо ждать удобного случая, а пока идти въ Коканъ. Здѣсь онъ собралъ своихъ приближенныхъ на совѣтъ.

На этомъ совѣтѣ было рѣшено оставить Кокандское ханство за эмиромъ, а Худояра назначить хакимомъ въ Ташкентъ.

Собираясь отправиться къ этому новому мѣсту своего служенія, Худояръ-ханъ сталъ звать съ собой Мирзу-Ахмата, но онъ отвѣтилъ отставному хану такъ: „при настоящихъ обстоятельствахъ съ Вами поѣхалъ бы только дуракъ; служить Вамъ я, конечно, никогда больше не буду; я уѣзжаю на богомолье въ Мекку“.

Худояръ былъ чрезвычайно оскорбленъ этимъ отвѣтомъ. Онъ призвалъ Дустъ-Мàта-каракалпака, пообѣщалъ ему большую сумму денегъ, далъ задатокъ и просилъ въ эту же

ночь зарѣзать дерзкаго обидчика. Дустъ-Матъ согласился, подговорилъ за деньги же еще нѣсколькихъ человѣкъ, и они, въ числѣ шести, ночью вошли во дворъ Мирзы-Ахмата. Ночь была лунная. Войдя на наружный дворъ, убійцы увидѣли посреди его палатку; одинъ изъ нихъ вошелъ въ нее и ударилъ шашкой спавшаго здѣсь человѣка; тотъ вскочилъ и сталъ кричать.

Оказалось, что это было постороннее лицо, нѣкто Мирза-Якубъ, и что Мирза-Ахматъ спалъ на внутреннемъ дворѣ.

На слѣдующій день объ этомъ происшествіи доложили эмиру; начались разслѣдованія и исторія разоблачилась.

Эмиръ призвалъ Худояра, всячески ругалъ его и выгналъ въ Джизакъ.

Народу было объявлено, что Кокандское ханство присоединяется къ Бухарѣ.

Затѣмъ, опасаясь оставаться долѣе въ Коканѣ, эмиръ вывелъ свои войска въ Иръ-Мечеть подъ предлогомъ похода на Наманганъ; отсюда совершенно неожиданно для всѣхъ онъ прослѣдовалъ въ Бешь-арыкъ и далѣе черезъ Ходжентъ въ Самаркандъ.

Въ это время въ Наманганѣ проживалъ несовершеннолѣтній сынъ покойнаго Малля-хана, *Султанъ-Сеидъ*. Узнавъ объ изгнаніи Худояра и уходѣ эмира изъ Кокана, Алимъ-Кулъ вызвалъ Султанъ-Сеида на Кара-су и провозгласилъ его здѣсь Ханомъ.

Это произошло во второй половинѣ іюля 1280 (1863) года.

Въ Ташкентъ былъ посланъ Шадманъ-Ходжа, а хана черезъ Андижанъ и Маргеланъ повезли въ столицу.

Вскорѣ же Мингъ-бай-кипчакъ былъ посланъ противъ Ходжента, остававшагося въ рукахъ эмира. Послѣ безуспѣшной пятнадцати-дневной осады Мингъ-бай началъ отступать. Ходжентскіе кара-калпаки (сбродъ, съ батогами, дубинами, пиками и др.) получили приказаніе преслѣдовать отступавшаго непріятеля. Мингъ-бай со своей кавалеріей бросился на этотъ сбродъ, опрокинулъ его, погналъ и совершенно неожиданно ворвался въ городъ на плечахъ каракалпаковъ.

Ходжентъ былъ занятъ, а мангыты бѣжали въ Бухару.

Затѣмъ въ Коканѣ надумали строить для хана новую урду въ кварталѣ Джаанъ-абадъ, такъ какъ прежняя, омаровская, начинала уже приходить въ разрушеніе.

(Урда, построенная Омаръ-ханомъ, находилась на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоитъ и теперешняя кокандская урда).

Зданіе это не было еще вполнѣ окончено, когда туда перевели Султанъ-Сеидъ-хана. Тогда начались разговоры о томъ, что неудобно держать столь высокопоставленную особу въ недостроенномъ помѣщеніи.

Султанъ-Сеидъ-хану предложили поѣздку въ Ташкентъ, откуда онъ вернулся лишь по окончаніи всѣхъ строительныхъ работъ въ его новой урдѣ. (Впослѣдствіи урда эта была извѣстна подъ именемъ урды Алимъ-Кула).

Около этого же времени, а именно 5 іюня 1281 (1864) года, русскіе взяли Ауліэ-ата, а 11 іюня—г. Туркестанъ.

Алимъ-Кулъ получилъ донесеніе о томъ, что русскіе съ двухъ сторонъ идутъ на Чимкентъ. 22 іюня онъ выступилъ съ войсками изъ Кокана.

На урочищѣ Шеранъ-хана (между Ташкентомъ и Чимкентомъ) ему доложили, что русскіе показались уже у Чимкента.

Отразивъ первыя попытки русскихъ, во время которыхъ Мингъ-бай былъ раненъ и затѣмъ умеръ черезъ два дня, Алимъ-Кулъ возвратился въ Ташкентъ, поручивъ управленіе чимкентскимъ вилаетомъ Мирзѣ-Ахмату.

Пробывъ въ Ташкентѣ десять дней, онъ отправился въ Коканъ, но вскорѣ же долженъ былъ возвратиться обратно, ибо русскіе снова шли на Чимкентъ изъ Ауліэ-ата.

22 сентября 1281 (1864) года Чимкентъ былъ взятъ. По туземнымъ источникамъ число павшихъ защитниковъ этого города простирается до 3170 человѣкъ.

Видя, что русскіе стремятся въ Ташкентъ, Алимъ-Кулъ началъ дѣятельно готовиться къ его оборонѣ; говорятъ, что въ теченіи послѣдующихъ шести мѣсяцевъ онъ успѣлъ отлить около 60 орудій и изготовить нѣсколько тысячь ружей. Считая себя достаточно сильнымъ, Алимъ-Кулъ собрался уже было идти на Чимкентъ, какъ вдругъ получилъ извѣстіе о томъ, что русскіе овладѣли Ніазъ-бекомъ (29 апрѣля 1865 года).

Алимъ-Кулъ выступилъ изъ Ташкента и вскорѣ же былъ смертельно раненъ русской пулей на урочищѣ Шуръ-Тюбё, вслѣдствіе чего большая часть кокандскихъ войскъ въ совершенномъ смятеніи возвратилась въ Ташкентъ. Какъ только стало извѣстно, что Алимъ-Кулъ при смерти, всѣ почти ферганскіе киргизы и кипчаки, бросивъ Султанъ-Сеидъ-хана въ Ташкентѣ, направились по домамъ.

Когда Алимъ-Кулъ узналъ объ этомъ бѣгствѣ, съ нимъ сдѣлался сильный нервный припадокъ и онъ скончался.

Ташкентъ отправилъ къ эмиру гонцовъ съ просьбой о помощи. Эмиръ потребовалъ, чтобы къ нему явился самъ Султанъ-Сеидъ-ханъ.

Сутанъ-Сеидъ, скрѣпя сердце, выѣхалъ изъ Ташкента, который вслѣдъ за этимъ, въ ночь съ 14 на 15 іюня, былъ взятъ русскими. Гдѣ то около Джизака ханъ былъ схваченъ бухарцами и зарѣзанъ по приказанію эмира, снова уже обѣщавшаго Худояру водворить его въ Ферганѣ.

Кокандскія войска въ совершенномъ безпорядкѣ бѣжали изъ Ташкента по различнымъ направленіямъ.

Въ это самое время въ Ферганѣ происходило слѣдующее. Кипчаки и киргизы, бѣжавшіе изъ Ташкента, прійдя въ Фергану, переправились черезъ Дарью и остановились въ кишлакахъ Сарай и Тюркъ, верстахъ въ 30 отъ Кокана, совершенно не зная, что имъ далѣе предпринять. Послѣ долгихъ совѣщаній рѣшили провозгласить новаго хана и тогда уже идти въ Коканъ.

Одинъ изъ киргизъ, Икынъ-Мирза, предложилъ 16-ти лѣтняго *Худай-Кулъ-бека*, одного изъ многочисленныхъ представителей дальнихъ отраслей династіи Мингъ.

Предлагая въ ханы этого юношу, Икынъ-Мирза руководствовался тѣмъ только, что одно время онъ былъ въ Коканѣ сосѣдомъ Худай-Кулъ-бека, который занимался, между прочимъ, продажею кушаковъ (бель-бакъ), почему впослѣдствіи и былъ извѣстенъ подъ именемъ *Бель бакчй-хана*. За Худай-Куломъ были посланы люди, которые немедленно же привезли его въ кипчакскій лагерь, гдѣ онъ былъ провозглашенъ ханомъ, послѣ чего вся эта компанія отправилась въ Коканъ и заняла урду.

Бай-Матъ-кипчакъ былъ назначенъ на должность минг-баши. Вскорѣ же кипчаки замѣтили самое недружелюбное расположеніе къ нимъ народа.

На 14 день ихъ пребыванія здѣсь, они забрали хана и въ какомъ-то паническомъ страхѣ ушли въ Караинъ-кишлакъ. Вслѣдъ за ихъ уходомъ кокандская чернь бросилась грабить урду. Столичная знать, опасаясь дальнѣйшихъ безпорядковъ, стала звать хана назадъ, въ Коканъ, дабы возстановить здѣсь спокойствіе, но Худай-Кулъ отказался и ушелъ еще дальше.

Не имѣя ровно ни какихъ денежныхъ средствъ, онъ наложилъ на все ханство, подъ предлогомъ священной войны съ русскими, налогъ во сто тысячъ тиллей (380,000 р. с.). Когда сборщики податей приступили къ собиранію этого налога, Худай-Кулъ долженъ былъ убѣдиться, что ему никогда не собрать и половины назначенной суммы, ибо всюду почти онъ получалъ самый энергичный отказъ.

Между тѣмъ Худояръ усиленно просился у эмира на ханство. Эмиръ согласился, наконецъ, и выступилъ съ войсками въ Фергану. Изъ Джизака, во главѣ значительнаго отряда, Худояръ былъ посланъ впередъ. Вскорѣ же онъ безъ всякаго сопротивленія занялъ Коканъ, куда вслѣдъ за нимъ пришелъ и самъ эмиръ съ очень пышной свитой и двумя слонами.

На первое время эти два невиданныя доселѣ здѣсь чудовища окончательно поглотили вниманіе народа, который, казалось, позабылъ и объ эмирѣ, и объ ханѣ и толковалъ только о слонахъ.

Черезъ нѣсколько дней Ала-яръ-бекъ былъ посланъ въ погоню за Худай-Куломъ, стоявшимъ въ это время около Оша, въ кишлакѣ Мады.

Послѣ нѣсколькихъ стычекъ кипчаки и киргизы бѣжали въ Гульчу, а бухарцы, захвативъ около ста человѣкъ плѣнныхъ, вернулись въ Коканъ.

Вслѣдъ за ними кипчаки тоже вернулись и заняли кишлакъ Аравань.

Видя такое упорство и вспоминая времена Алимъ-Кула, эмиръ струсилъ, передалъ Худояру всѣ права хана, вручилъ ему большую часть своихъ войскъ и велѣлъ немедленно же покончить съ Худай-Куломъ.

Услышавъ о выступленіи Худояра во главѣ значительныхъ силъ, часть кипчаковъ разбѣжалась, а другая вмѣстѣ съ Худай-Куломъ бросилась въ Кашгаръ. Худояръ-ханъ преслѣдовалъ ихъ до Терекъ-Давана, захватилъ большую добычу (въ томъ числѣ 29 орудій) и возвратился въ Коканъ.

Эмиръ, видя, что дѣлать ему здѣсь больше нечего, и не вполнѣ расчитывая на дальнѣйшее гостепріимство Худояра, забралъ 300 кокандскихъ дѣвушекъ и женщинъ и ушелъ въ Бухару.

Ранней весной 1282 (1866) года Султанъ-Мурадъ-бекъ (братъ Худояра) собиралъ зякетъ въ окрестностяхъ Оша. Въ это время Мадъ-Эюбъ-бекъ, племянникъ Худояръ-хана, составилъ себѣ партію въ 200 – 300 человѣкъ киргизъ и кипчаковъ и задумалъ низложить Худояра въ пользу Султанъ-Мурадъ-бека. Мадъ-Эюбъ явился въ ставку Султанъ-Мурада пѣшкомъ и заявилъ ему, что Худояръ зарѣзанъ, что въЕоканѣ безпорядки и что народъ зоветъ его, Султанъ-Мурадъ-бека, на ханство.

Изъ предосторожности бекъ сдѣлалъ видъ, что вѣритъ всѣмъ этимъ новостямъ, но въ то-же время: во первыхъ, велѣлъ присматривать за Эюбомъ и въ случаѣ чего арестовать его, а во вторыхъ, послалъ гонцевъ въ Коканъ узнать, что тамъ дѣлается и доложить хану, если онъ живъ, о случившемся.

Худояръ прислалъ письмо, въ которомъ благодарилъ Султанъ-Мурада за распорядительность, а Мадъ-Эюба велѣлъ зарѣзать въ Маргеланѣ. Большая часть сооощниковъ казненнаго бѣжала за предѣлы Ферганы.

Въ 1283 (1866) году послѣ пораженія, нанесеннаго русскими эмиру на урочищѣ Ирь-Джàръ (8 мая), Ходжентъ присоединился къ кокандскому ханству. Сюда былъ назначенъ Мулла-Тойчи-Датха (киргизъ), которому пришлось править здѣсь очень не долго.

24 мая Ходжентъ, а 2 октября Ура-тюбе перешли во власть русскихъ, которые образовали собою здѣсь живую преграду, одинаково непреодолимую какъ для Бухары, такъ и для Кокана. Старые враги были разлучены, потерявъ возможность непосредственнаго сообщенія, а Ура-тюбе перестало играть роль исконнаго яблока раздора.

Прямымъ результатомъ всего этого было начало относительно мирной жизни кокандскаго ханства, продолжавшейся впредь до новыхъ тревогъ, до появленія здѣсь русскихъ войскъ въ 1875 году.

Внутреннія смуты не прекращались, правда, до послѣднихъ минутъ существованія ханства, но за то не было болѣе прежнихъ, непрестанныхъ внѣшнихъ войнъ. Русскіе были слишкомъ сильны; воевать съ Бухарой не было болѣе причинъ, а Кашгаръ никогда и прежде не входилъ въ кругъ завоевательныхъ мечтаній кокандскихъ хановъ.

Худояръ обратился главнымъ образомъ ко внутреннимъ дѣламъ ханства, изъ которыхъ, вслѣдствіе прирожденной ему алчности, наиболѣе важнымъ онъ почелъ пріумноженіе собственной своей казны.

Говорятъ — было бы болото, а черти найдутся. Въ данномъ случаѣ въ лицѣ представителя этихъ чертей явился Иса-Аулiэ.

Предки Иса-Аулiэ были выходцы изъ Кашгара. Самъ онъ предварительно занималъ одну изъ очень невидныхъ должностей; онъ былъ придворнымъ писцомъ (мирзà), что̀ впослѣдствіи не помѣшало ему однако же занять чрезвычайно видное положеніе въ ханствѣ, сдѣлаться въ полномъ смыслѣ этого слова вельможею.

Говорятъ, что впервые Худояръ-ханъ обратилъ на него свое вниманіе по нижеслѣдующимъ причинамъ. Зная наклонности Худояра и стремясь занять болѣе солидное общественное положеніе, Иса-Аулiэ воспользовался удобнымъ случаемъ и подалъ хану какой-то практичный совѣтъ по поводу какого-то не менѣе же практичнаго гешефта. Иса-Ауліе былъ замѣченъ; къ нему стали обращаться время отъ времени въ подобныхъ же случаяхъ. Онъ началъ совершенствоваться и вскорѣ дошелъ до значительныхъ степеней искуства въ дѣлѣ правительственнаго скряжничества.

Проекты, представлявшіеся этимъ государственнымъ мужемъ, приводили Худояра въ умиленіе и сдѣлали, наконецъ, свое дѣло: Иса-Аулiэ вошелъ въ силу. Писецъ былъ переименованъ въ губернаторы Шарихансѣаго вилаета, которымъ онъ управлялъ лишь номинально, такъ какъ въ качествѣ совершенно необходимаго лица постоянно находился при особѣ хана.

Получивъ подкрѣпленіе въ видѣ столь мудраго, доморощеннаго политико-эконома, Худояръ-ханъ, благословясь, принялся за дѣло и началъ со введенія массы новыхъ и по его мнѣнію совершенно необременительныхъ налоговъ. Такъ напр., были введены налоги: на нефруктовыя, искуственно выращенныя деревья; на тѣ дикорастущія сорныя травы, которыя сжигались населеніемъ на пустыряхъ и употреблялись въ видѣ топлива; на сѣно, ввозимое въ столицу изъ ея окрестностей; на уголь, выжигавшійся въ горныхъ лѣсахъ и т. д.

Всѣ эти необременительные налоги вызывали въ народѣ неудовольствія, но на нихъ никто не обращалъ ровно никакого вниманія. Вскорѣ въ урдѣ пришли къ тому заключенію, что мѣры эти представляютъ сферу слишкомъ узкую для дѣятельности столь опытныхъ политико-экономовъ, а потому рѣшили сферу эту расширить, введя въ программу своихъ дѣйствій даже и такія дѣянія, какъ отъявленныя мошенничества.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

До послѣдняго момента существованія кокандскаго ханства большая часть служилаго люда получала причитавшееся ей содержаніе въ видѣ готовой одежды, зерноваго хлѣба и частію лишь денегъ.

Иса-Аулiэ нашелъ, что нѣкоторымъ изъ должностныхъ лицъ халаты даются слишкомъ дорогіе. Обсудили этотъ важный вопросъ вмѣстѣ съ ханомъ и рѣшили такъ: давать вмѣсто прежняго одного даяпія два, вмѣсто прежняго дорогаго халата дешевенькій халатъ и нѣкоторую сумму денегъ съ такимъ однако же расчетомъ, чтобы стоимость двухъ новыхъ даяній была бы возможно меньше стоимости прежняго халата, казавшагося слишкомъ дорогимъ. Невинность была соблюдена, а вмѣстѣ съ тѣмъ и капиталъ несомнѣнно пріобрѣтался. Когда эта новая милость Кокандскаго монарха была объявлена вѣрноподданнымъ, всѣ кланялись въ поясъ, но тѣмъ не менѣе общее выраженіе лицъ было безусловно кислое.

На правомъ берегу Дарьи, верстахъ въ двадцати на юго-западъ отъ Намангана лежитъ кишлакъ Катаганъ. Вслѣдствіе крайней искривленности русла рѣки, значительной ско-

рости ея теченія и физическихъ особенностей ея береговъ— Дарья въ этомъ мѣстѣ очень легко и часто мѣняетъ положеніе своего русла.

Значительно раньше описываемаго времени Дарья стала уклоняться къ правому берегу и отмыла ту его часть, которая представляла собою до тѣхъ поръ частную собственность жителей кишлака Катаганъ и была воздѣлана. Впослѣдствіи уклоненіе русла пошло къ лѣвому берегу, а на мѣстѣ размыва праваго—образовалась отмель, новое береговое отложеніе, горизонтъ котораго постепенно возвышался, въ силу чего мало по малу почва эта приняла такой видъ, что могла быть обработываемой подъ засѣвъ тѣхъ или другихъ хлѣбныхъ растеній. Такъ какъ, по обычаю, это береговое отложеніе Дарьи принадлежало жителямъ кишлака Катаганъ, то они и не преминули приступить къ его эксплуатаціи. Въ урдѣ на этотъ вопросъ взглянули иначе. Тамъ рѣшили такъ: почва эта совершенно неожиданно возникла по повелѣнію Божію, почему и можетъ принадлежать лишь Богу же, или земному представителю его—хану. Услужливые люди нашли даже въ Шаріатѣ вполнѣ подходящую статью, которая однако же по разнымъ причинамъ никогда до тѣхъ поръ не примѣнялась на практикѣ.

Наманганскій Кази-Келянъ, Дамулла-Турсунъ-Магометъ, [1]) получилъ приказаніе составить и скрѣпить своею печатью такой документъ, которымъ эта спорная земля утверждалась бы за ханомъ. Кази-Келянъ, къ которому всѣ его современники относятся какъ къ человѣку въ высшей степени прямому, правдивому и честному, наотрѣзъ отказался приложить свою печать къ столь беззаконному и позорному документу, за что навсегда потерялъ милость своего криводушнаго хана.

---

[1]) Мулла-Турсунъ-Магометъ былъ родомъ изъ Пскента. Онъ былъ убитъ наманганской чернью въ ноябрѣ 1875 года, во время возстанія противъ русскихъ въ Наманганѣ, за то, что увѣщевалъ народъ не поддаваться вліянію разныхъ авантюристовъ и не бороться понапрасну съ тѣми, бороться съ кѣмъ, по его мнѣнію, было совершенно и безполезно, и невозможно.

Примѣръ послѣдняго нашелъ массу послѣдователей и среди подданныхъ, чему не мало способствовали и тогдашнее государственное устройство ханства и тогдашнія придворныя обыкновенія, освященныя рядомъ предшествовавшихъ вѣковъ.

Быть можетъ здѣсь это и не совсѣмъ умѣстно, но тѣмъ не менѣе я все таки скажу нѣсколько общихъ словъ о томъ государственномъ устройствѣ, которое мы застаемъ въ Кокандскомъ ханствѣ въ послѣднее время его существованія.

Въ административномъ отношеніи ханство раздѣлялось на *вилаеты*, которыми управляли хакимы (иначе—серкерда). Каждый вилаетъ подраздѣлялся на *бекства*, управлявшіяся беками—чиновниками, коихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ беками—сыновьями и братьями хана.

Бекства въ свою очередь состояли изъ *аминствъ* или *аксакальствъ* (аминъ или аксакалъ), включавшихъ въ себя или часть большаго селенія, или одно среднее, или, наконецъ, нѣсколько малыхъ. Всѣ почти подати съ даннаго вилаета поступали въ распоряженіе хакима, который содержалъ на эти средства себя самого, всю администрацію вилаета, сипаевъ, а равно и сарбазовъ, расположенныхъ въ границахъ его провинціи.

Такъ какъ часть податей взималась натурою (зерновымъ хлѣбомъ), то большая часть чиновъ получала присвоенное ей содержаніе въ видѣ зерноваго хлѣба, одежды и денегъ; лишь старшимъ чинамъ содержаніе давалось въ видѣ права сбора податей (или доходовъ) съ того или другаго селенія (или учрежденія, напр. казенной мельницы) по усмотрѣнію или самого хана, или хакима. Не рѣдко случалось, что одинъ большой кишлакъ отдавался на кормленіе тремъ, четыремъ чиновникамъ, которые выжимали отсюда все, что могли и кромѣ того грызлись между собою, въ конецъ дискредитируя и безъ того не популярное правительство.

Остатки, долженствовавшіе получаться за удовлетвореніемъ всѣхъ вообще служащихъ въ данномъ вилаетѣ, хакимъ обязывался преподносить хану одинъ или два раза въ годъ въ видѣ *тартўка* (подарка), состоявшаго изъ дорогихъ халатовъ, осѣдланныхъ лошадей и нѣсколькихъ тысячъ рублей денегъ, смотря по размѣрамъ и доходности даннаго вилаета. Поднесеніе точно такого же *тартўка* было безусловно обязательно для губернатора при каждомъ посѣщеніи его губерніи ханомъ.

Понятно, что этого рода посѣщенія, крайне выгодныя для хана, санкціонировали собою до нѣкоторой степени хищенія хакимовъ, долженствовавшихъ находиться во всегдашней готовности къ достойному принятію державнаго гостя.

Кромѣ этихъ тартýковъ въ непосредственное распоряженіе хана, т. е. на содержаніе, какъ его самого, такъ равно и всего двора съ придворной челядью, поступали еще и другія, спеціальныя суммы, представлявшія собою главнѣйшее основаніе личнаго ханскаго бюджета. Изъ нихъ главное мѣсто занимали: *зякѐтъ* и доходы съ удѣльныхъ имуществъ, *хасъ* или *хасльíкъ*.

Зякѐтомъ называлась подать, взимавшаяся съ товаровъ, съ оборотныхъ капиталовъ и со скота въ размѣрѣ $^1/_{40}$ стоимости даннаго имущества.

Подъ именемъ *хасльíкъ* разумѣлись тѣ селенія, которыя, по особому приказу хана, сдавали свои подати не хакиму, а самому хану или тѣмъ придворнымъ чиновникамъ, на кормленіе которыхъ предназначались подати съ даннаго хасльíка.

Военныя силы ханства подраздѣлялись на: *сипà* (кавалерія), *сарбàзъ* (пѣхота) и *тупчѝ* (артиллерія).

Сипà представляли собою конное земское ополченіе, непосредственно подчинялись хакимамъ и рекрутировались вербовкою желающихъ. *Сарбàзы* и *тупчѝ* набирались изъ сдаточныхъ воровъ, пьяницъ и др. негодяевъ, такъ какъ обыкновенно охотниковъ на эту службу было очень не много. Въ мирное время они находились въ вѣденіи хакимовъ тѣхъ вилаетовъ, въ которыхъ были расположены.

Лишь тѣ сарбазы и тупчѝ, которые стояли въ Коканѣ, находились въ постоянномъ вѣденіи особаго должностнаго лица, именовавшагося *Наибъ-Датхà*; въ военное время этотъ Наибъ-Датха принималъ подъ свою команду всѣхъ сарбàзовъ дѣйствующей арміи, временное начальствованіе надъ которою вручалось особо назначавшемуся *амѝръ-ляшкѐру* (главнокомандующій).

Въ заключеніе этого краткаго очерка скажемъ, что дѣйствія начальствующихъ лицъ всегда почти оставались вполнѣ безконтрольными, что правильно организованный государственный контроль замѣнялся доносами и наушничест-

вами, что при замѣщеніи той или другой должности, отъ даннаго лица не требовалось ни знаній, ни другихъ какихъ либо личныхъ качествъ, а одно только благорасположеніе того лица, отъ котораго зависѣло полученіе данной должности и что, наконецъ, масса высшихъ государственныхъ должностей замѣщалась людьми, буквально незнавшими грамоты и умѣвшими лишь прикладывать свои печати къ тѣмъ документамъ и исходящимъ бумагамъ, безъ которыхъ невозможно было обойтись даже и этой немудрой административной машинѣ.

Нужно ли говорить о томъ, какія безобразія творила эта машина, которую пускали въ ходъ Худояръ, Иса-Ауліэ и компанія.

Выше было сказано, что эти безобразія, въ видѣ хищеній, лихоимства, взяточничества и всякого рода насилій, въ значительной степени поддерживались тѣми порядками придворной жизни, которые были освящены рядомъ предшествовавшихъ вѣковъ. Приведемъ и здѣсь нѣсколько примѣровъ.

Въ видахъ награжденія того или другого лица, ханъ очень часто дарилъ ему или халатъ со своего плеча, или сапоги со своихъ царственныхъ ногъ. Такой подарокъ, считавшійся особой милостью, пересылался счастливцу черезъ то должностное лицо, которое завѣдывало данной частью ханскаго гардероба. Счастливецъ, получая столь знаменательный подарокъ, обязывался уплатить иногда 300—400 руб. чиновнику, черезъ котораго передавались эти шелковые или кожаные знаки ханскаго благоволенія.

Ханъ вызываетъ къ себѣ по какому нибудь дѣлу хакима. Не доѣзжая до Кокана, послѣдняго встрѣчаетъ ханскій гонецъ съ объявленіемъ, что ханъ чувствуетъ себя такъ-то и такъ-то, велитъ хакиму ночевать тамъ-то и явиться тогда-то. Хакимъ обязывается отдарить гонца халатомъ и нѣсколькими рублями, или даже десятками рублей.

Такимъ оброзомъ мы, вѣроятно, будемъ правы, если скажемъ, что девизомъ ханскаго правительства и его агентовъ было: „рвать".

Однако же чувство справедливости заставляетъ сказать, что Худояръ-ханъ не всегда рвалъ однимъ только путемъ насилія.

Милліоны рублей, скопленные изъ тѣхъ доходовъ, о которыхъ было уже упомянуто выше, не могли погасить алчности этого человѣка; параллельно рванью насильственному, онъ пустился во всѣ тяжкія торгашества и ростовщичества. Деньги раздавались подъ проценты, раздавались и торговцамъ, которые обязывались дѣлиться съ ханомъ прибылью на вырученный имъ капиталъ. Но вскорѣ и этого оказалось мало; Худояръ-ханъ завелъ себѣ верблюдовъ и вручилъ ихъ особому чиновнику, *Даругà-башú*. Часть этихъ верблюдовъ развозила ханскую соль по базарамъ Ферганы, тогда какъ другая отдавалась въ наймы торговцамъ, изъ которыхъ многіе были пайщиками того же хана.

Здѣсь опять то же чувство справедливости заставляетъ насъ упомянуть о томъ, что хотя торгашество и сильно плѣняло Худояра, тѣмъ не менѣе ему не были чужды и другія, болѣе возвышенныя движенія души. Онъ былъ спортсменъ. Любя охоту, разводя въ своемъ урдинскомъ саду всевозможныхъ птицъ и животныхъ, Худояръ-ханъ пристрастился, между прочимъ, къ стравливанію перепеловъ, куропатокъ, жеребцовъ, верблюдовъ, барановъ и др. животныхъ, проявляющихъ въ извѣстную пору бòльшую или мѐньшую задирчивость.

Одно время пристрастіе къ этому виду спорта дошло у Худояръ-хана до того, что онъ занимался исключительно травлею собакъ. Однако же ханъ вскорѣ долженъ былъ оставить это, вполнѣ невинное, казалось бы, занятіе, ибо урду начали осаждать хозяева затравленныхъ (собакъ) съ претензіями и жалобами на гибель ихъ Арслàновъ, Муйнàковъ, Кукъ-тàевъ и др.

Тогда Худояръ-ханъ снова обратился къ перепелкамъ, какъ къ забавѣ менѣе опасной для общественнаго спокойствія, но, по увѣренію туземцевъ, и здѣсь не обошлось безъ приключеній.

Разсказываютъ, что однажды съ нимъ продѣлали такую штуку. Какой-то бѣднякъ сартъ, сильно нуждавшійся въ деньгахъ, купилъ на базарѣ за нѣсколько копѣекъ простую перепелку, не обученную, не приготовленную къ бою. Онъ явился въ урду, улучилъ удобную минуту и преподнесъ Худояру птицу, увѣряя хана, что перепелка эта съ громаднымъ

трудомъ добыта имъ въ Ходжентѣ, единственно ради его высокостепенства, ибо до сихъ поръ не встрѣчала еще равной себѣ въ бояхъ. Ханъ съ удовольствіемъ принялъ подарокъ и велѣлъ щедро наградить принесшаго птицу. Получивъ щедрое, ханское вознагражденіе, никому неизвѣстный сартъ скрылся, а Худояръ не зналъ на комъ излить свой гнѣвъ за тотъ обманъ, который открылся лишь нѣсколько дней спустя, когда перепелка, выпущенная на арену, наотрѣзъ отказалась отъ единоборства съ одной изъ себѣ подобныхъ.

Заговоривъ о способахъ ханскаго время-убіенія, я позволю себѣ привести, кстати, разсказъ одного той-тюбинскаго сарта, повѣствовавшаго мнѣ о томъ, какъ онъ проводилъ время у Насръ-Эддинъ-бека (старшій сынъ Худояра).

За достовѣрность этого разсказа не ручаюсь и сообщу дословно то, что слышалъ отъ самого разсказчика, Хамра-Кула.

Хамра-Кулъ не имѣлъ почти ничего, былъ, какъ говорится, не дуракъ выпить и искалъ службы. Въ Ташкентѣ, при русской администраціи, устроиться ему не удалось; онъ собралъ кое-какіе гроши, пріобрѣлъ лишнюю лошадь и нѣсколько халатовъ, дабы не идти съ пустыми руками, бросилъ свое Той-тюбе и направился въ Фергану, искать здѣсь счастія и покровителей.

Послѣ цѣлаго ряда мытарствъ, ему удалось, наконецъ, проникнуть въ урду Насръ-Эддинъ-бека; онъ вручилъ наслѣдному принцу привезенные имъ подарки, но былъ принятъ очень холодно.

Какъ истый сартъ, Хамракулъ не былъ этимъ обезкураженъ и предпринялъ ежедневное хожденіе въ урду на утренній селямъ. Увидѣвъ черезъ нѣсколько времени, что и это не помогаетъ, онъ сталъ проводить здѣсь цѣлые дни, усаживаясь на корточкахъ гдѣ нибудь по близости отъ главныхъ, входныхъ дверей.

Наконецъ, судьба сжалилась надъ Хамракуломъ и послала ему „*случай*". Однажды подъ вечеръ, когда онъ сидѣлъ, по примѣру предшествовавшихъ дней, у входныхъ дверей урды, изъ нихъ показался Насръ-Эддинъ. Онъ былъ по обыкновенію выпивши. Подойдя къ Хамракулу, бекъ узналъ

его и началъ милостиво съ нимъ разговаривать: „А, иностранецъ! Изъ Той-тюбе, кажется? Ты что тутъ дѣлаешь“? „Ничего, таксыръ, не дѣлаю. Надѣюсь, таксыръ, служить Вамъ. Я такъ рѣшилъ, таксыръ,....“ „Ну, ладно, ладно; пока что, пойдемъ-ка ко мнѣ въ гости“.

Отправились. Въ урдѣ подали дастарханъ и вино. Началась попойка. Дойдя до нѣкотораго градуса, Насръ-Эддинъ сдѣлалъ какой-то знакъ слугамъ, тѣ вышли. Черезъ нѣсколько минутъ подали еще вина, а затѣмъ въ комнату были торжественно внесены русскіе военные мундиры съ эполетами. Насръ-Эддинъ обрядился, поверхъ халата, въ генеральскій мундиръ, а на остальныхъ присутствующихъ были надѣты штабъ и оберъ-офицерскіе.

Совершенно уже пьяный бекъ, размахивая руками, сталъ выкрикивать разныя русскія военныя команды, собутыльники подхватили: „шагомъ-маршъ! на кра-улъ! на пле-чо!“ Чѣмъ закончилось это безобразіе, Хамракулъ, по причинѣ сильнаго хмѣля, не помнитъ; ему извѣстно только, что черезъ нѣсколько дней послѣ счастливаго *„случая“* онъ получилъ *„должностъ“*, которую и исправлялъ впредь до прихода русскихъ.

Таковы были нравы урды и ея способы время-убіенія.

Въ 1287 (1870) году была окончательно достроена, разрушающаяся нынѣ, кокандская урда.

Лѣтомъ 1290 (1873) года въ сѣверной части наманганскаго вилаета, между киргизами колѣна Кутлукъ-Сеидъ, появился новый претендентъ на кокандскій престолъ, Пулатъ-ханъ, выдававшій себя за младшаго сына Алимъ-хана.

Вскорѣ же около Пулатъ-хана собралось до 200 человѣкъ вооруженныхъ киргизъ.

Опираясь на эту военную силу, Пулатъ потребовалъ къ себѣ аминовъ и аксакаловъ ближайшихъ кишлаковъ (Алабука, Ахтамъ, Нанай, Кукъ-Яръ, Мамай и Сафитъ-Буляпъ). Они явились съ подарками и, трепеща за свое существованіе, признали на всякій случай совершенно неизвѣстнаго имъ Пулата за хана.

Когда вѣсти объ этомъ событіи дошли до Намангана [1]),

---

[1]) Въ это время резиденція наманганскаго хакима была уже перенесена изъ Тюря-Кургана въ Наманганъ. Хакимомъ номинально чис-

противъ инсургентовъ были посланы: чартакскій бекъ Гадай-бай-Датха и яны-курганскій Мирза-Алимъ; оба люди очень мало воинственные. Они пришли со своими сипаями въ Сафитъ-булянъ и простояли здѣсь, выжидая чего-то, нѣсколько дней, до тѣхъ поръ, пока киргизы не вырѣзали однажды ночью ихъ пикетовъ, выставленныхъ между Сафитъ-буляномъ и Ала-букой.

Тогда только Гадай-бай и Мирза-Алимъ двинулись на Ала-буку. Не доходя нѣсколькихъ верстъ до этого селенія, они встрѣтились съ киргизами Пулатъ-хана, къ которому успѣли уже пристать всѣ почти Кутлукъ-Сеиды и часть ближайшихъ Найма̀новъ. Враговъ раздѣлялъ тотъ широкій, съ обрывистыми берегами, оврагъ, въ которомъ течетъ здѣсь рѣчка Ала-бука. Обѣ стороны оглашали воздухъ неистовыми воинственными криками; по временамъ раздавались ружейные выстрѣлы, но ни тѣ, ни другіе не рѣшались перейти оврагъ: Гадай-бай и Мирза-Алимъ были крайне миролюбивы, а киргизы были слишкомъ ужь плохо вооружены; у многихъ имѣлись однѣ только длинныя, заостренныя палки, замѣнявшія собою пики. Происходило то, что древняя Русь именовала *„бранью“*.

Наконецъ киргизамъ это надоѣло и часть ихъ стала спускаться въ оврагъ. При видѣ такой отваги Гадай-бай и Мирза-Алимъ одними изъ первыхъ пустились на утекъ; за ними бѣжали и остальные. Киргизы бросились въ погоню, догнали заднихъ, перебили и перекалѣчили нѣсколько сотъ человѣкъ сартовъ. Тѣмъ временемъ изъ Кокана съ отрядомъ, состоявшимъ изъ трехъ родовъ оружія, былъ двинутъ Абдурахманъ-Афтобачи [1]), а Пулатъ-ханъ спустился ниже, въ долину, и занялъ кишлакъ Кукумбай.

Простоявъ два дня въ Наманганѣ, Афтобачѝ двинулся на Тюря-Курганъ и Тергаучѝ; Пулатъ-ханъ отступилъ за Касанъ, къ Юмалахъ-Шейху.

лялся малолѣтній Урманъ-бекъ (сынъ Худояра), а дѣлами вилаета вѣдалъ Мулла-Турды-Али.

[1]) Абдурахманъ былъ сынъ Мусульманкула и, какъ говорятъ, никогда не забывалъ объ обстоятельствахъ трагической смерти своего отца. (Афтобачѝ—одна изъ придворныхъ должностей. Афтоба̀—рукомойникъ).

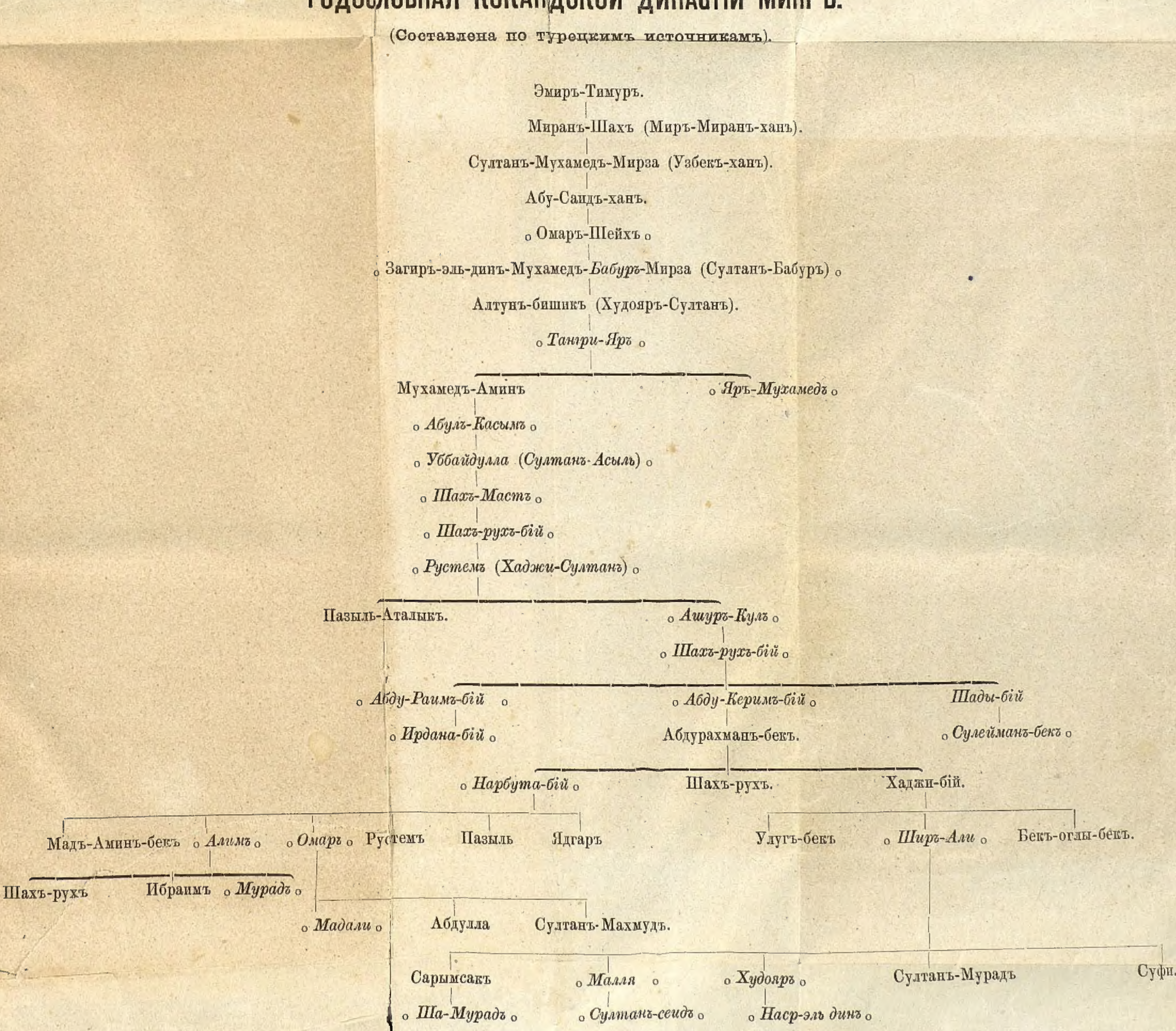
Медленно подвигаясь къ Касану, Афтобачи повелъ какіе-то тайные переговоры съ Пулатомъ; они не успѣли еще придти къ соглашенію, когда авангарды завязали перестрѣлку; большая часть обоихъ отрядовъ сама собой втянулась въ *брань*; послѣ нѣсколькихъ орудійныхъ выстрѣловъ киргизы бѣжали; сарты преслѣдовали ихъ до Ала-буки. Пулатъ-ханъ перевалилъ черезъ горы и ушелъ на Чаткалъ.

Мѣсяца черезъ два онъ снова появился въ Ферганѣ, но не нашелъ (себѣ) болѣе соратниковъ, а потому снова бѣжалъ въ долину Чаткала, какъ только заслышалъ о выступленіи изъ Кокана ханскихъ войскъ.

Изъ Намангана, Тюря-Кургана и Яны-Кургана сипаи, подъ командою Мулла-Юлдашъ-Пансата, форсированнымъ маршемъ были посланы ловить Пулатъ-хана и наказать тѣхъ киргизъ, которые принимали участіе въ послѣднемъ возстаніи.

Отрядъ этотъ Пулатъ-хана не догналъ, но за то жестоко разграбилъ всѣхъ киргизъ по теченію рѣчекъ Ала-бука, Урюкты и Касанъ.

На этомъ я заканчиваю свой слабый трудъ, ибо дальнѣйшія событія принадлежатъ уже не столько исторіи Кокандскаго ханства, сколько исторіи нашихъ, русскихъ завоеваній въ Средней-Азіи.

РОДОСЛОВНАЯ КОКАНДСКОЙ ДИНАСТІИ МИНГЪ.
(Составлена по турецкимъ источникамъ).
Эмиръ-Тимуръ.
Миранъ-Шахъ (Миръ-Миранъ-ханъ).
Султанъ-Мухамедъ-Мирза (Узбекъ-ханъ).
Абу-Саидъ-ханъ.
Омаръ-Шейхъ
Загиръ-эль-динъ-Мухамедъ-Бабуръ-Мирза (Султанъ-Бабуръ)
Алтунъ-бишикъ (Худояръ-Султанъ).
Тангри-Яръ
Мухамедъ-Аминъ
Яръ-Мухамедъ
Абулъ-Касымъ
Уббайдулла (Султанъ-Асылъ)
Шахъ-Мастъ
Шахъ-рухъ-бій
Рустемъ (Хаджи-Султанъ)
Пазыль-Аталыкъ.
Ашуръ-Кулъ
Шахъ-рухъ-бій
Абду-Раимъ-бій
Абду-Керимъ-бій
Шады-бій
Ирдана-бій
Абдурахманъ-бекъ.
Сулейманъ-бекъ
Нарбута-бій
Шахъ-рухъ.
Хаджи-бій.
Мадъ-Аминъ-бекъ
Алимъ
Омаръ
Рустемъ
Пазыль
Ядгаръ
Улугъ-бекъ
Ширъ-Али
Бекъ-оглы-бекъ.
Шахъ-рухъ
Ибраимъ
Мурадъ
Мадали
Абдулла
Султанъ-Махмудъ.
Сарымсакъ
Малля
Худояръ
Султанъ-Мурадъ
Суфи.
Ша-Мурадъ
Султанъ-сеидъ
Насръ-эль динъ

